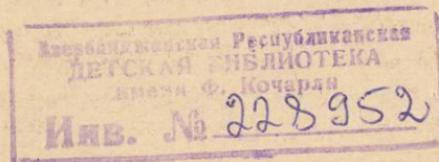

Г.-Х. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

2015 год.

ММП «Асцендент»

МОСКВА 1992

ДЮЙМОВОЧКА

Жила одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось иметь маленького ребеночка. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне ее взять?

— Почему не сказать? — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое.

Такой ячмень не растет на крестьянских полях и им не кормят кур. Посади ты это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей. Потом она пошла домой и посадила ячменное зернышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зернышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, похожий на тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щелкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-премаленькая, всего в дюйм ростом. Ее так и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой, а на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо весел у нее были два белых

конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоска, как у нее, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого ее берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь ее, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебедино-го пуха. Посадим-ка ее на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнездышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки; кругом, куда ни помотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом

камышом и желтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда все было готово, жаба поплыла со своим гадким сыном к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять ее кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зеленом листе, продолжая горько плакать — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и ее сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку-невесту. Как только рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придется жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли его стебелек.

И вот листок кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не смогла бы догнать Дюймовочку.

А Дюймовочка плыла все дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на нее и пели:

— Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылек все время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

В это время мимо пролетал майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил ее и унес на дерево, а зеленый

лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек, ведь он был привязан и никак не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали крылышками.

— У нее только две нож-ж-ж-ки! — говорили одни.

— У нее даже нет ус-с-с-иков! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали третьи.

— Она просто убож-ж-жество! — решили наконец все жуки.

Тогда и майскому жуку, который принес Дюймовочку, показалось, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать ее у себя — пусть идет куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил ее на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали ее.

Все лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мед и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла осень. Приближалась длинная холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье ее совсем разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мерзнуть! Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки как целая лопата снегу для

нас. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она попыталась завернуться в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала, как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из леса и поискать себе приют на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мерзлой земли.

В поле было еще холоднее, чем в лесу, и бедняжка совсем замерзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у нее были битком набиты хлебными зернами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зернышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной!

Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

— Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в теплой мышинной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю меня приходит навещать мой сосед. Он очень богат и живет куда лучше меня. У него большой дом под землей, и он носит чудесную черную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадешь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить за муж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот в самом деле пришел в гости к полевой мыши. Он был такой важный, ученый и богатый; шуба на нем была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало в них. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил ее. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землей длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка светит все равно что свечка — и пошел вперед, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам ее нечего бояться — она мертвая.

Крот проткнул своим широким носом дырку в потолке — дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мертвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мертвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в перышки. Бедная ласточка, наверно, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее, она так любила птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Теперь уж не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придет зима — что ей де-

лать: помирай с голоду и холоду. Моим детям зимы не придется бояться.

— Да, да! — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься.

А Дюймовочка молчала, но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глаза.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом, — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!»

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковер, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мертвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мертвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая птичка! — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые, а солнышко так славно грело!

Она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птицы — та была не совсем мертвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила.

Дюймовочка дрожала от страха — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но все-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала птичку ковриком, а потом принесла из дома листок мяты, которым сама укрывалась, и прикрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла

перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у нее не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идет снег! Остайся лучше в своей теплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла ласточке воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зернышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птиц.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка открыла ту дыру, которую проделал в толчке крот, чтобы ласточка могла улететь.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес. Но Дюймовочке было жалко старую полевую мышь — она знала, что старухе без нее будет очень скучно.

— Нет, я не могу улетать с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прощевтала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слезы закапали у нее из глаз — она очень полюбила птичку.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зеленом лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой

мышь заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

Однажды пришел старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха-мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха-мышь наняла черырек пауков, и они днем и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова станет мягкой и рыхлой. Тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка все грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

«Как светло, как хорошо тут, на воле!» — думала Дюймовочка и все вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала далеко в зеленом лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха-мышь. — Не упрямясь, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой черной бархатной шубки, как у него. Да и в погребах у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришел за своей невестой. Теперь Дюймовочке придется пересе-

литься в кротовую нору, жить глубоко под землей, и никогда она не увидит солнца — крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

Бедной Дюймовочке было так тяжело не всегда распрощаться с ясным солнышком! Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышиной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь ее!

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Скоро наступит холодная зима, — сказала ласточка, — поэтому я улетаю далеко-далеко в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя крепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому перышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки, высу-

нув только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а около канав и изгородей вился чудесный зеленый виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали веселые ребятки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше.

На берегу прекрасного голубого озера посреди зеленых кудрявых деревьев стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнезда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда, и ты заживешь прекрасно.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, — между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке сидел маленький человек. За плечами у него дрожали легкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался. Он был такой крошечный, ласточка такая большая! Но он очень обрадовался, когда увидел Дюймовочку, — он никогда еще не видал такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как ее зовут.

— Дюймовочка, — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подар-

ком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и распевала песни, как умела.

Она пела эльфам веселые песни всю теплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощобетала ласточка и опять полетела из теплых краев в Данию.

Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали эту историю.

ОГНИВО

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Он шел домой с войны. И вдруг на дороге встретилась ему ведьма.

Ведьма была старая и страшная. Нижняя губа у нее отвисла до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала ведьма. — Какая у тебя славная сабля и большой ранец! Вот бравый солдат! Всем ты хорош, да только, поди, в карманах у тебя пусто. Хочешь, я дам тебе денег, солдат?

— Спасибо, старая ведьма. От денег только дураки отказываются! — сказал солдат и подставил было свой карман.

— Э, нет, — сказала ведьма, — погоди немного! Вон видишь то большое дерево — оно внутри пустое. Полезай на дерево, там наверху дупло. Лезь в это дупло и спускайся в самый низ. А я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса и вытащу назад, как только ты крикнешь.

— А зачем мне лезть в это дупло? — спросил солдат.

— За деньгами, — сказала ведьма. — Дерево это не простое. Как спустишься в самый низ, увидишь длинный подземный ход. Там совсем светло — днем и ночью горят сотни ламп. Иди, не сворачивая, по подземному ходу. А дойдешь до конца, прямо перед тобой будут три двери. В каждой двери торчит ключ. Поверни его, и дверь откроется. В первой комнате стоит большой сундук. На сундуке сидит собака. Глаза у этой собаки словно два чайных блюдца. Но ты не бойся. Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу и смело хватай собаку. А схватишь — сажай ее скорей на мой передник. Ну, а потом открывай сундук и бери из него денег, сколько хочешь. Да только в этом сундуке одни медные деньги. А если серебра захочешь, ступай во вторую комнату. И там стоит сундук. И на том сундуке сидит собака. Глаза у нее — что твои мельничные колеса. Только ты не пугайся — хватай ее и сажай на передник, а потом бери себе серебряные денежки. Ну, а уж если золота тебе захочется, иди в третью комнату. Посреди третьей комнаты стоит сундук, доверху полный золота. Сундук этот сторожит самая большая собака. Каждый глаз у нее величиной с башню. Сумеешь посадить ее на мой передник — твое счастье: она не тронет тебя. Бери тогда золота, сколько твоей душе угодно!

— Все это очень хорошо, — сказал солдат. — Но что же ты с меня возьмешь за это, старая ведьма? Ведь что-нибудь да нужно тебе от меня.

— Я не возьму с тебя ни полупушки! — сказала ведьма. Только принеси ты мне старое огниво, которое позабыла внизу моя бабушка, когда лазила туда последний раз.

— Ну ладно, обвязывай меня веревкой! — сказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот тебе мой клетчатый передник.

И солдат полез на дерево. Нашел он дупло и спустился по нему в самый низ. Как сказала ведьма, так все и вышло: смотрит солдат — перед ним подзем-

ный ход. И светло там, как днем, — сотни сотен ламп горят.

Пошел солдат по этому подземелью. Шел, шел и дошел до самого конца. Дальше идти некуда. Видит солдат — перед ним три двери. А в дверях ключи торчат.

Открыл солдат первую дверь и вошел в комнату. Посреди комнаты сундук стоит, на сундуке сидит собака. Глаза у нее словно два чайных блюдца. Глядит на солдата собака и вертит глазами в разные стороны.

— Ну и чудище! — сказал солдат, схватил собаку и мигом посадил ее на ведьмин передник.

Тут собака присмирела, а солдат открыл сундук и двай оттуда деньги таскать. Набрал себе полные карманы медных денег, закрыл сундук и опять посадил на него собаку, а сам пошел в другую комнату.

Правду сказала ведьма — и в этой комнате на сундуке сидела собака. Глаза у нее были, что мельничные колеса.

— Ну, чего ты на меня уставилась? Как бы твои глазницы не выскочили! — сказал солдат, схватил собаку и посадил на ведьмин передник, а сам скорей к сундуку.

В сундуке серебра полным-полно. Выбросил солдат из карманов медные деньги, набил оба кармана и ранец серебром. Потом вошел солдат в третью комнату. Вошел — и рот разинул. Ну и чудеса! Среди комнаты стоял золотой сундук, а на сундуке сидело настоящее страшилище. Глаза — ни дать ни взять две башни. Вертелись они, точно колеса самой быстроходной кареты.

— Здравия желаю! — сказал солдат и взял под козырек, как будто он стоял перед генералом.

Долго смотреть он, впрочем, не стал. Схватил собаку в охапку, посадил ее на ведьмин передник, а сам открыл сундук. Батюшки, сколько тут было золота! На это золото можно было бы купить целый столичный город, все игрушки, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все пряники на свете. На всех хватило бы.

Тут солдат повыкидал из карманов и ранца серебряные деньги и обеими руками начал выгребать из

сундука золото. Набил золотом карманы, набил ранец, шапку, сапоги. Столько набрал золота, что еле еле с места сдвинулся. Вот теперь-то он был богат!

Посадил он собаку на сундук, захлопнул дверь и закричал:

— Эй, тащи меня наверх, старая ведьма!

— А огниво мое ты взял? — спросила ведьма.

— Ах, ты, черт побери, совсем было забыл про твое огниво! — сказал солдат.

Пошел он назад, отыскивал ведьмино огниво и сунул его в карман.

— Ну, тащи! Нашел твое огниво! — крикнул он ведьме.

Ведьма дернула веревку и вытащила солдата наверх. И очутился солдат опять на большой дороге.

— Ну, давай мне огниво! — сказала ведьма.

— На что тебе, ведьма, это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — сказала ведьма. — Ты ведь получил деньги. Отдай же мне огниво!

— Ну нет! — сказал солдат. — Говори сейчас же, зачем тебе огниво, не то я вытащу саблю и отрублю тебе голову.

— Не скажу! — ответила ведьма.

Тогда солдат схватил саблю и отрубил ведьме голову. Упала ведьма наземь и умерла. А солдат завязал все свои деньги в ведьмин клетчатый передник, взвалил узел на спину и отправился прямо в город.

Город был большой и богатый. Солдат пошел в самую большую гостиницу, нанял себе самые лучшие комнаты и приказал подать все свои любимые кушанья — ведь он теперь был богачом.

Слуга, который чистил его сапоги, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, — ведь солдат еще не успел купить новых. Зато на другой день он купил себе самую красивую одежду, шляпу с пером и сапоги со шпорами.

Теперь солдат стал настоящим баринном. Ему рассказали обо всех чудесах, какие были в этом городе.

Рассказали и о короле, у которого была прекрасная дочь-принцесса.

— А как бы мне повидать эту принцессу? — спросил солдат.

— Ну, это не так-то просто, — сказали ему. — Принцесса живет в большом медном замке, а вокруг замка высокие стены и каменные башни. Никто, кроме короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что его дочери суждено стать женой простого солдата. А королю породниться с простым солдатом, понятно, не очень-то хочется. Вот он и держит принцессу взаперти.

Пожалел солдат, что нельзя поглядеть на принцессу, да, впрочем, долго горевать не стал.

И без принцессы зажил он весело: ходил в театры, гулял в королевском саду, раздавал деньги бедным. Он ведь сам испытал, как плохо сидеть без гроша в кармане. Ну, а раз солдат был богат, жил весело и одевался красиво, то и друзей у него стало много. Все называли его славным малым, настоящим баринном, а это ему очень нравилось.

Вот тратил, тратил солдат деньги и видит однажды — осталось в кармане у него всего-навсего две денежки. И пришлось солдату перебраться из хороших комнат в тесную каморку под самой крышей. Вспомнил он прежние времена: стал сам чистить себе сапоги и зашивать на них дырки. Никто из друзей больше не навещал его — уж очень высоко теперь было подниматься к нему.

Раз как-то вечером сидел солдат в своей каморке. Уже совсем стемнело, а у него не было денег даже на свечу. Тут он и вспомнил про ведьмино огниво. Достал солдат огниво и стал высекать огонь. Только ударил он по кремню, дверь распахнулась, и вбежала собака с глазами точно чайные блюдца. Это была та самая собака, которую солдат видел в первой комнате подземелья.

— Что прикажешь, солдат? — спросила собака.

— Вот так штука! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, не простое. Не выручит ли оно меня из беды?

— Добудь-ка мне деньжонок! — приказал он собаке.

И только он это вымолвил, собаки и след пропал. Но не успел солдат сосчитать до двух, как собака уже тут как тут, а в зубах у нее большой мешок, битком набитый медными деньгами.

Понял теперь солдат, что за чудесное было у него огниво. Стоило ударить по кремню один раз — являлась собака с глазами что чайные блюдца. А два раза ударит солдат — бежит к нему собака с глазами как мельничные колеса. Три раза ударит, и собака, у которой каждый глаз с башню, стоит перед ним и ждет приказаний. Первая собака тащит ему медные деньги, вторая — серебро, а третья — чистое золото.

И вот солдат опять разбогател, перебрался в самые лучшие комнаты, снова стал шеголять в нарядном платье. Тут все его друзья опять повадились ходить к нему и очень его полюбили.

Как-то раз пришло солдату в голову: «А почему бы мне не повидать принцессу? Все говорят, что она такая красавица. Что толку, если она век свой просидит в медном замке, за высокими стенами да башнями? Ну-ка, где мое огниво?»

И он ударил по кремню один раз. В тот же миг явилась собака с глазами словно блюдца.

— Вот что, любезная! — сказал солдат. — Теперь, правда, уже ночь, но я хочу поглядеть на принцессу. Доставь-ка ее сюда на минуточку. Ну, шагом марш!

Собака тотчас же убежала, и не успел солдат опомниться, как она явилась снова, а на спине у нее лежала спящая принцесса.

Принцесса была чудо как хороша. С первого взгляда было видно, что это настоящая принцесса. Солдат наш никак не мог удержаться, чтобы не поцеловать ее, — на то ведь он и был солдат. Потом собака отнесла принцессу назад так же, как и принесла.

За утренним чаем принцесса рассказала королю и королеве, что она видела ночью удивительный сон:

будто она ехала верхом на собаке и какой-то солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — сказала королева.

Видно, ей этот сон не очень понравился.

На следующую ночь к постели принцессы приставили старуху-фрейлину и приказали разузнать, был ли то в самом деле сон или что-нибудь другое.

А солдату опять досмерти захотелось увидеть красавицу принцессу.

И вот ночью в медный замок, как и вчера, явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть. Тут старуха-фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь-то мы разыщем молодчика!» И она нарисовала мелом на воротах дома большой крест, а сама спокойно отправилась домой спать.

Но напрасно она успокоилась: когда пришло время нести принцессу назад, собака увидела на воротах крест и сейчас же догадалась, в чем тут дело. Она взяла кусок мела и наставила кресты на всех воротах города. Это было ловко придумано: теперь фрейлина никак не могла бы отыскать нужные ворота — ведь повсюду стояли такие же белые кресты.

Рано утром король с королевой, старуха-фрейлина и все королевские офицеры пошли посмотреть, куда ездит принцесса на собаке по ночам.

— Вот куда! — сказала королева, увидев крест на первых же воротах.

— А вон и там крест, и здесь! — сказали офицеры.

И на какие бы ворота они ни смотрели, везде были белые кресты. Так и не добились они никакого толку.

Но королева была женщина умная, мастерица на все руки, а не только в каретах разъезжать. Она приказала слугам подать свои золотые ножницы и кусок шелку и сшила красивый маленький мешочек. В этот мешочек она насыпала гречневой крупы и незаметно привязала его на спину принцессе. Потом проткнула в мешочке дырку, чтобы крупа понемногу сыпалась на дорогу, когда принцесса поедет к своему солдату.

И вот ночью явилась собака, посадила принцессу к себе на спину и понесла к солдату. А солдат уже успел так полюбить принцессу, что от всей души хотел жениться на ней. Да и принцем стать было бы недурно.

Собака бежала быстро, а крупа сыпалась из мешочка по всей дороге от медного замка до дома солдата. Но собака ничего не заметила.

Поутру король и королева вышли из дворца, поглядели на дорогу и сразу узнали, куда ездила принцесса. Солдата схватили и посадили в тюрьму.

Долго сидел солдат за решеткой. В тюрьме было темно и скучно. И вот однажды стражник сказал солдату:

— Завтра тебя повесят!

Грустно стало солдату. Думал он, думал, как от смерти спастись, но ничего не мог придумать. Ведь свое чудесное огниво солдат забыл дома.

На другой день утром солдат подошел к маленькому окошечку и стал смотреть сквозь железную решетку на улицу. Народ толпами валил за город посмотреть, как будут вешать солдата. Били барабаны, проходили войска. Вот мимо самой тюрьмы пробежал какой-то мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях на босу ногу. Он мчался вприпрыжку, и вдруг одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо в стену тюрьмы, около того решетчатого окошка, у которого стоял солдат.

— Эй, молодчик, не спеши! — крикнул солдат. — Я ведь еще здесь, а без меня там дело не обойдется. А вот если ты сбегашь ко мне домой и принесешь мне огниво, я тебе дам целых четыре серебряных монетки. Ну, живо! Бери ноги в руки — и марш!

Мальчишка был непрочь получить четыре серебряные монетки и стрелой пустился за огнивом, мигом принес его, отдал солдату и...

Вот послушайте, что из этого вышло.

За городом была построена большая виселица. Вокруг нее стояли войска и толпы народу. Король и

королева восседали на великолепном троне. Напротив сидели судьи и весь государственный совет. Солдата ввели на лестницу, и палач уже собирался накинуть ему петлю на шею.

Но тут солдат попросил минутку обождать.

— Мне бы очень хотелось, — сказал он, — выкурить трубочку табаку — ведь это будет самая последняя трубочка в моей жизни.

А в этой стране был такой обычай: последнее желание осужденного на казнь должно быть исполнено. Конечно, если это было совсем пустяковое желание.

Поэтому король никак не смог отказать солдату.

И солдат сунул в рот трубку, вытащил свое огниво и стал высекать огонь. Ударил он по кремню раз, ударил два, ударил три — и вот перед ним появились три собаки. У одной глаза были, как чайные блюдца, у другой — как мельничные колеса, у третьей — как башни.

— Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! — сказал им солдат.

Тут все три собаки бросились на судей и на государственный совет: того схватят за ноги, этого за нос, и давай подбрасывать, да так высоко, что, падая на землю, все разбивались вдребезги.

— Меня не надо! Я не хочу! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила обоих кверху. Тут войско испугалось, а народ стал кричать:

— Да здравствует солдат! Будь, солдат, нашим королем и возьми себе в жены прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету и повезли во дворец. Три собаки плясали перед каретой и кричали «ура». Мальчишки свистели, а войска отдавали честь. Принцесса вышла из медного замка и сделалась королевой. Понятно, она была очень довольна.

Свадебный пир продолжался целую неделю. Три собаки тоже сидели за столом, ели, пили и вертели своими громадными глазами.

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

Давным-давно жил на свете король. Он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги. Он устраивал парады, загородные прогулки, каждый день ходил в театры только для того, чтобы показаться в новом наряде. Король переодевался каждый час, и один наряд был у него лучше другого. Про других королей часто говорили: «Король совещается с министрами», а про этого короля говорили: «Король переодевается».

В королевской столице жилось очень весело. Почти каждый день туда приезжали иностранные гости. И вот однажды в столицу приехали двое обманщиков. Обманщики говорили, что они знаменитые ткачи и что они умеют изготавливать такую чудесную ткань, лучше которой ничего нельзя себе представить. Эта ткань отликает самыми яркими красками и расшита самыми красивыми узорами. Но кроме всего этого, она обладает чудесным свойством: ее могут видеть только умные люди. Ни глупец, ни человек, который не годится для своей должности, этой прекрасной ткани не увидит.

«Вот это хорошо, — подумал король. — У меня будет новое красивое платье, да вдобавок я узнаю, кто из моих министров даром получает жалование, кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят эту замечательную ткань!»

И он дал обманщикам большой задаток и приказал им сейчас же приняться за работу.

Обманщиками отвели во дворце большую комнату, и они поставили там два ткацких станка, уселись за них и стали делать вид, что усердно работают. А у самих на станках ровно ничего не было — ни одной нитки, ни кусочка ткани. Каждый день обманщи-

ки требовали для своей работы тончайшего шелку и чистого золота. Все они прятали в свои карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

И вот как-то раз король захотел посмотреть, как подвигается у ткачей дело.

Но тут он вспомнил о чудесном свойстве ткани, и ему стало как-то не по себе. Конечно, ему-то нечего бояться за себя, но... все-таки пусть сначала посмотрит кто-нибудь другой.

«Пошлю-ка я к ним моего честного старого министра, — подумал король. — Уж он-то увидит эту ткань: он умен и с честью занимает свое место».

И вот старый министр вошел в комнату, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Вот тебе раз! — подумал министр. — Я ведь ничего не вижу!»

Но вслух он этого не сказал.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему рисунок и краски. Они показывали на пустые станки, и бедный министр, как ни таращил глаза, все-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

— Неужели я дурак? — прошептал министр. — Вот уж чего никогда не думал! — Упаси боже, если кто-нибудь узнает про это! А может быть, я не гожусь для своей должности? Нет, нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани.

— Что же вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это очень мило! — ответил старый министр, глядя сквозь очки на пустой станок. — И узор красивый, и краски превосходные. Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и наперебой принялись расхваливать узоры на своей ткани.

Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

С этого дня обманщики стали требовать еще боль-

ше шелку и золота. Все карманы у них были полны дорогими товарами, а на работу они не истратили ни одной ниточки.

Через несколько дней король послал к ткачам другого министра. И с ним произошло то же, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, смотрел, и сбоку заглядывал, и снизу, но ничего, кроме пустых станков, так и не высмотрел.

— Ну, как? Нравится ли вам? — спросили его обманщики, разводя руками в воздухе, как будто бы они поддерживали тяжелую ткань.

«Конечно, я не глуп, — думал сановник, — но тогда, значит, я не на своем месте? Вот так штука! Но нельзя же в этом сознаться!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и восхищаться чудесными узорами, которых не было.

— Очень хорошо, очень мило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о чудесной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться этой диковинкой, пока она еще не снята со станка. С целой свитой придворных и вельмож король отправился к ткачам. В королевский свите были и те два министра, которые уже побывали у обманщиков. А обманщики между тем сидели в своей комнате и изо всех сил ткали на пустых станках.

— Превосходно! Не правда ли? — сказали первые два министра. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок, какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, думая, что все остальные действительно видят прекрасную ткань.

«Что это значит? — подумал король. — Я ничего не вижу! Но ведь это ужасно! Неужели я дурак? А может быть, я не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

А вслух он сказал:

— О да, это очень недурно. Вполне заслуживает моего одобрения.

И король с довольным видом кивал головой. Королевская свита глядела во все глаза, но видела не больше своего повелителя. И все же придворные поворачивали в один голос:

— О, это прекрасно! Это восхитительно! — и советовали королю сшить себе из этой ткани наряд для предстоящей тожественной процессии.

Король пожаловал обманщикам ордена и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей. Они притворялись, что снимают ткань со станков и кроют ее большими ножницами. А потом они стали шить новое платье короля иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Наутро король в сопровождении всей своей свиты явился за новым платьем.

Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, и приговаривали:

— Пожалуйста, ваше величество, вот панталоны, вот камзол, а вот кафтан. Прелестный наряд! Легкий, как паутина. Вы даже и не почувствуете, что надели его.

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видели, да и видеть-то было нечего.

— Соблаговолите теперь раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом, — сказали обманщики королю. — Мы оденем вас.

Король снял старое платье, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него то панталоны, то камзол, то кафтан. Они притворились, что застегивают пуговицы, завязывают банты, а потом они широко взмахнули руками, как будто набросили на его плечи королевскую мантию.

А король вертелся перед зеркалом и оглядывал себя то с одного бока, то с другого.

— Ах, как идет это платье королю! Как чудесно

оно сидит на нем! — шептали придворные. — Какой рисунок, какие краски! Роскошный наряд!

— Балдахин его величества у дверей! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король, — Хорошо ли сидит на мне это платье?

И он подошел поближе к зеркалу и еще раз оглядел себя с головы до ног. Все ведь должны были видеть, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф королевской мантии, притворились, будто поднимают что-то с полу, и пошли за королем, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что нести-то было нечего.

И вот процессия двинулась.

Король шествовал под роскошным балдахином, а народ, толпившийся на улицах, говорил:

— Ах, какой наряд! Какая роскошная мантия! Как это платье к лицу королю!

Ни один человек не сознался в том, что ничего не видит, никто не хотел прослыть глупцом или признать, что он ни на что не пригоден.

И вдруг какой-то маленький мальчик крикнул:

— А король-то голый!

— Ах, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец. — Ребенок есть ребенок. Он всегда для своей должности годится. Значит, он говорит правду.

И все стали шопотом повторять:

— А ведь это верно! Король-то голый!

— Голый король! Голый! — вдруг громко закричал весь народ.

И королю стало жутко.

«Не может быть, чтобы все были дураки! — подумал он. — Значит, меня обманули и я действительно голый. Но что же делать — надо идти дальше».

И голый Король еще величавее зашагал под своим балдахином, а камергеры шли за ним и несли шлейф, которого не было.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все они были сыновьями одной матери — старой оловянной ложки — и, значит, приходились друг другу родными братьями. Они были очень красивые: ружье на плече, грудь колесом, мундир красный с синим. Чудо что за солдатика! Они лежали, все двадцать пять, в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но вот однажды коробка открылась.

— Ах, оловянные солдатика! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять оловянных солдатиков на столе. Двадцать четыре солдатика были совершенно одинаковые, а двадцать пятый солдатик был одноногий. Его отливали последним, и олова немножко не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твердо, как другие на двух. Вот с этим-то солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик расставил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Сквозь его маленькие окна были видны все комнаты. Перед самым дворцом лежало зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера на деревянных подставках стояли маленькие зеленые деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув шею, любовались своим отражением.

Все это было прекрасно, но всего милее была девушка, стоявшая на пороге в широко раскрытых дверях дворца. Она была тоже вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плече — голубой шарф и на груди — блестящая брошка, такая

большая, как голова самой девушки. Красавица стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей. Другую ногу она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик совсем не заметил этой ноги и подумал, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живет. А мой дом — простая коробка, да еще набилось нас в эту коробку целых двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней все же не мешает».

И солдатик притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одноногого — его так и не могли найти, — уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. И вот, когда наступила тишина, игрушки сами стали играть в гости, в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатiki стучали в стенki коробки — они тоже хотели выйти поиграть, да никак не могли приподнять крышку. Даже щелкунчик принялся кувыряться, а грифель пошел плясать по грифельной доске. Поднялся такой шум и гам, что в клетке проснулась канарейка и тоже заговорила, да притом еще стихами.

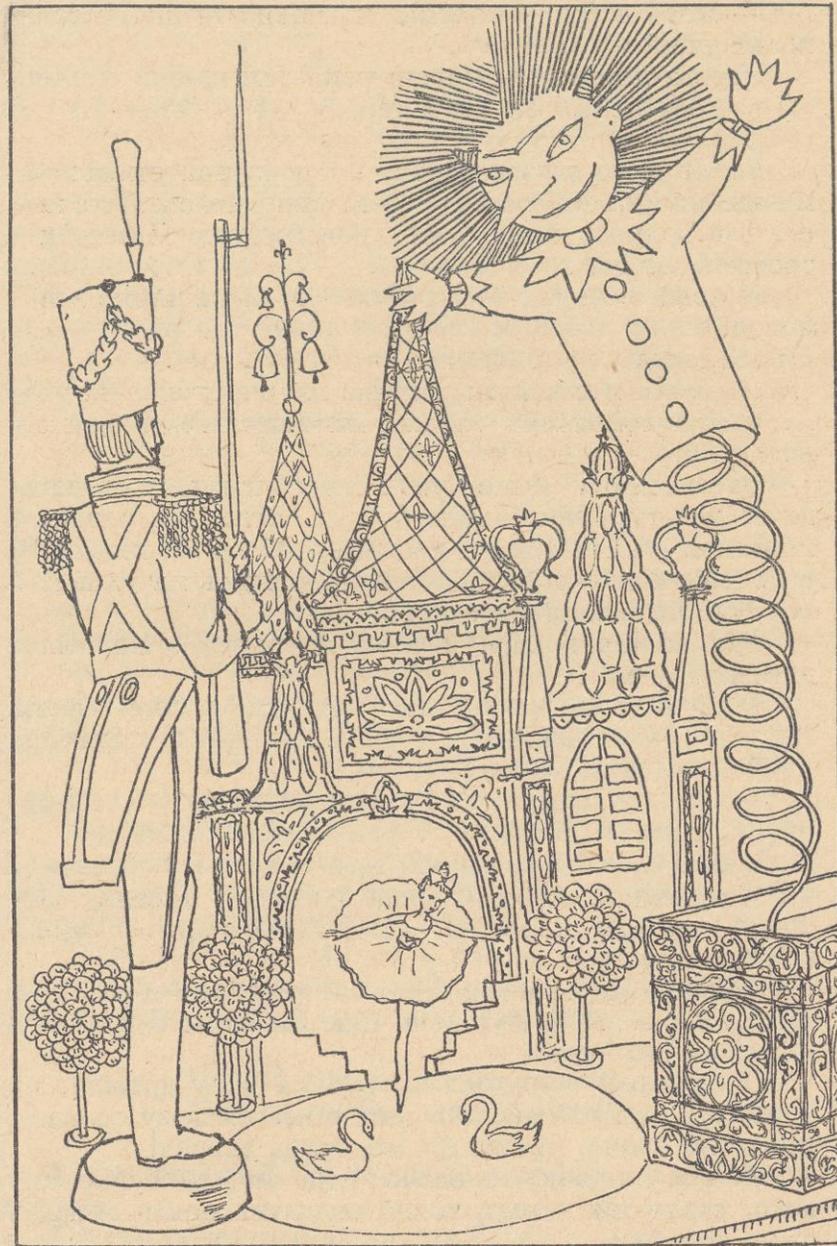
Только солдатик и танцовщица не двигались с места. Она попрежнему стояла на одной ножке, вытянув руки вперед, а он застыл с ружьем в руках, как часовой, и не сводил глаз с красавицы.

Пробило двенадцать. И вдруг — щелк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке табак никогда не держали, а сидел в ней маленький чертенок. Он выскочил из табакерки и оглянулся кругом.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул чертенок. — Чего ты уставился на плясунью? Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Вот ты как! — сказал чертенок. — Ну, погоди же до утра!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдата за табакеркой и поставили на окно.

Вдруг окно распахнулось — чертенок ли это напроказил или просто потянуло сквозняком, кто знает? Но только одноногий наш солдатик полетел с третьего этажа вниз головой — да так, что в ушах засвистело. Минута — и он уже стоял на улице вверх ногой, а его ружье и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу искать солдата, но как ни старались, найти его не могли.

Один раз они даже чуть не наступили на солдата, а все-таки не заметили его. Если бы солдатик крикнул: «Я тут!», они, конечно, сейчас же нашли бы его. Но он считал неприличным кричать на улице — ведь он был солдат и носил мундир.

Тут пошел дождь, настоящий ливень. По улице потекли ручьи.

А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое мальчишек.

— Эге! — сказал один из них. Смотри — оловянный солдатик! Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в нее оловянного солдата и пустили в канавку. Лодочка поплыла, а мальчики побежали рядом и захлопали в ладоши.

Лодочку подхватило быстрым течением и понесло. Вода в канаве так и бурлила. Еще бы ей не бурлить — после такого ливня!

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал, но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружье на плече, голова прямо, грудь вперед!

И вот лодочку занесло под широкий-широкий мост; стало так темно, точно солдатик опять попал в свою коробку.

«Куда меня несет? — думал он. — Это все проделки гадкого чертенка из табакерки. Ах, если бы со мною в лодке сидела красавица-плясунья, я ничего бы не боялся, даже если бы стало еще темнее!»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружье. Лодку его несло все дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щелкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите, держите его! У него нет паспорта!

Тут лодочку понесло еще быстрее, и оловянный солдатик наконец увидел впереди свет. Мост кончился. Но в эту минуту послышался такой страшный грохот, от которого задрожал бы любой храбрец. Подумать только! За мостом канавка впадала прямо в большой бурный канал. По таким волнам солдата в маленьком бумажном кораблике плыть было так же опасно, как нам в настоящей лодке нести к большому водопаду. Остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не моргнул.

Лодочка завертелась на месте, два-три раза зачерпнула воды и скоро наполнилась водой до краев. Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло. И наконец вода накрыла его с головой.

С грустью подумал солдатик о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи! В последнюю минуту вспомнил он солдатскую песню:

*Шагай вперед, всегда вперед!
Тебя за гробом слава ждет!*

И он приготовился с честью погибнуть в страшной пучине.

Но его подстерегала другая беда.

Из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатика.

О, как темно и тесно было в желудке у рыбы! Темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке. Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и еще крепче сжал свое ружье. Так он пролежал довольно долго. Вдруг рыба заметалась во все стороны, стала нырять, извиваться, прыгать и наконец замерла.

Опять прошло немало времени. Солдатик соскучился и задремал.

Проснулся он оттого, что над ним, как молния, сверкнул острый нож. Стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было так: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распоролла ей брюхо большим ножом и вдруг увидела оловянного солдатика. Она взяла солдатика двумя пальцами поперек живота и понесла в комнату.

Весь дом сбежался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатику поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого недавно вылетел. Вокруг были те же игрушки, а среди них гордо возвышался чудесный картонный дворец, и на пороге стояла красавица танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатались оловянные слезы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая смотрел он на танцовщицу, она смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой чертенок из табакерки. В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатику стало ужасно жарко — от огня или от любви, он и сам не знал. Краски с него совсем со-

шли, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке у рыбы. Но и тут он держался прямо, сжимая свое ружье, и не сводил глаз с прекрасной плясуньи, а плясунья смотрела на него. И вдруг солдатик почувствовал, что он тает в огне.

В эту минуту дверь в комнате распахнулась настежь, сквозной ветер сквозной ветер одхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к солдатику. Пламя охватило ее, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился. На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, черную, как уголь, брошку. Это было все, что осталось от стойкого оловянного солдатика и его прекрасной плясуньи.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочь, которую звали Элизой. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; у каждого на груди блистала звезда и у левого бока гремела сабля. Принцы писали алмазными грифелями на золотых досках и отлично умели читать. Конечно, так хорошо читать могли только настоящие принцы. Пока принцы учились, сестра их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, которая стоила полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям! Но скоро все пошло по-другому.

Умерла их мать, и король женился снова. Мачеха была злая колдунья и невзлюбила бедных детей. В первый же день, когда во дворце праздновали свадьбу короля, дети почувствовали, какая злая у них мачеха.

Они затеяли игру в гости и попросили королеву дать им пирожных и печеных яблок, чтобы накормить своих гостей. Но мачеха дала им чайную чашку простого песка и сказала:

— Хватит с вас и этого!

Прошла еще неделя, и мачеха задумала избавиться от Элизы. Она отправила ее в деревню к каким-то крестьянам на воспитание. А потом злая мачеха стала наговаривать королю на бедных принцев и насаждала столько дурного, что король не захотел больше и видеть своих сыновей.

Тогда королева велела позвать принцев, и когда они приблизились к ней, она крикнула:

— Пусть каждый из вас превратится в черного ворона! Летите прочь из дворца и сами добывайте себе пропитание!

Но ей не удалось довести до конца свое злое дело. Принцы превратились не в безобразных воронов, а в красивых диких лебедей. С криком вылетели они из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда одиннадцать лебедей пролетали мимо хижины, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они долго летали над крышей, вытягивая свои гибкие шеи и хлопая крыльями, но никто их не слышал и не видел. Так и пришлось им улететь дальше, не повидав своей сестры. Высоко-высоко, к самым облакам, взвились они и полетели в большой темный лес, который тянулся до самого моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянской хижине. Целые дни она играла зеленым листочком — других игрушек у нее не было; она проткнула в листочке дырочку и смотрела сквозь нее на солнце — ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями. Порой ветер колыхал розовые кусты, распустившиеся возле дома, и спрашивал у роз:

— Есть ли кто-нибудь красивее вас?

И розы, качая головками, отвечали:

— Элиза красивее нас.

И вот наконец Элизе минуло пятнадцать лет, и крестьяне отослали ее домой во дворец.

Королева увидела, как прекрасна ее падчерица, и еще больше возненавидела Элизу. Злой мачехе хотелось бы превратить Элизу, как и ее братьев, в дикого лебедя, но этого она не могла сделать: король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в свою мраморную купальню, всю разубранную чудесными коврами и мягкими подушками. В углу купальни сидели три жабы. Королева взяла их в руки и поцеловала. Потом она сказала первой жабе;

— Когда Элиза войдет в купальню, сядь ей на голову — пусть она сделается такой же тупой и ленивой, как ты.

Другой жабе королева сказала:

— А ты прыгни Элизе на лоб — пусть она станет такой же безобразной, как ты. Тогда и родной отец ее не узнает... Ну, а ты ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она станет злой, чтобы никто ее не любил.

И королева бросила жаб в прозрачную воду. Вода тотчас же стала зеленой и мутной. Королева позвала Элизу, раздела ее и велела ей войти в воду. Как только Элиза ступила в воду, одна жаба прыгнула ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь. Но Элиза даже не заметила этого. А три жабы, прикоснувшись к Элизе, превратились в три красных мака. И Элиза вышла из воды такой же красивой, как и вошла.

Тогда злая королева натерла Элизу соком грецкого ореха, и бедная Элиза стала совсем черной. А потом мачеха вымазала ей лицо вонючей мазью и спутала ее чудные волосы. Теперь бы никто не мог узнать Элизу. Даже отец, взглянув на нее, испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не узнавал Элизу. Только старая цепная собака с приветливым лаем бросилась к ней, да ласточки, которых она часто кормила крошками, прощепетали ей свою песню. Но кто же станет обращать внимание на бедных животных?

Горько заплакала Элиза и тайком ушла из дворца. Целый день брела она по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда ей идти. Она все думала о братьях, которых злая мачеха тоже выгнала из родного дома. Элиза решила искать их повсюду, пока не найдет.

Когда Элиза добралась до леса, уже настала ночь, и бедная девушка совсем сбилась с дороги. Она опустилась на мягкий мох, а голову положила на пенек. В лесу было тихо и тепло. Сотни светлячков, точно зеленые огоньки, мелькали в траве, а когда Элиза задела рукой за кустик, какие-то блестящие жучки посыпались с листьев звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, вместе играли, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую отдано было полкоролевства. Картинки в книжке были живые: птицы распевали, и люди выскакивали со страниц книги и разговаривали с Элизой и ее братьями; но как только Элиза переворачивала страницу, люди прыгали обратно — иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнце стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько разглядеть его за густой листвой деревьев. Только иногда солнечные лучи пробивались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве. Невдалеке слышалось журчание ручейка. Элиза подошла к ручейку и нагнулась над ним. Вода в ручейке была чистая и прозрачная. Если бы не ветер, шевеливший ветвями деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне ручейка — так ясно они отражались в спокойной воде.

Элиза увидела в воде свое лицо и очень испугалась — такое оно было черное и безобразное. Но вот она зачерпнула рукой воду, потерла глаза и лоб, и лицо у нее опять стало белым, как прежде. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладный, чистый ручей. Вода тотчас же смыла с нее сок грецкого ореха и вонючую мазь, которой натерла Элизу мачеха.

Потом Элиза оделась, заплела в косы свои длинные волосы и пошла дальше по лесу, сама не зная куда. По дороге она увидела дикую яблоню, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Элиза поела яблок, подперла ветви палочками и пошла дальше. Скоро она зашла в самую чащу леса. Ни одна птичка не залетала сюда, ни единый солнечный луч не проникал сквозь перепутанные ветви. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены. Кругом было так тихо, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Никогда еще Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало совсем темно, даже светлячки не светили во мху. Элиза улеглась на траву и заснула.

Рано утром она отправилась дальше и вдруг встретила старушку с корзинкой ягод. Старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила ее, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — принцев я не встречала, но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. Элиза простилась со старушкой и пошла по берегу реки.

Долго шла Элиза, и вдруг перед нею открылось безбрежное море. Ни одного паруса не было видно на море, ни одной лодочки не было поблизости.

Элиза села на камень у самого берега и задумалась: что же ей делать, куда идти дальше?

К ногам Элизы подбегали морские волны, они несли с собой мелкие камешки. Вода стерла острые края камешков, и они были совсем гладкие и круглые.

И девушка подумала: «Сколько труда нужно, чтобы твердый камень сделать гладким и круглым! А вода делает это. Море неустанно и терпеливо катит свои волны и побеждает самые твердые камни. Спасибо вам за то, что вы научили меня, светлые быстрые волны! Я буду, как вы, неустанно трудиться.

Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На берегу среди сухих водорослей Элиза нашла одиннадцать белых лебединых перьев. На перьях еще блистали капли — росы или слез, кто знает? Вокруг было пустынно, но Элиза не чувствовала себя одинокой. Она смотрела на море и не могла насмотреться.

Вот надвигается на небо большая черная туча, ветер крепчает, и море тоже чернеет, волнуется и бурлит. Но туча проходит, по небу плывут розовые облака, ветер стихает, и море уже спокойно, теперь оно похоже на лепесток розы. Иногда становится оно зеленым, иногда белым. Но как бы тихо ни было в воздухе и как бы спокойно ни было море, у берега всегда шумит прибой, всегда заметно легкое волнение — вода тихо вздымается, словно грудь спящего ребенка.

Когда солнце близилось к закату, Элиза увидела диких лебедей. Как длинная белая лента, летели они один за другим. Их было одиннадцать. На голове у каждого лебеда сверкала маленькая золотая корона. Элиза отошла к обрыву и спряталась в кусты. Лебеди спустились неподалеку от нее и захлопали своими большими белыми крыльями.

В эту самую минуту солнце скрылось под водой — и вдруг с лебедей упали их белые перья, и уже не одиннадцать лебедей стояли перед Элизой, а одиннадцать красавцев принцев. Элиза громко вскрикнула — она сразу узнала своих братьев, хотя за эти долгие годы они очень изменились. Элиза бросилась в их объятия и стала называть их всех по именам.

Братья очень обрадовались тому, что нашли сестрицу, которая так выросла и стала такой красивой. Элиза и ее братья смеялись и плакали, а потом они рассказали друг другу обо всем, что с ними случилось.

Самый старший из принцев сказал Элизе:

— Мы летаем дикими лебедями весь день, от восхода солнца до самого заката. Когда же солнце заходит, мы превращаемся снова в людей. И вот к часу солнечного заката мы спешим опуститься на землю. Если бы мы превратились в людей в то время,

когда летим высоко под облаками, мы тотчас же упали бы на землю и разбились. Живем мы не здесь. Далеко-далеко за морем лежит такая же прекрасная страна, как эта. Вот там-то мы и живем. Но дорога туда длинна, надо перелететь через все море, а по пути нет ни одного острова, где бы мы могли провести ночь. Лишь на самой середине моря высится одинокий утес. Он так мал, что мы можем стоять на нем, только тесно прижавшись друг к другу. Когда море бушует, брызги волн перелетают через наши головы. Но все же, если бы не было этого утеса, нам никогда не удалось бы побывать на нашей родной земле: море широко, мы не можем перелететь через него от восхода до заката солнца. Только два раза в год, в самые длинные дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда и живем здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зеленым лугам бегают дикие лошади, которых мы видели еще в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили еще в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! В этот раз мы пробьли здесь уже девять дней. Через два дня мы должны улететь за море, в прекрасную, но чужую страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки.

— О, если бы я могла освободить вас от чар! — сказала братьям Элиза.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только перед самым рассветом.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и полетели в родной лес. Только один лебедь остался на берегу с Элизой. Это был самый младший из ее братьев. Лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоём, а к

вечеру прилетели десять лебедей, и когда солнце село, они вновь превратились в принцев.

— Завтра мы должны улететь и не посмеем вернуться раньше будущего года, — сказал Элизе старший брат, — но мы не покинем тебя здесь. Полетим с нами! Я один на руках могу пронести тебя через весь лес, так неужели мы, все одиннадцать, на наших крыльях не сможем перенести тебя через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Сетка вышла большая и прочная, и братья положили в нее Элизу. И вот на восходе солнца десять лебедей подхватили сетку клювами и взвились под облака. Элиза спала в сетке сладким сном. А чтобы лучи солнца не разбудили ее, одиннадцатый лебедь летел над ее головой, защищая лицо Элизы от солнца своими широкими крыльями.

Лебеди были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, — так странно было ей лететь по воздуху. Возле нее лежала ветка со спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев — их собрал и положил возле Элизы самый младший брат, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летел над ней и защищал от солнца своими крыльями.

Высоко, под самыми облаками, летели братья и сестра, и первый корабль, который они увидели в море, показался им плывущей по воде чайкой.

Лебеди летели так стремительно, как летят стрелы, пущенные из лука, но все-таки не так быстро, как всегда: ведь на этот раз они несли сестру. День стал клониться к вечеру, и зашумела непогода. Элиза со страхом глядела, как солнце опускалось все ниже и ниже, а одинокого морского утеса все еще не было видно. И вот Элизе показалось, что лебеди уже совсем устали и с трудом машут крыльями. Зайдет солнце, ее братья на лету обратятся в людей, упадут в море и утонут. И она будет этому виной!

Приближалась черная туча, сильные порывы ветра предвещали бурю, грозно сверкала молния.

Сердце Элизы затрепетало: солнце уже почти касалось воды.

И вдруг лебеди устремились вниз со страшной быстротой. Элизе показалось, что они падают. Но нет, они еще летели. И вот, когда солнце уже наполовину ушло в воду, Элиза увидела внизу утес. Он был очень маленький, не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Лебеди ступили на камни утеса в ту самую минуту, когда погас в воздухе последний луч солнца. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; они едва умещались на крошечном утесе. Море бешено билось о камни и окатывало братьев и Элизу целым дождем брызг. Небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и ободряли друг друга ласковыми словами.

На заре буря улеглась, и опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, братья с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и они видели с высоты, как белая пена плыла, точно миллионы лебедей, по темно-зеленой воде.

Когда солнце поднялось выше, Элиза вдруг увидела вдали огромный замок, окруженный легкими словно воздушными галереями; внизу, под стенами замка, колыхались пальмы и росли прекрасные цветы.

Элиза спросила, та ли это страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: это был только призрачный, вечно изменяющийся облачный замок Фаты-Морганы. Элиза опять посмотрела вдаль, но замка уже не было. Там, где раньше был замок, поднимались высокие горы, поросшие густым лесом. На самых вершинах гор сверкал снег, глыбы прозрачного льда спускались между неприступными скалами.

Вдруг горы превратились в целую флотилию кораблей; Элиза взгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой.

Но вот наконец показалась и настоящая земля. Там, на берегу, расстилались зеленые поля, темнели кедровые леса, а вдали виднелись большие города и высокие замки. До заката солнца было еще далеко, а

Элиза уже сидела на скале перед глубокой пещерой. По стенам пещеры вились нежно-зеленые растения, как будто вышитые зеленые ковры. Это был прекрасный дом ее братьев-лебедей.

— Посмотрим, что приснится тебе в эту ночь, — сказал младший брат и отвел Элизу в ее опочивальню.

— Ах, если бы я увидела во сне, как освободить вас от чар! — сказала Элиза и закрыла глаза.

И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко к тому замку, который она видела над морем. А из замка навстречу ей выходит фея Фата-Моргана. Фата-Моргана светла и прекрасна, но в то же время удивительно похожа на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала Фата-Моргана, — но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук, и все-таки она делает камни гладкими и круглыми, но вода не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы; у воды нет сердца, которое сжимается от страха и муки, как твое сердце. Видишь, у меня в руках крапива. Такая же крапива растет здесь возле пещеры, и только она да еще та крапива, которая растет на кладбище, может тебе пригодиться. Запомни же это! Нарви крапивы, хотя руки твои покроются волдырями от ожогов; потом разомни ее ногами и свей из нее длинные нити. Из этих нитей сплети одиннадцать рубашек с длинными рукавами и, когда они будут готовы, набрось их на лебедей. Чуть только рубашки коснутся их перьев, колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь ее, ты не должна говорить ни слова, хотя бы работа твоя длилась целые годы. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть в твоих руках! Помни же все это!

И Фата-Моргана коснулась руки Элизы жгучей крапивой.

Элиза почувствовала боль, как от ожога, и прос-

нулась. Был уже светлый день. У самой постели Элизы лежало несколько стеблей крапивы, точь-в-точь как та, которую она видела во сне. Тогда Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и пальцы ее покрывались большими волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы спасти милых братьев! Она нарвала целую охапку крапивы, потом размяла ее голыми ногами и стала вить длинные зеленые нити.

Когда зашло солнце, в пещеру прилетели братья. Они стали расспрашивать сестру о том, что она делала, пока их не было. Но Элиза не ответила им ни слова. Братья очень испугались, увидя, что сестра их стала немой.

«Это новое колдовство злой мачехи», — подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слезы его капали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала — она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не шло так быстро. Вот уже одна рубашка была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась. Звуки все приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную крапиву в пучок и села возле него. В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперед. Скоро у пещеры собрались все охотники. Самый красивый из них был король той страны; он подошел к Элизе. Никогда еще не встречал он такой красавицы.

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой, — она

ведь не смела говорить: если бы она сказала хотя бы одно слово, ее братья погибли бы.

Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел волдырей и царапин.

— Пойдем со мной! — сказал король. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце.

И он посадил ее на седло перед собой.

Элиза горько плакала, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня.

И он повез ее через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с дворцами и башнями, и король ввел Элизу в свой дворец. В высоких мраморных покоех журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но Элиза ни на что не смотрела, она плакала и тосковала. Служанки надели на нее королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на ее обожженные пальцы тонкие перчатки.

В богатых уборах Элиза была так прекрасна, что весь двор проклонился перед ней, а король провозгласил ее своей невестой. Но королевский епископ покачал головой и стал нашептывать королю, что немая красавица, должно быть, лесная колдунья — она околдовала сердце короля.

Король не стал его слушать, он подал знак музыкантам, велел позвать лучших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повел Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но Элиза по-прежнему была грустной и печальной. Тогда король открыл дверцу в маленькую комнату возле спальни Элизы. Комната вся была увешана зелеными коврами и напоминала лесную пещеру, где король нашел Элизу. На полу лежала связка крапивы, а на стене висела сплетенная Элизой рубашка. Все это,

как диковинку, захватил с собой из лесу один из охотников.

— Тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище, — сказал король. — А вот и твоя работа. Может быть, ты пожелаешь иногда развлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом.

Увидев свою крапиву и сплетенную рубашку, Элиза радостно улыбнулась и поцеловала руку короля, а он прижал ее к своей груди.

Епископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Епископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но Элиза даже не заметила этого.

Она все думала о своих милых братьях. Губы ее по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них, зато в ее глазах светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал все, чтобы порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. О, если бы она могла рассказать о своих страданиях! Но она должна была молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила в свою потайную комнату, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку за другой. Уже шесть рубашек были готовы, но когда она принялась за седьмую, то увидела, что крапивы у нее больше нет.

Элиза знала, что может найти такую крапиву на кладбище. И вот ночью она потихоньку вышла из дворца.

Сердце ее сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью на кладбище по длинным аллеям сада, а потом по пустынным улицам.

На кладбище Элиза нарвала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел Элизу. Это был епископ.

Утром епископ пришел к королю и рассказал ему о том, что он видел сегодня ночью.

— Прогони ее, король, она злая колдунья! — нашептывал епископ.

— Неправда, Элиза невинна! — ответил король, но все же сомнение закралось в его сердце.

Ночью король только притворился, что спит. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни. В следующие ночи повторилось то же самое; король не спал и видел, как она исчезала в своей потайной комнатке.

Король становился все мрачнее и мрачнее. Элиза видела это, но не понимала, чем недоволен король. Сердце ее ныло от страха и от жалости к братьям; на ее королевское платье катились горькие слезы, блестящие, как алмазы, а люди, видевшие ее богатые уборы, завидовали ей. Но скоро-скоро конец ее работе. Уже десять рубашек было готово, но на одиннадцатую опять не хватило крапивы. Еще раз, последний раз, нужно было пойти на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и все-таки решилась идти туда.

Ночью Элиза опять вышла тайком из дворца, но король и епископ следили за ней, и они увидели, как Элиза скрылась за кладбищенской оградой. Что могла делать королева ночью на кладбище?..

— Теперь ты сам видишь, что она злая колдунья, — сказал епископ и потребовал, чтобы Элизу сожгли на костре.

И король должен был согласиться.

Элизу посадили в темное, сырое подземелье с железными решетками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Ей бросили охапку крапивы, которую она нарвала на кладбище. Эта жгучая крапива должна была служить Элизе изголовьем, а сплетенные ею жесткие рубашки — постелью. Но ничего другого Элизе и не надо было. Она снова принялась за работу.

Вечером у решетки раздался шум лебедьих крыльев. Это самый младший из братьев отыскал

свою сестру, и Элиза громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь. Зато работа ее подходила к концу, и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Мыши, бегавшие по подземелью, сжалились над ней и, чтобы хоть немножко помочь ей, стали собирать и приносить к ее ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, утешал ее своей песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, к дворцовым воротам пришли одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им ответили, что это невозможно: король еще спал, и никто не смел его беспокоить. Но они не уходили и продолжали просить. Король услышал чьи-то голоса и выглянул в окно, чтобы узнать, в чем дело. Но в эту минуту взошло солнце, и братья Элизы исчезли. Король увидел только, как над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ толпами шел за город посмотреть на казнь королевы. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на Элизу надели рубаху из грубого холста; ее чудные длинные волосы были распущены по плечам, а лицо ее было бледно, как снег. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук своей работы: десять рубашек лежали у ее ног совсем готовые, одиннадцатую она продолжала плести.

— Посмотрите на ведьму! — кричали в толпе. — Она не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у нее да разорвем в клочки!

Чьи-то руки уже протянулись к телеге, чтобы вырвать у Элизы зеленую рубашку, но вдруг прилетели одиннадцать лебедей. Они сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганный народ расступился в стороны.

— Белые лебеди слетели с неба! Она невинна! — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

И вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей зеленые рубашки, и

только рубашки коснулись их перьев, все одиннадцать лебедей обратились в красавцев принцев.

Лишь у самого младшего вместо левой руки осталось лебединое крыло: Элиза не успела доплести рукав на последней рубашке.

— Теперь я могу говорить! — сказала Элиза. — Я невинна!

И народ, видевший все, что произошло, преклонился перед ней и стал прославлять ее, но Элиза без чувств упала в объятия братьев. Она была так измучена страхом и болью.

— Да, она невинна! — сказал самый старший принц и рассказал все, как было.

А пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, словно от миллионов роз: это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и вот на том месте, где хотели сжечь Элизу, вырос высокий зеленый куст, покрытый красными розами. А на самой верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок.

Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она очнулась.

Тут все колокола в городе зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое счастливое шествие, какого не видывал еще ни один король!

ГАДКИЙ УТЕНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал поегипетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озера. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окру-

женная глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же ее редко навещали — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крикать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им — зеленый цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли вы теперь тут? — И она встала. Ах нет, не все. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпенье.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла ее навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не могу справиться, сказала молодая утка. — Все не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все как один — вылитый отец.

— А ну-ка покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. Поверь мне, это индюшачье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крикала, крикала — не идут, да и конец! Дай-ка я еще раз

взгляну. Ну, так и есть! Индюшачье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

— Нет, уж я лучше посижу еще немного, — сказала молодая утка. — Я столько сидела, что можно и еще посидеть.

— Ну и сиди! — сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! — пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий!

Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это, в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей семьей отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрывала их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе недурен, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была непрочь отвесть угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните

и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, — по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — прошипела злая утка. — Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного...Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался. — И она почесала ему спинку и разгладила перышки. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте же как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот утята и стали вести себя как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже других и был

такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утенок не выдержал, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобразный!» подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнезд и увидели нового товарища.

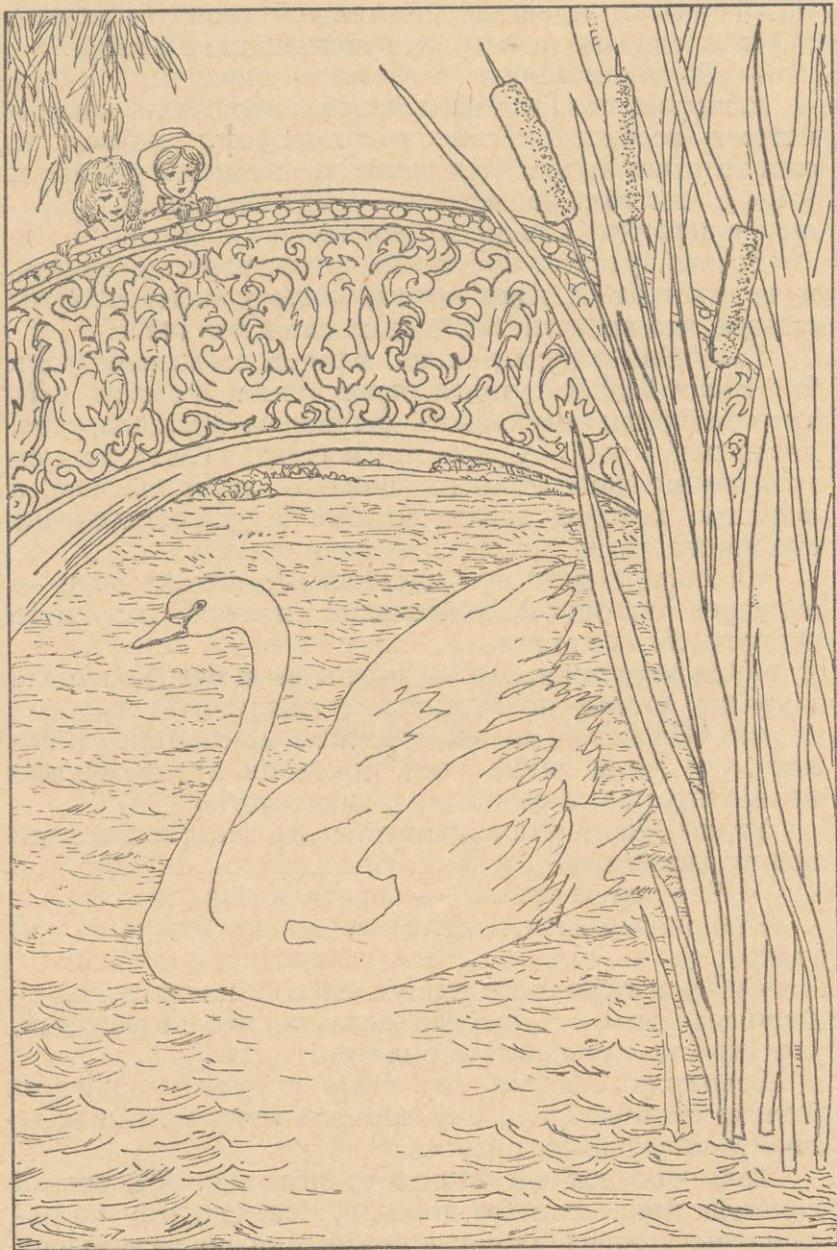
— Что это за птица? — спросили они.

Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий деньтуда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «рап, рап!» Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

«Пиф! паф!» — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми; вода покраснела от крови. «Пиф! паф!» — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки — шлеп! шлеп! Камыш и осока качались из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и — шлеп! шлеп! — побежала дальше.

«Не тронула, — подумал утенок и перевел дух. — Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. Над головой его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соско-

чила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром чужого утенок заметили. Кот начал мурлыкать, а курица вхохтаться.

— Что там? — спросила старушка.

Она осмотрелась кругом и увидела в углу утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если это только не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц все не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утенку казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утенок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки-госпожи, умнее ее уж наверно никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину.

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да испускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят, — сказал утенок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не

видал — все они были белые, как снег, с длинными гибкими шеями.

Это были лебеди.

Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Морозило так, что даже лед потрескивал. Утенок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидал примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Дети вздумали поиграть с ним, но ему показалось, что они хотят обидеть его.

Он шархнулся от страха и попал прямо в поддонник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и замахала руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и виз-

жали. Хорошо, что дверь была открыта, — утенок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утенка в эту суровую зиму.

Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна!

Утенок взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и быстро понесли его вперед. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверное, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустил на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, замахали крыльями и тоже поплыли к нему.

— Убейте меня! — сказал бедный утенок и низко опустил голову. И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Но теперь он был уже не гадким темно-серым утенком, а белым лебедем.

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье и все то великолепие, которое окружало его. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали маленькие дети. Они

стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей! Сирень наклоняла к нему в воду свои душистые ветви, а солнышко светило так тепло и ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея вытянулась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

СОЛОВЕЙ

В Китае, как ты, верно, знаешь, и сам император китаец, и все кругом китайцы. Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она еще не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться. Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли чудесные цветы. К самым красивым цветам были привязаны серебряные колокольчики. И когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для

того, чтобы никто не прошел мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже сам садовник не знал, где сад кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря. Большие корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своем неводе.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всем, что видели, ученые описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье; поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла и до самого китайского императора. Он сидел на своем золотом троне, читал и кивал головой. Ему очень приятно было читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал:

«В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая птичка по имени соловей, которая живет в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать его пение, советуем каждому съездить в Китай».

— Что такое? — сказал император. Он встал с трона и захлопнул книгу. — Как?! В моем государстве и даже рядом с моим собственным дворцом живет такая удивительная птица, а я ни разу не слышал, как она поет! И мне приходится узнавать о ней из чужих книг!

И он велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что если

кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, он отвечал только: «Пф!», а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочел в ученой книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей, — сказал император министру. — Ее считают первой достопримечательностью моего государства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество! — отвечал первый министр и поклонился императору. — Я даже и не слышал о ней. Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю, — сказал император. — Я хочу, чтобы сегодня же вечером птица была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу ее, ваше величество, — сказал первый министр.

Сказать было нетрудно. А где ж ее разыщешь?

И вот первый министр забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но никто из придворных и не слыхивал о соловье. И первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и не было.

— Ваше величество напрасно изволит верить всему, что пишут в книгах; это все одни выдумки.

— Не говори глупостей! — сказал император. — Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе! — сказал первый министр и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам.

С ним бегали все министры и придворные — никому не хотелось отведать палок.

На площадках лестниц они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей? Где найти соловья?

Так они опросили всех во дворце и наконец попа-

ли на кухню. В кухне сидела маленькая девочка и вытирала тарелки. Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живет соловей.

— Соловей? — сказала девочка. — Ну конечно, знаю! Он так хорошо поет в нашем лесу! Я каждый день ношу моей больной матери остатки от обеда с императорской кухни. А живем мы у самого моря. Там в лесной чаще есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И вот, когда я прохожу мимо этого дерева, я каждый раз слышу песню соловья. Он поет так нежно, что слезы появляются у меня на глазах, а на душе становится так радостно, будто меня целует мама.

— Девочка, — сказал первый министр, — я позволю тебе посмотреть, как кушает сам император, если ты сведешь нас к соловью. Он приглашен сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес. Впереди шла девочка, а за ней министр и придворные.

Шли они, шли и вдруг услышали, как замычала корова.

— О! — сказали придворные. — Это, наверное, и есть соловей. Какой сильный у него голос!

— Это мычит корова, — сказала девочка. — Еще далеко до того дерева, на котором живет соловей.

И все пошли дальше.

Тут в пруду заквакали лягушки.

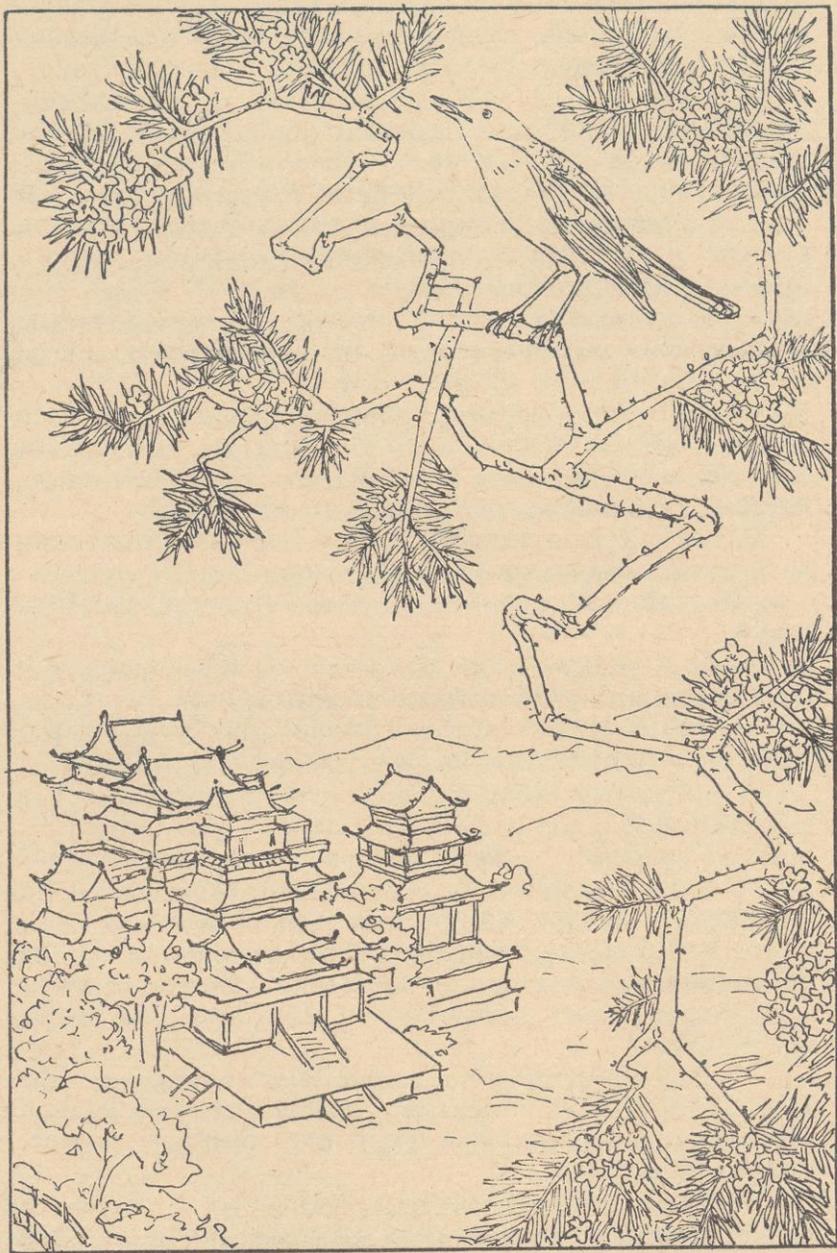
— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Наконец-то я слышу соловья! Он поет точь-в-точь как серебряные колокольчики в нашей молельне.

— Нет, это лягушки, — сказала девочка. — Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И вот наконец в зеленых ветвях раздалось чудесное пение.

— Вот это соловей, — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам. — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф! — сказал первый министр. — Никак не думал, что этот знаменитый соловей такой невзрач-

ный с виду. Наверно, он потерял свои краски от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш император хочет послушать твои песни.

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Пф! Пф! — сказал первый министр. — Ваш голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Вы будете иметь огромный успех при дворе.

— Спеть ли мне еще для императора? — спросил соловей. Он подумал, что тут был сам император.

— Послушайте, господин соловей, — сказал первый министр, — его величество император приглашает вас сегодня вечером на придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зеленом лесу, — сказал соловей. — Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце, между тем, все бегали, хлопали дверями и суетились — все готовились к празднику.

В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

И вот наступил вечер. Посреди огромного зала восседал император. Напротив императорского трона поставили золотой шест, и на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. И бедной девочке из кухни позволили стоять в дверях — в награду за то, что она нашла соловья, первый министр назначил ее придворной поварихой. Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой серенькой птички. Но вот император милостиво кивнул головой.

И соловей запел. Он пел так нежно, так чудесно, что у императора выступили на глазах слезы и пока-

тились по щекам. Тогда соловей залился еще громче, еще нежнее.

Когда он кончил, император сказал, что жалуется соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я видел слезы в глазах императора, — сказал соловей. — Какой мне еще желать награды?

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно! — восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Они воображали, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату. Два раза в день и раз ночью ему разрешили гулять. Но к нему приставили двенадцать лакеев, и каждый из них держал привязанную к ножке соловья шелковую ленточку. Нечего сказать, большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице трое знакомых, один из них сейчас же говорил: «со», другой подхватывал: «ло», а третий: «вей», после чего все трое вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям имена в честь соловья, но ни один из мальчиков не мог спеть даже самой простой песенки.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завернутый в шелковую материю.

На ящичке было написано: «Соловей».

— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице, сказал император.

Ящик открыли, но в нем была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей. Он был очень похож на настоящего, но весь осыпан бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть хвостиком, который отливал золотом и сереб-

ром. На шейке у птицы была ленточка с надписью: «Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьем императора китайского».

— Какая прелесть! — сказали все, а того, кто привез драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин «придворного поставщика соловьев».

— Теперь пусть этот соловей и наш настоящий споют вместе, — решил император.

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел все новые и новые песни, а искусственный повторял одну и ту же, как заведенная шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Его пение так же понравилось придворным, как и пение настоящего соловья, но новая птица была куда красивее — она вся блестела, так и сверкала.

Тридцать три раза пропела она одно и то же и не устала.

Придворные охотно слушали бы ее еще, да император сказал, что надо послушать и живого соловья. Тут все обернулись и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?...

Никто не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зеленый лес.

— Что же это, однако, такое? — сказал император, и все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Но все-таки лучшая птица осталась у нас! — сказали придворные, и искусственному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвертый раз.

«Придворный поставщик соловьев» расхваливал свою птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей.

— Извольте ли видеть, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, — говорил он, — никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споет живой соловей, а у искусственного все известно наперед. Можно даже разобрать его и посмотреть, как он устроен: как расположены и действуют все валики, винтики и пружинки.

— О да, мы тоже так думаем, — сказали придворные, а император велел показать птицу народу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает ее, сказал император.

Народ послушал и пришел в такой восторг, как будто напился хорошего чаю, китайцы ведь очень любят чай.

Все в один голос восклицали: «О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, которые слышали настоящего соловья, говорили:

— Голос у него неплохой, и поет он почти так же, как наш соловушка, но все-таки не то. Чего-то не достаёт, а чего — мы и сами не знаем.

А тем временем император издал указ. В этом указе настоящего соловья объявили изгнанным из китайского государства.

А искусственный соловей лежал на шелковой подушке возле самой императорской постели. Вокруг него были разложены все пожалованные ему драгоценности, а на шее висела императорская золотая туфля. Искусственной птице дали особое звание: «Первый певец императорского ночного столика с левой стороны», потому что император считал более важной именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у китайского императора.

Ученые написали об искусственном соловье двадцать пять книг, полных самых мудреных и непонятных китайских слов. Но все придворные уверяли, что они прочли эти книги и поняли все, что там написано, — иначе ведь их прозвали бы дураками и откололи бы палками по пяткам.

Так прошел целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку в песне искусственного соловья. Поэтому-то пение его им нравилось еще больше. Они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!»

И вот один раз вечером искусственная птица рас-

певала перед императором, а он лежал в постели и слушал ее.

Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колеса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за своим придворным врачом. Но что же тот мог поделать? Ведь он умел лечить только живых людей. Тогда призвали часовщика. Часовщик открыл птице живот и долго рассматривал какие-то колесики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица будет петь, но с ней надо обращаться очень осторожно: маленькие зубчики истерлись, а поставить новые нельзя.

И император издал новый указ, в котором говорилось, что «Первого певца императорского ночного столика с левой стороны» разрешается заводить только раз в году, да и то ненадолго.

Прошло еще пять лет. И вот однажды император заболел. Все доктора говорили, что он непременно умрет. Министры и придворные собирались уже провозгласить нового императора, а народ толпился на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф! — отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший лежал император на своем великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперед по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чаю. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мертвая тишина.

Но старый император еще не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своем великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и ясный месяц глядел на императора и искусственного соловья, который лежал на шелковой подушке возле постели императора.

Бедный император не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди... Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидит смерть. На голове у нее была надета корона императора, в одной руке она держала его золотую саблю, а в другой — императорское знамя.

А кругом из всех складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные головы: одни — безобразные и злые, другие — красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на императора и что-то шептали.

— Помнишь ли ты это? — шептала одна злая голова.

— А это помнишь? — шептала другая.

И головы рассказывали императору так много о его злых делах, что на лбу у него выступил холодный пот.

— Я забыл об этом, — говорил император. — А этого никогда и не знал.

И он закричал:

— Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу слушать их речи!

Но головы все продолжали говорить, а смерть, как китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, моя славная птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туплю — пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести ее, а иначе она петь не умела. А смерть все смотрела на императора своими большими, пустыми глазными впадинами.

И вдруг за окном раздалось чудное пение. То был живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, и призраки все бледнели, а кровь прилиwała все живей к сердцу императора. Сама смерть заслушалась соловья и тихо повторяла:

— Пой, пой еще, соловушка!

— А ты отдашь за это императору драгоценную саблю? И знамя? И корону? — спрашивал соловей.

И смерть отдавала императору его сокровища одно за другим, а соловей продолжал петь. Вот он запел о тихом кладбище, на котором цветет бузина, благоухают белые розы и свежая трава на могилах орошается слезами живых людей, оплакивающих своих умерших близких... Тут смерти так захотелось вернуться на кладбище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я изгнал тебя когда-то из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели ужасные призраки, прогнала даже смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня раз и навсегда, сказал соловей. — Я видел слезы в твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой, — этого я не забуду никогда. Слезы — самая драгоценная награда певцу.

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из его министров и придворных не приходил к своему императору. Все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.

— Останься у меня навсегда, — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги.

— Не надо! — сказал соловей. — Она служила тебе, как могла. Оставь ее у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь тебе о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всем, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленький соловей летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут вдали от дворца. Я буду прилетать и петь тебе. Но обещай мне...

— Все, что хочешь! — воскликнул император и встал с постели.

Он успел уже надеть свое царское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую саблю.

— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем. Так дело пойдет лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные поглядеть на мертвого императора, да так и застыли на пороге. Перед ними стоял император, живой и здоровый. И он сказал им: — Здравствуйте!

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

История первая,
в которой говорится о зеркале
и его осколках

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось еще хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете! И вот они бегали с зеркалом повсюду. Скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба.

Все выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекошило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы и еще гораздо больше его осколков наделали, однако, несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной всего с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались.

Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее.

Злой тролль хохотал до колик в животе и наслаждался, словно его щекотали. А по свету летало еще много осколков зеркала. Послушаем же!

История вторая
Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удастся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, под выступами кровель шел водосточный желоб, и туда как раз были обращены чердачные окош-

ки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного желоба на другой — и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику: в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждом по одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперек желобов, и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелеными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимой окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал веселый ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще; она больше всех и никогда подолгу не остается на земле — всегда взлетает на черное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стекла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это суцая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного сверкающего льда, и все же живая! Глаза ее сияли, как звезды, но в них не было ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и дети снова сидели в своем маленьком садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним. Один раз Кай и Герда рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкою его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала.

Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но самый осколок остался.

— О чем же ты плачешь? — спросил он Герду. —

Мне совсем не больно. Какая ты делаешься некрасивая! Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя ее испуг, сорвал еще одну и убежал от маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к ее словам. А потом... дошел и до того, что крался за ней, передразнивая ее походку, стал надевать очки, подражать ее голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже миленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то, укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить веревку, которой зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

Ух! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрет... Но это только на одну минуту,

а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны за спину одной из из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на черное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, — днем он спал у ног Снежной королевы.

История третья
Цветник женщины, умевшей
колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал.

Мальчишки рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням,

которые потом свернули в перулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои красные башмачки (Кай ни разу еще не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было еще очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у нее было — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их — река как будто не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от ее движения стала медленно отплывать от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее

криков. Воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая ее утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило все дальше. Герда сидела смиренно, в одних чулках; красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

«Может быть, река несет меня к Каю!» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишневному саду, в котором уютился домик с красными и синими стеклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо.

Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хотя и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдем! Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!». Когда девочка закончила, она спросила старуху, не видела ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чем горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками, и все

умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их, сколько душе угодно. Пока же она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживем с тобой!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного брата Кая — старушка умела колдовать. Она не была злой колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от нее.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были любые цветы всех времен года. Во всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишневыми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились такие сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много

дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как много их ни было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них как раз была роза — старушка забыла ее стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках.

Искала, искала, да так их и не нашла.

Тогда девочка опустила на землю и заплакала. Теплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из нее, такой же цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудесных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!... Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землей, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории. Много их выслушала Герда, но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зеленой траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного брата?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зеленой травки выглядывали первые желтенькие цветочки, сверкавшие на солнце, словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка-бабушка. Вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идет прямо от сердца. Золото на ее губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и все! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и спрашивать цветы — от них ничего не добьешься, они знают только свои сказки и песенки! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дорожке. Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уже осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались.

Один терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда.

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всем, что сам знал:

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя. Она прочла все газеты на свете и позабыла все, что в них прочла, — вот какая умница! Как-то раз сидела она на троне — а веселья-то в этом не слишком много, как говорят люди — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» — «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья

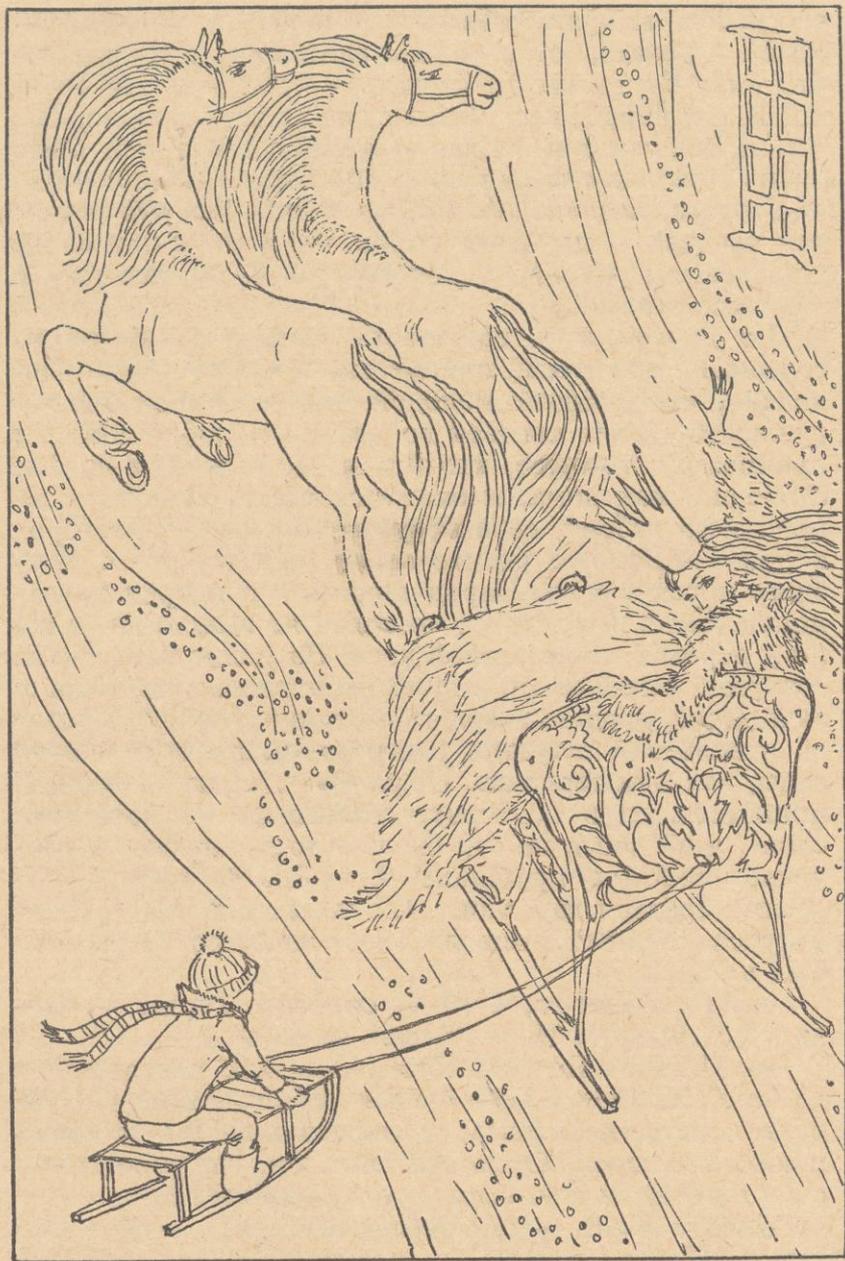
она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона, — от нее-то я и знаю все это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет себе в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию — всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как они терялись. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только ее же последние слова, а ей вовсе не это было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и вошел прямо во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушел из дому с санками.

— Очень возможно, — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уже нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это наверно Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нем были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они-таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то, — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю повороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя невеста. Держался он вообще очень свободно и мило, заявив, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, и он ей тоже.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь

такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною!

— Подожди меня тут у решетки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!... Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, прошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провел девочку в маленькую полуотворенную дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости.

Но вот они на площадке лестницы. На шкафу горела свеча, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять свечу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идет за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхом.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла свечу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты, бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность при-

дворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головой. Увы, все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадыю и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и форейторов — ей дали и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожалели ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадам. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай! — кричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая как солнце, не скрылась из виду.

История Пятая Маленькая разбойница

И вот Герда въехала в темный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они не стерпели.

— Золото! Золото! — кричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славенькая, жиренькая! Орешками откормлена! — сказала старуха-разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жиренькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — кричала она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была страшно необузданная и своевольная. — Ах ты, дрянная девчонка! — кричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали.

— Ишь, как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — кричала маленькая разбойница и настояла на своем — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и по кочкам в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и летучие мыши. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали в воздух и даже не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А

вот тут сидят дикие, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решеткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый бляшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из трещины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забилося, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила ее Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться! Но расскажи мне еще раз о Каяе и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде. Онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверное, в Лапландию — там ведь вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лед. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а посто-

янные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи же смиренно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!... А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет, тогда я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха-разбойница хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там ее названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту я оставляю себе, больно она хороша. Но мерзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе еще два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать. — И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которой был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали.

— Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнем.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

История Шестая Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках.

Дома была одна старуха-лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Дол-

гий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто миль с лишним, пока доберетесь до Финляндии, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушеной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесете ее финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой до Финляндии и постучался в дымовую трубу чума финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живот стащил она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы чересчур жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске.

Она прочла все от начала до конца три раза, пока не заучила наизусть, а потом сунула треску в котел с супом — рыба ведь еще годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина, — сказал олень. — Не изобразишь ли ты для девочки такое питье, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей?! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нем стояли какие-то удивительные письмена.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает ее сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о своей силе, что живет в ее сердце; ее сила в том, что она невинный милый ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами.

Тут он спустил девочку, поцеловал ее в губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи. Навстречу ей несли целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле

прямо на Герду и становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Но Герда смело шла все вперед и вперед и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

История Седьмая
Что случилось в чертогах
Снежной королевы
и что случилось потом

Стенами чертогов были снежные метели, окнами и дверьми были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьих балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисиочки, — нет, никогда, никого! Холодно, пустынно, мертво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую осла-

беет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное лучшее зеркало на свете.

Кай почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и сердце его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется «китайской головоломкой». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось «ледяной игрой разума». В его глазах фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края, — сказала Снежная королева. И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это-то время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый Кай!

— Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделать-ся сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами; поцеловала его в глаза, и они заблистали, как ее; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы — его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, их уже ждал северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лоша-

ди молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом.

Герда сразу узнала лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: маятник все так же стучал «тик-так», и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжелый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое благодатное лето.

БУЗИННАЯ МАТУШКА

Один маленький мальчик раз простудился; где он промочил себе ноги, никто и понять не мог: погода стояла совсем сухая. Мать раздела его, уложила в постель и велела принести самовар, чтобы заварить бузинного чаю и согреть мальчика. В это самое время в комнату вошел забавный, веселый старичок, живший на верхнем этаже того же дома. Он был совсем одинок, не было у него ни жены, ни деток, а он так любил детей, умел рассказывать им такие чудесные сказки и истории, что просто чудо.

— Ну вот, выпьешь свой чай, а потом, может быть, услышишь сказку, — сказала мать.

— Если б я только знал какую-нибудь новенькую! — отвечал старичок, ласково кивая головой. — Но где же это наш мальчуган промочил себе ноги?

— Да вот где? — сказала мать. — Никто и понять не может.

— А сказка будет? — спросил мальчик.

— Сначала мне нужно знать, глубока ли водосточная канавка в переулке, где ваше училище. Можешь ты мне сказать это?

— Как раз мне до половины икр! — отвечал мальчик. — Но это в самом глубоком месте.

— Вот отчего у нас и мокрые ноги! — сказал старичок. — Теперь следовало бы рассказать тебе сказку, да ни одной новой не знаю.

— Вы сейчас же можете сочинить ее, — сказал мальчик. — Мама говорит, что вы на что ни взглянете, до чего ни дотронетесь, из всего у вас выходит сказка или история.

— Да, но такие сказки и истории никуда не годятся. Настоящие — те приходят сами! Придут и постучатся мне в лоб: «Вот я!»

— А скоро какая-нибудь постучится? — спросил мальчик.

Мать засмеялась, засыпала в чайник бузинного чаю и заварила.

— Ну, расскажите же! Расскажите какую-нибудь!

— Да вот, если бы пришла сама! Но они важные, приходят только когда им самим вздумается. Стой! — сказал он вдруг. — Вот она! Гляди на чайник!

Мальчик посмотрел: крышка чайника начала приподниматься, из-под нее выглянули свежие беленькие цветочки бузины, затем выросли длинные зеленые ветви. Они росли даже из носика чайника, и скоро образовался целый куст; ветви доходили до самой постели и раздвинули занавески. Как славно цвела и благоухала бузина! Из зелени ее выглядывало приветливое лицо старушки, одетой в какое-то удивительное платье, зеленое, как листья бузины, и все усеянное белыми цветочками. Сразу же не разобрать было — платье ли это, или просто зелень и живые цветочки бузины.

— Как зовут эту старушку? — спросил мальчик.

— Римляне и греки звали ее Дриадой, — сказал старичок. — Но для нас это слишком мудреное имя, и в Новой Слободке ей дали прозвище «Бузинная матушка». Смотри же на нее хорошенько, да слушай, что я буду рассказывать.

Такой же точно большой, покрытый цветами куст рос в углу одного бедного дворика в Новой Слободке. Под кустом сидели в послеобеденный час и грелись на солнышке старичок со старушкой: старый-старый отставной матрос и его старая-старая жена. У них были уже правнуки, и скоро они должны были отпраздновать свою золотую свадьбу, да только не помнили хорошенько, какого числа. Из зелени глядела на них Бузинная матушка, такая же приветливая, как вот эта, и говорила: «Я-то знаю день вашей золотой свадьбы!» Но старики были заняты разговором — они вспоминали старину — и не слышали ее.

— Да, помнишь, — сказал старый матрос, — как мы бегали и играли с тобой детьми? Вот тут, на этом

самом дворе, мы разводили себе садик! Помнишь, втыкали в землю прутики и веточки?

— Да, да, — подхватила старушка. — Помню, помню! Мы усердно поливали эти веточки; одна из них была бузинная, пустила корни, ростки и вот как разрослась. Мы, старички, можем теперь сидеть в ее тени.

— Правда! — продолжал муж. — А вон в том углу стоял чан с водою. Там мы спускали в воду кораблик, который я сам вырезал из дерева. Как он плавал! А скоро мне пришлось пуститься в настоящее плавание.

— Да, но и прежде еще мы ходили в школу и кое-чему научились! — перебила старушка. — Наконец нас конфирмовали. Мы оба прослезились тогда!... А потом взялись за руки и пошли осматривать «Круглую башню»*, взобрались на самый верх и любовались оттуда городом и морем. После же мы отправились во Фредериксберг и смотрели, как катались по каналам в своей великолепной лодке король с королевой.

— Да, и скоро мне пришлось пуститься в настоящее плавание. Много, много лет провел я вдали от родины!

— Сколько слез я пролила! Мне уж думалось, что ты умер и лежишь на дне морском. Сколько раз вставала я по ночам посмотреть, вертится ли флюгер. Флюгер-то вертелся, а ты все не приезжал! Я отлично помню, как однажды, в самый ливень, во двор к нам приехал мусорщик. Я вышла с мусорным ведром из того дома, где служила, да остановилась в дверях. Вот погода-то была! В это самое время пришел почтальон и подал мне письмо от тебя. И погуляло же оно по белу свету! Я так и вцепилась в него!... И сейчас же принялась читать. Я смеялась и плакала... Как я была рада! В письме говорилось, что ты теперь в теплых краях, где растет кофе. Вот-то, должно быть, бла-

гословенная страна! Ты много еще о чем рассказывал в своем письме, и все это я словно видела перед собою. Дождь так и поливал, а я все стояла в дверях с мусорным ведром. Вдруг кто-то обнял меня за талию...

— Да, и ты закатила ему звонкую пощечину!

— Ведь я ж не знала, что это ты! Ты догнал свое письмо! И какой ты был красивый! Да ты и теперь красив. Из кармана у тебя торчал желтый шелковый платок, а на голове была клеенчатая шляпа. Такой щеголь! Но что за погодка стояла, и на что была похожа наша улица!

— Потом мы поженились, — продолжал старый матрос. — Помнишь? А там пошли у нас детки: первый мальчуган, потом Мария, Нильс, Петер и Ганс-Христиан.

— И потом они все выросли и стали такими славными людьми. Все их любят.

— Теперь уж и у их детей есть дети, — сказал старичок. — И какие крепыши наши правнуки!... Сдается мне, что наша свадьба была как раз в эту пору.

— Как раз сегодня! — сказала Бузинная матушка и просунула голову между старичками, но те подумали, что это кивает им головой соседка. Они сидели рука в руке и любовно смотрели друг на друга. Немного погодя пришли к ним дети и внучата. Они-то отлично знали, что сегодня день золотой свадьбы стариков, и уже поздравляли их утром, но старички успели позабыть об этом, хотя отлично помнили все, что случилось много, много лет тому назад. Бузина благоухала, солнце садилось и светило на прощанье старичкам прямо в лицо, раздумывая их щеки. Младший из внуков плясал вокруг дедушки с бабушкой и радостно кричал, что сегодня вечером у них будет пир: за ужином подадут горячий картофель! Бузинная матушка кивала головой и кричала «ура!» вместе со всеми.

— Да ведь это вовсе не сказка! — сказал мальчуган, когда рассказчик остановился.

* Круглая башня. — Эта башня была построена в Копенгагене астрономом Тихо Браге, который устроил в ней обсерваторию.

— Это ты говоришь, — отвечал старичок, — а вот спросим-ка Бузинную матушку!

— Это не сказка, — отвечала Бузинная матушка. — Но сейчас начнется и сказка! Из действительности-то и вырастают самые чудесные сказки. Иначе бы мой благоухающий куст не вырос из чайника.

С этими словами она взяла мальчика из постели на руки; ветви бузины, покрытые цветами, вдруг сдвинулись, и мальчик со старушкой очутились словно в густой беседке, которая понеслась с ними по воздуху. Вот было хорошо! Бузинная матушка превратилась в маленькую прелестную девочку, но платье на ней осталось то же зеленое, все усеянное белыми цветочками. На груди девочки красовался живой бузинный цветочек, а на светлых кудрях — целый венок из тех же цветов... Глаза у нее были большие, голубые. Ах, она была такая хорошенькая, просто загляденье! Мальчик поцеловался с девочкой, и оба стали одного возраста и одинаково радостны.

Рука об руку вышли они из беседки и очутились в саду перед домом. На зеленой лужайке стояла приклоненная к дереву тросточка отца. Для детей и тросточка была живая; они уселись на нее верхом — блестящий набалдашник стал великолепной лошадиной головой с длинной, развевающейся гривой; затем выросли четыре тонкие крепкие ноги, и горячий конь помчал детей вокруг лужайки. Эх ты!

— Теперь мы поскачем далеко-далеко! — сказал мальчик. — В барскую усадьбу, где мы однажды были.

И дети скакали вокруг лужайки, а девочка, — мы ведь знаем, что это была Бузинная матушка, — приговаривала:

— Ну, вот мы и за городом! Видишь крестьянские домики? Огромные хлебные печи выступают из стен, словно какие-то исполинские яйца. Над домиками раскинула свои ветви бузина. Вон бродит по двору петух, знай себе разгребает сор и выискивает для кур червячков. Гляди, как он важно выступает!... А

вот мы и на высоком холме, у церкви! Какие огромные дубы растут вокруг нее! Один из них с корнем вылез из земли!... Вот мы у кузницы! Гляди, как ярко пылает огонь, как работают тяжелыми молотками полунагие люди. Искры сыплются дождем!... Но дальше, дальше, в барскую усадьбу!

И все, что ни называла девочка, сидевшая верхом на палке позади мальчика, мелькало перед их глазами. Мальчик видел все это, а между тем они только кружились по лужайке. Потом они отправились играть в боковую аллею и отгородили себе маленький садик. Девочка вынула из своего венка один бузинный цветочек и посадила его, и он вырос, точь-в-точь как у старичков в Новой Слободке, когда они были еще детьми. Мальчик с девочкой взяли за руки и тоже пошли гулять, но отправились не на «Круглую башню» и не в Фредериксбергский сад; нет, девочка крепко обняла мальчика, поднялась с ним на воздух, и они облетели всю Данию. Весна сменялась летом, лето — осенью, и осень — зимою; тысячи картин отражались в глазах и запечатлевались в сердце мальчика, а девочка все приговаривала:

— Этого ты не забудешь никогда!

И во время всего полета бузина благоухала так сладко, так чудно! Мальчик замечал и аромат роз, и запах свежих буков, но бузина пахла всего сильнее, — ведь ее цветочки красовались у девочки на груди.

— Как чудесно здесь весной! — говорила девочка, и они очутились в только что зазеленевшем буковом лесу; у их ног благоухала белая буковица, из травки выглядывали прелестные бледно-розовые анемоны. — О, если бы вечно царил весна в благоухающих датских буковых лесах!

— Как хорошо здесь летом! — продолжала она затем, и они проносились мимо старой барской усадьбы с древним рыцарским замком; красные стены и фронтоны отражались в каналах, по которым плавали лебеди, заглядывая в темные, прохладные

аллеи сада. Хлебные нивы волновались от ветра, точно море, во рвах пестрели красненькие и желтенькие полевые цветочки, по изгородям вился дикий хмель и цветущий вьюнок. Вечером же на небе всплыл круглый ясный месяц, а с лугов понесся сладкий аромат свежего сена. — Это не забудется никогда!

— Как чудно здесь осенью! — снова говорила девочка, и свод небесный вдруг стал вдвое выше и синее. Леса запестрели всеми оттенками красного, желтого и зеленого цветов. Охотничьи собаки вырвались на волю! Целые стаи дичи с криком взлетали над курганами, где лежат старые камни, увитые ежевикой. На темно-синем море забелели паруса, а риги наполнились старухами, девушками и детьми: все они чистили хмель и бросали его в большой чан. Молодежь распевала старинные песни, а старухи рассказывали сказки про троллей и домовых. — Лучше и быть не могло!

— А как хорошо здесь зимою! — говорила она затем, и все деревья покрылись инеем; ветви их превратились в белые кораллы. Снег захрустел под ногами, точно у всех были надеты новые сапоги, а с неба посыпались, одна за другой, падушие звездочки. В домах зажгли елки, делали друг другу подарки; все люди радовались и веселились. В деревнях, в крестьянских домиках, не умолкали скрипки, летели в воздух яблочные пышки. Даже дети бедняков говорили: «Как хорошо у нас зимою!»

Да, хорошо! Девочка показала все это мальчику, и повсюду благоухала бузина, повсюду развевался красный флаг с белым крестом*, под которым плавал старый матрос из Новой Слободки. И вот мальчик стал юношей, и ему тоже пришлось отправиться в дальнее плавание в теплые края, где растет кофе. На прощанье девочка дала ему цветок со своей груди, и он спрятал его в книгу. Часто вспоминал он на чужбине свою родину и раскрывал книгу — и всегда на том самом месте, где лежал цветочек, дан-

* Датский национальный флаг «Даннеброг».

ный ему на память. И чем больше юноша смотрел на цветок, тем свежее тот становился и сильнее был его запах, а юноше казалось, что до него доносится аромат датских лесов. В лепестках же цветка ему чудилось личико голубоглазой девочки; он как будто слышал ее шепот: «Как хорошо тут весной, летом, осенью и зимой!» И сотни картин проносились в его памяти.

Так прошло много лет; он состарился и сидел со своей старушкой-женой под цветущим кустом бузины. Они сидели рука об руку, как прадедушка и прабабушка из Новой Слободки, и говорили о былых днях и о своей золотой свадьбе, точь-в-точь как те. Голубоглазая девочка с бузинными цветочками в волосах и на груди сидела в ветвях бузины, кивала им головой и говорила: «Сегодня ваша золотая свадьба!» Потом она вынула из своего венка два цветочка, поцеловала их, и они заблестели сначала как серебряные, а потом как золотые. Когда же девочка возложила их на головы старичков, цветы превратились в короны, и муж с женой сидели под цветущим, благоухающим кустом, словно король с королевой.

И вот старик пересказал жене историю о Бузинной матушке, как сам слышал ее в детстве, и обоим казалось, в той истории было так много похожего на историю их собственной жизни. И как раз то, что было в ней похожего, больше всего и нравилось им.

— Да, так-то! — сказала девочка, сидевшая в зелени. — Кто зовет меня Бузинной матушкой, кто Дриадой, а настоящее-то мое имя Воспоминание. Я сижу на дереве, которое все растет и растет; я помню все и умею рассказывать обо всем! Покажи-ка, цел ли у тебя мой цветок?

И старик раскрыл книгу: бузинный цветочек лежал такой свежий, точно его сейчас только вложили туда! Воспоминание дружески кивало старичкам, а те оба сидели в золотых коронах, освещенные пурпурным вечерним солнцем. Глаза их закрылись и... да тут и сказке конец!

Мальчик лежал в постели и сам не знал, видел ли он все это во сне, или только слышал в сказке. Чайник стоял на столе, но из него не росло никакого куста, а старичок уже собирался уходить, и скоро ушел.

— Как хорошо! — сказал мальчик. — Мама, я побывал в теплых краях!

— Верю, верю! — сказала мать. — После двух таких чашек крепкого бузинного чаю немудрено и в теплых краях побывать! — И она хорошенько укутала его, чтобы он не простудился. — Ты так славно поспал, пока мы со старичком сидели да спорили о том, сказка это или быль?

— А где же Бузинная матушка? — спросил мальчик.

— В чайнике! — ответила мать. — И пусть там и останется.

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ*

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать! Вечером, когда дети спокойно сидят за столом или на скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он не слышно поднимается по лестнице, потом осторожно приотворяет дверь и брызжет детям в глаза сладким молоком, — в руках у него маленькая спринцовка, которая выбрасывает молоко тоненькой струйкой. Тогда веки у всех начинают слипаться, и дети уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылок. Подует — и детские головки поникнут. Но это не больно, — Оле-Лукойе ведь ничего плохого не замышляет, он хочет только, чтобы дети утомнились, а утихомятся они не раньше, чем их уложишь в

* Оле, закрой глазки (датск.)

постель. И как только они затихнут, он начинает рассказывать им сказки.

Но вот дети заснули, и Оле-Лукойе присаживается на край кровати. Одет он прелестно — в шелковый кафтан; только нельзя сказать, какого цвета этот кафтан: он отликает то синим, то зеленым, то красным, смотря куда повернется Оле. Подмышкой он держит два зонтика. Один зонтик — тот, что с картинками, — Оле раскрывает над хорошими детьми; и им тогда всю ночь снятся увлекательные сказки. Другой зонтик — совсем простой, гладкий, и Оле раскрывает его над нехорошими детьми; ну, они и спят, как чурбаны, всю ночь, а утром оказывается, что они ровно ничего не видели во сне!

Вот и послушаем, как Оле-Лукойе целую неделю навещал одного маленького мальчика, Яльмара, и каждый вечер рассказывал ему сказки. Целых семь сказок рассказал, — в неделе ведь семь дней.

Понедельник

— Так! — сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель. — Прежде всего я принаряжу комнату!

И вот все цветы в горшках мгновенно выросли, стали большими деревьями и протянули свои длинные ветви к самому потолку; комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев покрылись цветами; и ни один цветок не уступал розе в красоте и аромате, а на вкус (если бы только вы захотели его попробовать) был слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. А еще на деревьях росли пышки, которые чуть не лопались, — так щедро они были начинены изюмом. Просто чудо! Но вдруг из ящика стола, где лежали учебники Яльмара, раздались громкие стоны.

— Что там такое? — сказал Оле-Лукойе и, подойдя к столу, выдвинул ящик. Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решение напи-

санной на ней задачи вкралась ошибка, и все цифры готовы были разбежаться кто куда; грифель, как собачонка, скакал и прыгал на своей веревочке: он горячо желал помочь делу, да не мог. Из тетради Яльмара тоже доносились жалобные стоны, и слышать их было страшно. На каждой странице этой тетради в начале каждой строки стояли рядом большие маленькие буквы — и те и другие очень красивые. То были прописи. А возле них располагались другие, воображавшие себя столь же красивыми. Их писал сам Яльмар, и они прямо-таки валялись на проведенную карандашом линию, вместо того, чтобы стоять на ней прямо.

— Вот как надо держаться! — учила пропись — Вот так, с легким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады, — отвечали буквы Яльмара, — да не умеем! Мы такие убогие! Так вас надо немножко подтянуть! — проговорил Оле-Лукойе.

— Ах, нет, нет! — закричали буквы и сразу выпрямились, просто загляденье!

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе. — Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он так вышколил буквы Яльмара, что они теперь стояли прямо и стройно, — так умеют стоять только буквы в прописях. Но когда Оле-Лукойе ушел и Яльмар утром проснулся, буквы снова сделались такими же убогими, как и прежде.

Вторник

Как только Яльмар улегся, Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной спринцовкой до мебели, и все вещи в комнате сейчас же принялись болтать друг с другом — все, кроме плевательницы; она молчала и про себя возмущалась ветренностью других вещей: ну можно ли говорить и думать только о себе да о себе, не обращая внимания на ту, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золоченой раме. На ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо роскошных дворцов куда-то далеко за лес, в безбрежное море.

Оле-Лукойе прикоснулся волшебной спринцовкой к картине, и вот нарисованные птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака поплыли по небу; видно было даже, как скользили по картине их тени.

Затем Оле приподнял Яльмара до уровня рамы, и мальчик ступил прямо в высокую траву. Освещенный солнышком, что сияло сквозь листву деревьев, он побежал к воде и уселся в маленькую лодку, которая покачивалась на воде у берега. Лодочка была выкрашена в красный и белый цвет, а паруса ее блестели, как серебряные. Шесть лебедей, в золотых коронах, надетых на шеи, с сияющими синими звездами на головах, повлекли лодочку мимо зеленых лесов, где деревья шептали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных аленьких эльфах и о том, что рассказали им бабочки.

Удивительные рыбы с серебристой и золотистой чешуей плыли за лодкой, ныряли и, подпрыгнув, опять с шумом шлепались в воду; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами, комары толклись, а майские жуки гудели: «Бум! Бум!» Всем им хотелось проводить Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, это было плавание!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на красивейшие сады, освещенные солнцем и усеянные цветами. На берегах реки возвышались большие хрустальные и мраморные замки, а на балконах этих дворцов стояли принцессы, — и все они были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл, — они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке хорошенького сахарного поросенка, — такого редко мож-

но купить у торговки сладостями. Яльмар, проплывая мимо, хватал поросенка, но принцесса не выпускала его из рук; поросенок переламывался, и оба получали свою часть: Яльмар — побольше, принцесса — поменьше. У всех замков стояли на часах маленькие принцы, они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками, — это явно были настоящие принцы!

Яльмар плыл по лесам, по каким-то огромным залам и городам... Проплыл и через тот город, где жила его няня, которая нянчила его, когда он был еще малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел ее: она кивала ему, махала рукой и пела трогательную песенку, которую сама когда-то сочинила и прислала ему:

*Живу я, а мысли мои все с тобой,
Мой Яльмар, мой мальчик любимый!
Ведь я целовала твой лобик крутой,
И щечки, и ротик, родимый.
Я слышала первый твой лепет, дитя,
Грустила, тебя покидая...
Господь оградит от несчастий тебя:
Ты ангел из светлого рая!*

Птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали кронами, поддакивая Оле-Лукойе, словно он и им тоже рассказывал сказку.

Среда

Ну и дождь лил! Яльмар слышал его шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепный корабль.

— Хочешь поехать Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих краях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, в воскресном платье, вдруг очутился на великолепном корабле. Погода мгновенно прояснилась, и корабль поплыл по улицам, мимо церкви, — кругом было сплошное огромное озеро. Наконец, он уплыл так далеко, что земля скрылась из виду. В поднебесье летела стая аистов; они тоже покинули родину и направились в дальние теплые края. Летели они длинной вереницей, один за другим. Аисты были в пути уже много-много дней, и один из них так утомился, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распушенных крыльях все ниже и ниже. Вот он взмахнул ими еще раза два, но... напрасно! Вскоре он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бух! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник, к индейкам, уткам и курам. Бедняга аист стоял и уныло озирался.

— Ишь какой! — закудахтали куры.

Индюк надулся что было силы и спросил у аиста, кто он такой, а утки пятились, толкались и кричали: «Дур-рак! Дур-рак!»

И вот аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне так же быстро, как дикие лошади. Но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать друг друга и кричать:

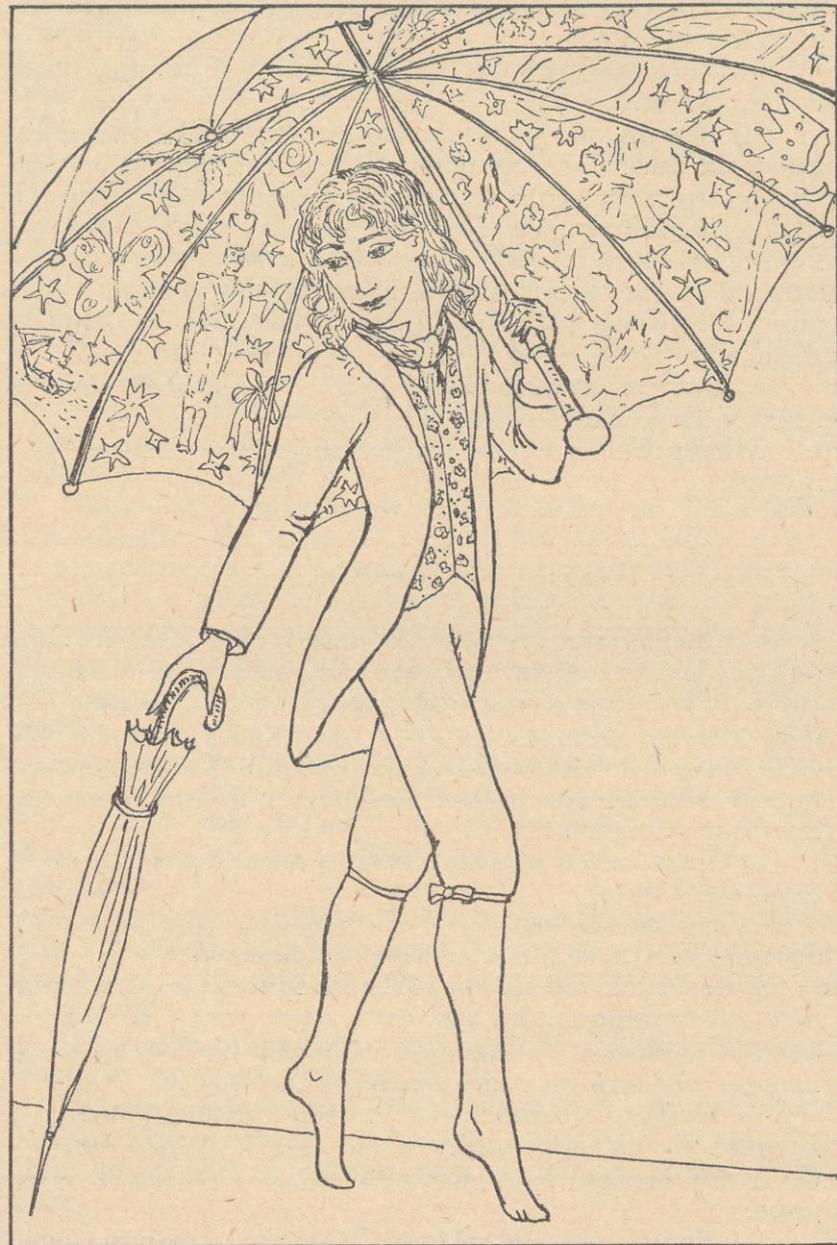
— Правда, он дурак?

— Конечно, дурак! — подтвердил индюк и от возмущения надулся и залопотал что-то.

Тогда аист замолк и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индюк. — Почему за аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закрякали смешливые утки; но аист как-будто и не слышал ничего. — Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индюк. — А ведь хлестко я сострил! — добавил он. — Или вы шуток не понимаете? Ну и топоголо-

вый! Что ж, позабавимся без него! — и он снова залопотал что-то.

Курицы закудахтали, а утки закричали: им было очень смешно.

Но Яльмар подошел к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу, — он уже успел отдохнуть. И вот аист склонил перед Яльмаром голову, как бы в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в теплые края. Куры опять закудахтали, утки закричали, а индюк так надулся, что гребешок его побагровел.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся в своей кровати.

Славно они с Оле-Лукойе попутешествовали этой ночью!

Четверг

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу: две мышки собираются пожениться нынче ночью. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, как говорят!

— А как же я пролезу сквозь дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Положись на меня! — ответил Оле-Лукойе. — Ты у меня сделаешься совсем маленьким.

И не успел он дотронуться до Яльмара своей волшебной спринцовкой, как тот вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и, наконец, сделался совсем крошечным — ни дать ни взять мальчик с пальчик.

— Мундир можно будет занять у оловянного солдата, — сказал Оле-Лукойе. — Я думаю, он тебе будет впору. Как приятно быть в гостях в мундире!

— Ладно! — согласился Яльмар, и когда пере-

оделся, стал похожим на образцового оловянного солдата.

— Не угодно ли вам сесть в наперсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Надеюсь, это не затруднит вас, фрекен? — отозвался Яльмар.

И вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они сначала попали в длинный коридор, такой узкий, что здесь только в наперстке и можно было проехать. Коридор был ярко освещен светящимися гнилушками.

— Как хорошо здесь пахнет, правда? — сказала мышка-возница. — Весь коридор вымазан салом! Что может быть лучше!

Наконец, добрались и до того зала, где праздновали свадьбу. Направо, перешептываясь и пересмеиваясь, стояли мышки-дамы, налево, прокручивая лапками усы, — мышки-кавалеры; а посередине, на корке выеденного сыра, восседали жених с невестой и ненасытно целовались на глазах у всех. Ну что ж, ведь они уже обручились и сейчас должны были обвенчаться.

А гости все прибывали и прибывали; и в давке счастливую парочку отгеснили к самому входу, так что никто уже больше не мог ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, тоже был весь вымазан салом; никакого другого угощения не было, а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, — то есть, конечно, только первую букву каждого имени. Диво, да и только!

Все мыши признали, что свадьба удалась на славу, и время прошло очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в блестящем обществе; правда, пришлось совсем съежиться, чтобы влезть в мундир оловянного солдата.

— Просто не верится, какое множество пожилых людей жаждет залучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойе. — И особенно жаждут те, которые сделали что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто глаз не можем сомкнуть, лежим без сна всю ночь напролет, и нас окружают наши дурные дела: рассядутся, словно гадкие гномы, по краям кровати и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришел и прогнал их, Оле, чтобы мы могли покрепче уснуть; а уж мы бы тебя вознаградили! — добавляют они с глубоким вздохом. — Ну, спокойной ночи, Оле! Деньги на окне!» Но я ни к кому не прихожу за деньгами, — заключил Оле-Лукойе.

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар. — Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком, — ее зовут Герман, — хочет повенчаться с куклой Бертой. Кроме того, сегодня день рождения куклы, и ей готовят много подарков.

— Знаю! Знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их день рождения или свадьбу. Так она уже раз сто проделывала.

— Да, а сегодня ночью это будет в сто первый и, значит, в последний раз. Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар посмотрел на стол. На нем стоял картонный домик с освещенными окнами, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой в задумчивости сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да им и было о чем задуматься! Оле-Лукойе, облачившись в бабушкину черную юбку, перевернул их, и вот вся мебель в комнате запела на мотив марша забавную песенку, которую сочинил карандаш:

*Пускай к невесте с женихом
Примчится наша песня в дом.
Горды собой, сидят вдвоем, —
Их сделали, взяв пакли ком
И лайкой обтянув кругом!
«Ура! Ура!» — мы им поем.*

Затем молодые получили подарки, но от еды отказались — они были сыты любовью.

— Ну, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой муж.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз высиживала цыплят. Ласточка рассказала о теплых краях, где зреют тяжелые виноградные гроздья, где воздух так легок, а горы отливают такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

— Но там не растет наша кудрявая капуста! — сказала курица. — Одно лето я со своими цыплятами жила в деревне; там была большая куча песку, и мы могли в ней рыться и копать сколько угодно. Кроме того, нам разрешили ходить в огород, где росла капуста. Ах, какая она была зеленая! Нет ничего красивее ее!

— Да ведь один кочан капусты похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь часто бывает ненастье.

— Ну, к этому можно привыкнуть, — проговорила курица.

— Но здесь так холодно, того и гляди замерзнешь!

— Для капусты это как раз хорошо, — заметила курица. — Да, наконец, и у нас бывает тепло! Вот, например, четыре года назад лето у нас тянулось целых пять недель. А жара-то какая стояла — дышать нечем было! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, какие водятся в теплых краях. Нет и разбойников. Только отщепенец не считает на-

шу страну лучшей в мире. Такой недостойн жить в ней! — Тут курица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, целых двенадцать миль проехала в бочонке, — и ничего приятного в путешествии не нашла.

— Да, курица наша — умница, — сказала кукла Берта. — Мне тоже ничуть не нравится ходить по горам; только и знаешь: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз! Нет, лучше мы переедем в деревню, где много песка, и будем гулять по огороду, где растет капуста.

На том и порешили.

Суббота

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда, — ответил Оле и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев!

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головой.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра праздник, воскресенье. Мне надо влезть на колокольню, чтобы проверить работу церковных домовых, которые должны вычистить колокола, а не то они завтра будут плохо звонить; потом выйду в поле посмотреть, смахнул ли ветер пыль с травы и листьев. А уж потом наступит время и для самой трудной работы: придется снять с неба и почистить все звездочки. Я их собираю в свой передник и при этом нумерую каждую звездочку и дырочку, в которой она сидела, чтобы потом разместить их всех по местам, не то они будут плохо держаться и покатаются с неба одна за другой!

— Послушайте-ка вы, господин Оле-Лукойе! — проговорил вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедушка Яльмара и очень признателем вам за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но вы не должны извращать его представления. Снимать с неба звезды и чистить их невозможно: звезды такие же светила, как наша земля, тем-то они и хороши.

— Спасибо тебе, прадедушка! — отозвался Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты глава семьи, наш родоначальник, но я все-таки постарше тебя! Я старший язычник; древние римляне и греки считали меня богом сновидений. Я бывал в знатнейших домах и теперь туда вхож, и знаю, как обходиться и с большими и с малыми. Можешь теперь рассказать сам.

И Оле-Лукойе ушел, сунув зонтики подмышку.

— Ну, уж нельзя и мнения своего высказать! — проворчал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор по-вчерашнему.

— А теперь ты расскажи мне вот какие сказки: про пять зеленых горошин, что родились в одном стручке, про петушину ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную иглу, которая возомнила себя швейной иглой, — сказал Яльмар.

— Ну, хорошенького понемножку! — отозвался Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше, чем один раз в жизни. А уж если явится, то берет человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. А знает он

их только две: одна из них так прекрасна, что и описать нельзя, но зато другая... нет слов выразить, какая она страшная!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднес его к окну и сказал:

— Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким выглядит на картинках, где его рисуют в виде скелета. Кафтан на нем вышит серебром, как гусарский мундир; за плечами развеивается черный бархатный плащ... Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе, сажая к себе на коня и старых и малых.

Одних он сажал перед собою, других позади, но сначала всегда спрашивал:

— Какие у тебя отметки?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им веселую сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие — сажал позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись в ужасе, плакали и старались спрыгнуть с коня, да не могли, потому что сразу же крепко прирастали к седлу.

Но ведь Смерть — чудеснейший Оле-Лукойе! — сказал Яльмар. — И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки.

— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Все-таки, значит, не мешает иногда высказать свое мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе еще что-нибудь.

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ

I. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой королевской площади. В одном доме собралось большое общество — иногда ведь все-таки приходится принимать гостей, зато, глядишь, и сам дождешься когданибудь приглашения.

Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела играть в карты, другая образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой.

Между прочим, речь зашла про средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоем накинулись на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чем все-таки выше средневековья. Но советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведется этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновение, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдем в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши! Сюда только что вошли две женщины: молодая и старая.

На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли в гости к хозяйке, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти

женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и нежны были у них руки, слишком величавы осанка и все движения, а платье их отличалось каким-то особо смелым покроем.

Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если и не самой феей Счастья, то, уж наверно, одной из ее верных помощниц и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары счастья. Старшая казалась гораздо более серьезной — она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не перепоручая их никому: тогда, по крайней мере, она знала, что все будет сделано, как она хотела.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где побывали за день. Помощница феи Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества, и все в том же духе. Но зато в запасе у нее осталось нечто совершенно необыкновенное.

— Нужно тебе сказать, — закончила она, — что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место и в любую эпоху — стоит ему только пожелать, — и от этого он почувствует себя совершенно счастливым.

— Ты так думаешь? — отозвалась фея Печали. — Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от своих калош.

— Ну, это мы еще посмотрим! — проговорила фея Счастья. — А пока что я поставлю их у дверей. Авьось, кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и обретет счастье.

Вот какой между ними произошел разговор.

II. Что случилось с советником юстиции

Было уже поздно. Советник юстиции Кнапп собирался домой, все еще размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесли его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц, конечно не мостили.

— Ну и грязница! Просто ужас что такое! — пробормотал советник. — И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна еще не взошла, стоял густой туман, и все вокруг тонуло во мраке.

На углу перед изображением Мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел Божью мать с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника, — решил он, — а вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах.

«Чего это они так вырядились? — подумал советник. — Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь, а за ними стражники с луками и арбалетами. По-видимому, то была свита, сопровождающая какое-то важное лицо. Изумленный советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

— Епископ Зеландский! — послышалось в ответ.

— Господи помилуй! Что еще такое приключилось с епископом? — вздохнул советник Кнапп, грустно покачивая головой.

Размышляя обо всех этих чудесах и не глядя по

сторонам, советник медленно шел по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого Мыса. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, — бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидели двое парней.

— Прикажете переправить вас на остров? — спросили они.

— На остров? — переспросил советник, не зная еще, что он теперь живет во времена средневековья. — Мне нужно попасть в Христианову гавань на Малую торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

— Скажите мне хотя бы, где мост? — продолжал советник. — Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше понимал их.

— Не понимаю я вашей тарабарщины! — рассердился наконец советник и повернулся к ним спиной.

Моста он все-таки не нашел; каменный парапет набережной тоже исчез.

«Что делать! Вот безобразие! — думал он. Да, никогда еще действительность не казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. — Нет, лучше взять извозчика, — решил он. — Но, господи, куда же они все запропастились? Как назло ни одного! Вернусь-ка я на Новую королевскую площадь, там, наверно, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти ее почти всю, когда взошла луна.

«Господи, что здесь понастроили?» — изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далекие времена стояли в конце Восточной улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую королевскую площадь, которая в старину была просто большим лугом. На лугу там и

сям торчали кусты, его пересекал не то широкий канал, не то река. На противоположном берегу расположились жалкие лавчонки халландских шкиперов, отчего место это называлось Халландской высотой.

— Боже мой! Или это мираж, фата-моргана, или я... господи... пьян? — застонал советник юстиции. — Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернул назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее приглядывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

— Да, конечно, я заболел, — вздыхал он, — а ведь всего-то стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься — угощать гостей пуншем и горячей лососиной! Нет, я непременно поговорю об этом с госпожой советницей. Вернуться разве к ней и рассказать, какая со мной приключилась беда? Неудобно, пожалуй. Да они там все, наверное, уже давно спать улеглись.

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

— Нет, это просто наваждение какое-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Все только старые, жалкие лачуги — можно подумать, что я попал в Роскилле или Рингстед. Да, плохо мое дело! Ну что уж тут стесняться, вернусь к советнице! Но, черт возьми, как мне найти ее дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется, еще не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался...

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые походили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдатаев — шкипера, копенгагенские бюргеры и еще какие-то люди, с виду ученые. Попивая пиво из кружек, они вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

— Простите, — сказал советник подошедшей к нему хозяйке, — мне вдруг стало дурно. Вы не до-

станете мне извозчика? Я живу на Христиановой гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует, она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник оперся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же все-таки он попал?

— Это вечерний «День»? — спросил он, просто чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но все-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображающая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кельне.

— Антикварная картина! — сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился: — Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь ученые; и, вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьезным видом:

— Вы, очевидно, крупный ученый, мосье?

— О нет, — ответил советник, — просто я могу поговорить о том о сем, как и всякий другой.

— Скромность — прекраснейшая добродетель, — изрек его собеседник. — Впрочем, о сути вашего высказывания я другого мнения, хотя и воздержусь пока делиться моим собственным суждением.

— Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? — осведомился советник.

— Я бакалавр* богословия, — ответил тот.

Эти слова все объяснили советнику — незнакомец был одет в соответствии со своим ученым званием.

«Должно быть, это какой-то старый сельский учитель, — подумал он, — человек не от мира сего, каких еще можно встретить в отдаленных уголках Ютландии».

— Здесь, конечно, не место для ученых бесед, — говорил богослов, — но я все-таки очень прошу вас продолжать свою речь. Вы, конечно, весьма начитаны в древней литературе?

— О да! Вы правы, я частенько-таки почитываю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории»; их хватает и в жизни.

— Обыкновенные истории? — переспросил богослов.

— Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

— О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе, — улыбнулся бакалавр. — Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в которых рассказывается о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближенными**.

— Этих романов я еще не читал, — сказал советник юстиции. — Должно быть, это Хольберг что-нибудь новое выпустил?

— Нет, что вы, не Хольберг, а Готфред фон Гемен, — ответил бакалавр.

— Так вот кто автор! — воскликнул советник. —

* Бакалавр — низшая ученая степень в старинных университетах.

** Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что прочитав роман о рыцарях Круглого стола, король Ганс однажды сказал в шутку своему приближенному Отто Руду, которого очень любил: «Эти господа Ифвент и Гаудиан были замечательные рыцари. Таких теперь больше не встретишь». На что Отто Руд ответил: «Если бы теперь встречались такие короли, как король Артур, то, наверное, нашлось бы немало таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (Прим. Андерсена.)

Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

— Да, он наш первопечатник! — подтвердил богослов.

Таким образом, пока что все шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей в Дании несколько лет назад, а именно — в 1484 году, советник подумал, что речь идет о недавней эпидемии холеры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал клеиться и все чаще прерывался гробовой тишиной. Добрый бакалавр был очень уж невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным. Собеседники смотрели друг на друга со все возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

— Ну, как вы себя чувствуете — спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении возрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» — подумал он, и при одной мысли об этом у него закружилась голова.

— Давайте пить кларет, мед и бременское пиво! — закричал один из гостей. — И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике, они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

— Что же это такое? Что это такое? — шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми.

Собутыльники так на него надели, что бедный советник пришел в совершеннейшее смятение, и когда

кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. В жизни советник не попадал в такую грубую и неотесанную компанию.

«Можно подумать, — говорил он себе, — что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову: а что, если залезть под стол, подползти к двери и улизнуть? Но когда он был уже почти у цели, гуляки заметили, куда он ползет, и схватили его за ноги. К счастью, при этом у него с ног свалились калоши, а с ними рассеялось волшебство.

При ярком свете фонаря советник отчетливо увидел большой дом и все соседние, узнал и Восточную улицу. Сам он лежал на тротуаре, упираясь ногами в чьи-то ворота, а рядом сидел ночной сторож, спавший крепким сном.

— Господи! Значит, я заснул прямо на улице! — сказал советник. — А вот и Восточная улица... Как здесь светло и красиво! Кто бы мог подумать, что один стакан пунша так подействует на меня!

Спустя две минуты советник уже ехал на извозчике в Христианову гавань. Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век, который, лучше средневековья, в котором ему только что довелось побывать. И надо сказать, что на этот раз советник юстиции мыслил вполне разумно.

III. Приключения ночного сторожа

— Гм, кто-то оставил здесь свои калоши! — сказал сторож. — Это, наверное, лейтенант, что живет наверху. Вот ведь какой, бросил их у самых ворот!

Честный сторож, конечно, хотел было немедленно позвонить и отдать калоши их законному владельцу, тем более что у лейтенанта еще горел свет, но побоялся разбудить соседей.

— Ну и тепло, должно быть, ходить в таких калошах! — сказал сторож. — А кожа до чего мягкая!

Калоши пришлись ему как раз впору.

— И ведь как странно устроен мир! — продолжал он. — Взять хотя бы этого лейтенанта: мог бы сейчас преспокойно спать в теплой постели, так нет же, всю ночь шагает взад и вперед по комнате. Вот кому счастье! Нет у него ни жены, ни детей, ни тревог, ни забот; каждый вечер по гостям разъезжает. Хорошо бы мне поменяться с ним местами: я бы тогда стал самым счастливым человеком на земле!

Не успел он это подумать, как волшебной силой калош мгновенно перевоплотился в того офицера, что жил наверху. Теперь он стоял посреди комнаты, держа в руках листок розовой бумаги со стихами, которые написал сам лейтенант.

Будь я богат

*«Будь я богат, — мальчишкой я мечтал, —
Я непременно б офицером стал,
Носил бы форму, саблю и плюмаж!»
Но оказалось, что мечты — мираж.
Шли годы — эполеты я надел,
Но, к сожаленью, бедность — мой удел.*

*Веселым мальчиком, в вечерний час,
Когда, ты помнишь, я бывал у вас,
Тебя я детской сказкой забавлял,
Что составляло весь мой капитал.
Ты удивлялась, милое дитя,
И целовала губы мне шутя.*

*Будь я богат, я б и сейчас мечтал
О той, что безвозвратно потерял...
Она теперь красива и умна,
Но до сих пор сума моя бедна,
А сказки не заменят капитал,
Которого всевышний мне не дал.*

*Будь я богат, я б горечи не знал
И на бумаге скорбь не изливал,
Но в эти строки душу я вложил
И посвятил их той, которую любил.
В стихи мои вложил я пыл любви!
Бедняк я, бог тебя благослови!*

Да, влюбленные вечно пишут подобные стихи, но люди благоразумные их все-таки не печатают. Чин лейтенанта, любовь и бедность — вот злополучный треугольник или, вернее, треугольная половина игральной кости, брошенной на счастье и расколовшейся. Так думал и лейтенант, опустив голову на подоконник и тяжело вздыхая: «Бедняк сторож и тот счастливей, чем я. Он не знает моих мучений. У него есть домашний очаг, а жена и дети делят с ним и радость и горе. Ах, как бы мне хотелось быть на его месте, ведь он гораздо счастливей меня!»

И в тот же миг ночной сторож снова стал ночным сторожем: ведь офицером он сделался лишь благодаря калошам, но, как мы видели, не стал от этого счастливее и захотел вернуться в свое прежнее состояние. И очень вовремя!

«Какой скверный сон мне приснился, — подумал он. — А впрочем, довольно забавный. Надо же, я стал тем самым лейтенантом, который живет у нас наверху. И до чего же скучно он живет! Как мне не хватало жены и ребятишек: кто-кто, а они всегда готовы зацеловать меня до смерти».

Ночной сторож сидел на прежнем месте и кивал в такт своим мыслям. Сон никак не выходил у него из головы, а на ногах все еще были надеты калоши счастья. По небу покати́лась звезда.

«Ишь как покати́лась, — сказал себе сторож. — Ну ничего, их там еще много осталось. А хорошо бы увидеть поближе все эти небесные штуковины. Особенно луну...»

Он размечтался, и палка со звездой на конце — у нас ее прозвали утренней звездой — выпала у него из

рук, а глаза уставились на луну, но вот они закрылись, веки слиплись, и сторож начал клевать носом.

— Эй, сторож, который час? — спросил прохожий.

Не дождавшись ответа, он слегка щелкнул спящего по носу. Тело сторожа потеряло равновесие и во всю длину растянулось на тротуаре.

Решив, что сторож умер, прохожий пришел в ужас и поспешил сообщить об этом куда следует. Сторожа отвезли в больницу, и там с него первым долгом, конечно, сняли калоши.

А как только сняли калоши, волшебство рассеялось, и сторож немедленно ожил. Потом он уверял, что это была самая бредовая ночь в его жизни. Он даже за две марки не согласился бы вновь пережить все эти ужасы. Впрочем, теперь все это позади.

Сторожа выписали в тот же день, а калоши остались в больнице.

IV. Приключения молодого медика

Каждый житель Копенгагена много раз видел главный вход в главную городскую больницу, но так как эту историю, возможно, будут читать не только копенгагенцы, нам придется дать кое-какие разъяснения.

Дело в том, что больницу отделяет от улицы довольно высокая решетка из толстых железных прутьев. Прутья эти расставлены так редко, что многие практиканты, если только они худощавы, ухитряются протиснуться между ними, когда в неуточный час хотят выбраться в город. Трудней всего им просунуть голову, так что и в этом случае, как, впрочем, нередко бывает в жизни, большеголовым приходилось труднее всего... Ну, для вступления об этом хватит.

В тот вечер в главной больнице как раз дежурил один молодой медик, о котором хоть и можно было сказать, что «голова у него большая», но... лишь в самом прямом смысле слова.

Шел проливной дождь; однако, невзирая на непо-

году и дежурство, медик все-таки решил сбегать в город по каким-то неотложным делам хотя бы на четверть часика.

«Незачем, — думал он, — связываться с привратником, если можно легко пролезть сквозь решетку».

В вестибюле все еще валялись калоши, забытые сторожем. В такой ливень они были очень кстати, и медик надел их, не догадываясь, что это калоши счастья. Теперь осталось только протиснуться между железными прутьями, чего ему еще ни разу не приходилось делать.

— Господи, только бы просунуть голову, — промолвил он.

И в тот же миг голова его, хотя и очень большая, благополучно проскочила между прутьями — не без помощи калош, разумеется. Теперь дело было за туловищем, но ему никак не удавалось пролезть.

— Ух, какой я толстый! — сказал студент. — А я-то думал, что голову просунуть всего труднее будет. Нет, не пролезть мне!

Он хотел было сразу же втянуть голову обратно, но не тут-то было: она застряла безнадежно, он мог лишь крутить ею сколько угодно и без всякого толка. Сначала медик просто рассердился, но вскоре настроение его испортилось вконец: калоши поставили его прямо-таки в ужасное положение.

К несчастью, он никак не догадывался, что надо просто пожелать освободиться, и сколько ни вертел головой, она не пролезала обратно.

Дождь все лил и лил, и на улице не было ни души. До звонка к дворнику все равно никак было не дотянуться, а сам освободиться он не мог. Он думал, что, чего доброго, придется простоять так до утра: ведь только утром можно будет послать за кузнецом, чтобы он перепилил решетку. И вряд ли удастся перепилить ее быстро, а на шум сбегутся школьники, все окрестные жители, — да, да, сбегутся и будут глазеть на медика, который прикован к решетке, как преступник к позорному столбу! Глазеть, как в прошлом году на огромную агаву, когда она расцвела.

— Ой, кровь так и приливает к голове. Нет, я так с ума сойду! Просто сойду с ума! Ох, только бы мне освободиться!

Давно нужно было медику сказать это: в ту же минуту голова его освободилась, и он стремглав кинулся назад, совершенно обезумев от страха, в который повергли его калоши счастья.

Но если вы думаете, что этим дело и кончилось, то глубоко ошибаетесь. Почувствовав себя худо, наш медик решил, что простудился там, у больничной ограды, и решил немедля взяться за лечение.

«Говорят, в таких случаях всего полезнее русская баня, — вспомнил он. — Ах, если бы я уже лежал на полке».

И само собой он тут же очутился в бане на самом верхнем полке. Но лежал он там совсем одетый, в сапогах и калошах, а с потолка на лицо ему капала горячая вода.

— Ой! — закричал медик и побежал скорее принять душ.

Банщик тоже закричал: он испугался, увидев в бане одетого человека.

К счастью, медик, не растерявшись, шепнул ему:

— Не бойся, это я на пари.

Вернувшись домой, он первым делом поставил себе один большой пластырь из испанских мушек на шею, а другой на спину, чтобы вытянуть дурь из головы.

Наутро вся спина у него набухла кровью — вот и все, чем его облагодетельствовали калоши счастья. Этого умника с большой головой — с «большой», да только в самом прямом смысле слова.

V. Превращения незадачливого писаря

Между тем наш знакомый сторож вспомнил про калоши, которые нашел на улице, а потом оставил в больнице, и забрал их оттуда. Но ни лейтенант, ни соседи не признали этих калош своими, и сторож отнес их в полицию.

— Да они как две капли воды похожи на мои! — сказал один из полицейских писарей, поставив находку рядом со своими калошами и внимательно ее рассматривая. — Тут и опытный глаз сапожника не отличил бы одну пару от другой.

— Господин писарь... — обратился к нему полицейский, вошедший с какими-то бумагами.

Писарь поговорил с ним, а когда взглянул на обе пары калош, то уж и сам перестал понимать, которая из них его пара — та, что стоит справа, или та, что слева.

«Мои, должно быть, вот эти, мокрые», — подумал он и ошибся: это были как раз калоши счастья.

Что же, полиция тоже иногда ошибается.

Писарь надел калоши и, сунув одни бумаги в карман, а другие — под мышку (ему нужно было кое-что перечитать и переписать дома), вышел на улицу. День был воскресный, стояла чудесная погода, и полицейский писарь подумал, что неплохо было бы прогуляться по Фредериксбергу.

Молодой человек отличался редким прилежанием и усидчивостью, так что пожелаем ему приятной прогулки после многих часов работы в душной канцелярии.

Сначала он шел, ни о чем не думая, и калошам поэтому все не представлялось удобного случая проявить свою чудодейственную силу.

Но вот он повстречал в одной аллее своего знакомого, молодого поэта, и тот сказал, что завтра отправляется путешествовать на все лето.

— Эх, вот вы опять уезжаете, а мы остаемся, — сказал писарь. — Счастливые вы люди, летаете себе где хотите и куда хотите, а у нас цепи на ногах.

— Да, но ими вы прикованы к хлебному дереву, — возразил поэт. — Вам нет нужды заботиться о завтрашнем дне, а когда вы состаритесь, получите пенсию.

— Так-то так, но вам все-таки живется гораздо привольнее, — сказал писарь. — Писать стихи — что может быть лучше! Публика носит вас на руках, и вы сами себе господа. А вот попробовали бы вы посидеть

в суде, как мы сидим, да повозиться с этими скучнейшими делами!

Поэт покачал головой, писарь тоже покачал головой, и они разошлись в разные стороны, оставшись каждый при своем мнении.

«Удивительный народ эти поэты, — думал молодой чиновник. — Хотелось бы поближе познакомиться с такими натурами, как он, и самому стать поэтом. Будь я на их месте, я бы в своих стихах не стал хныкать. Ах, какой сегодня чудесный весенний день, сколько в нем красоты, свежести, поэзии! Какой необыкновенно прозрачный воздух! Какие причудливые облака! А трава и листья так сладостно благоухают! Никогда я так остро не ощущал этого, как сейчас».

Вы, конечно, заметили, что он уже стал поэтом. Но внешне совсем не изменился — нелепо думать, что поэт не такой же человек, как все прочие. Среди простых людей часто встречаются натуры гораздо более поэтические, чем многие прославленные поэты. Только у поэтов гораздо лучше развита память, и все идеи, образы, впечатления хранятся в ней до тех пор, пока не найдут своего поэтического выражения на бумаге. Когда у простого человека проявляется его поэтически одаренная натура, происходит своего рода превращение, и такое именно превращение произошло с писарем.

«Какое восхитительное благоухание! — думал он. — Оно напоминает мне фиалки у тетушки Лоны. Я был тогда еще совсем маленьким. Господи, и как это я ни разу не вспомнил о ней раньше! Добрая старая тетушка! Она жила как раз за Биржей. Всегда, даже в самую лютую стужу, на окнах у нее зеленели в банках какие-нибудь веточки или росточки, фиалки наполняли комнату ароматом; а я прикладывал нагретые медяки к обледенелым стеклам, чтобы можно было смотреть на улицу. Какой вид открывался из этих окон! На канале стояли вмерзшие в лед корабли, огромные стаи ворон составляли весь их экипаж. Но с наступлением весны суда преобразались. С песнями и криками «ура» матросы обкалывали лед: корабли

смолили, оснащали всем, чем нужно, и они наконец уплывали в заморские страны. Они-то уплывают, а я вот остаюсь здесь; и так будет всегда; всегда я буду сидеть в полицейской канцелярии и смотреть, как другие получают заграничные паспорта. Да, таков мой удел! — И он глубоко-глубоко вздохнул, но потом вдруг опомнился: — Что это такое со мной делается сегодня? Раньше мне ничего подобного и в голову не происходило. Верно, это весенний воздух так на меня действует. А сердце сжимается от какого-то сладостного волнения».

Он полез в карман за своими бумагами.

«Возьмусь за них, буду думать о чем-нибудь другом», — решил он и пробежал глазами первый попавшийся под руку лист бумаги.

— «Возьмусь за них, буду думать о чем-нибудь другом», — решил он и пробежал глазами первый попавшийся под руку лист бумаги.

— «Фру Зигбрит, оригинальная трагедия в пяти действиях», — прочитал он. — Что такое? Странно, почерк мой! Неужели это я написал трагедию? А это еще что? «Интрига на балу, или Большой праздник, водевиль». Но откуда все это у меня? Наверное, кто-нибудь подсунул. Да тут еще письмо...

Письмо прислала дирекция одного театра; она не очень вежливо извещала автора, что обе его пьесы никуда не годятся.

— Гм, — произнес писарь, усаживаясь на скамейку.

В голову его вдруг хлынуло множество мыслей, а сердце исполнилось неизъяснимой нежности... к чему — он и сам не знал. Машинально он сорвал цветок и залюбовался им. Это была простая маленькая маргаритка, но она в течение одной минуты сообщила ему о себе больше, чем можно узнать, выслушав несколько лекций по ботанике. Она рассказала ему предание о своем рождении, рассказала о том, как могуч солнечный свет, — ведь это благодаря ему распустились и заблагоухали ее нежные лепестки. А поэт в это время думал о суровой жизненной борьбе, пробужда-

ющей в человеке неведомые ему силы и чувства. Воздух и свет — возлюбленные маргаритки, но свет — ее главный покровитель, перед ним она благоговет; а когда он уходит вечером, она засыпает в объятиях воздуха.

— Свет одарил меня красотой! — сказала маргаритка.

— А воздух дает тебе жизнь! — шепнул ей поэт.

Неподалеку стоял мальчуган и хлопал палкой по воде в грязной канаве — брызги разлетались в разные стороны. Писарь задумался вдруг о тех миллионах живых, невидимых простым глазом существ, которые взлетают вместе с водяными каплями на огромную, по сравнению с их собственными размерами, высоту, — вот как если бы мы, например, очутились над облаками. Размышляя об этом, а также о своем превращении, наш писарь улыбнулся: «Я просто сплю и вижу сон. Но какой это все-таки удивительный сон! Оказывается, можно грезить наяву, сознавая, что это тебе только снится. Хорошо бы вспомнить, обо всем этом завтра утром, когда я проснусь. Какое странное состояние! Сейчас я все вижу так четко, так ясно, чувствую себя таким бодрым и сильным — и в то же время хорошо знаю, что, если утром попытаюсь что-нибудь припомнить, в голову мне ползет только чепуха. Сколько раз это бывало со мной! Все эти чудесные вещи похожи на сокровища гномов: ночью, когда их получаешь, они кажутся драгоценными камнями, а днем превращаются в кучу щебня и увядших листьев».

Вконец расстроенный, писарь грустно вздыхал, поглядывая на птичек, которые весело распевали свои песенки, перепархивая с ветки на ветку.

«И им живется лучше, чем мне. Уметь летать — какая чудесная способность! Счастлив тот, кто ею одарен. Если бы только я мог превратиться в птичку, я бы стал вот таким маленьким жаворонком!»

И в ту же минуту рукава и фалды его сюртука превратились в крылья и обросли перьями, а вместо

калош появились коготки. Он сразу заметил все эти превращения и улыбнулся.

«Ну, теперь я убедился, что это сон. Но таких дурацких снов мне еще не приходилось видеть», — подумал он, взлетел на зеленую ветку и запел.

Однако в его пении уже не было поэзии, так как он перестал быть поэтом: калоши выполнили только одно дело зараз. Захотел писарь стать поэтом — стал, захотел превратиться в птичку — превратился, но зато утратил свои прежние свойства.

«Забавно, нечего сказать! — подумал он. — Днем я сижу в полицейской канцелярии, занимаясь важнейшими делами, а ночью мне снится, что я жаворонком летаю по Фредериксбергскому парку. Да об этом, черт возьми, можно написать целую народную комедию!»

И он слетел на траву, завертел головкой и принялся весело клевать гибкие травинки, казавшиеся ему теперь огромными африканскими пальмами. Внезапно вокруг него стало темно, как ночью; ему почудилось, будто на него набросили какое-то гигантское одеяло! На самом же деле это мальчик из слободки накрыл его своей шапкой. Мальчик запустил руку под шапку и схватил писаря за спинку и крылья. Тот сначала запищал от страха, потом вдруг возмутился:

— Ах ты негодный щенок! Как ты смеешь! Я полицейский писарь!

Но мальчишка услышал только жалобное «пи-и, пи-и-и». Он щелкнул птичку по клюву и пошел с нею дальше, на горку.

По дороге он встретил двух школьников; оба они были в высшем классе по своему положению в обществе и в низшем — по умственному развитию и успехам в науках. Они купили жаворонка за восемь скиллингов. Таким образом, полицейский писарь вернулся в город и оказался в одной квартире на Готской улице.

— Черт побери, хорошо, что это сон, — сказал писарь, — а не то я бы здорово рассердился! Сначала

я стал поэтом, потом — жаворонком. И ведь это моя поэтическая натура внушила мне желание превратиться в такую малютку. Однако невеселая это жизнь, особенно когда попадешь в лапы к подобным сорванцам. Ох, чем все это кончится?

Мальчики принесли его в красиво обставленную комнату, где их встретила толстая улыбающаяся женщина. Она ничуть не обрадовалась простой полевой птичке, как она назвала жаворонка, тем не менее разрешила мальчикам оставить его и посадить в маленькую клетку на подоконнике.

— Быть может, он немного развлечет попочку! — добавила она и с улыбкой взглянула на большого зеленого попугая, который важно покачивался на кольце в роскошной металлической клетке. — Сегодня у попочки день рождения, — сказала она, глупо улыбаясь, — и полевая птичка хочет его поздравить.

Попугай, ничего на это не ответив, все так же важно раскачивался взад и вперед. В это время громко запела красивая канарейка, которую сюда привезли прошлым летом из теплой и благоухающей родной страны.

— Ишь крикунья! — сказала хозяйка и набросила на клетку белый носовой платок.

— Пи-пи! Какая ужасная метель! — вздохнула канарейка и умолкла.

Писаря, которого хозяйка назвала полевой птичкой, посадили в маленькую клетку, рядом с клеткой канарейки и по соседству с попугаем. Попугай мог внятно выговаривать одну фразу, нередко звучавшую очень комично: «Нет, будем людьми!», а все остальное получалось у него так же невразумительно, как щебет канарейки. Впрочем, писарь, превратившись в птичку, отлично понимал своих новых знакомых.

— Я порхала над зеленой пальмой и цветущим миндальным деревом, — пела канарейка. — Вместе с братьями и сестрами я летала над чудесными цветами и зеркальной гладью озер, и нам приветливо кивали отражения прибрежных кустов. Я видела стаи разно-

цветных попугаев, которые рассказывали множество чудеснейших историй.

— Это дикие птицы, — отозвался попугай, — не получившие никакого образования. Нет, будем людьми! Что же ты не смеешься, глупая птица? Если этой остроте смеется сама хозяйка и ее гости, так почему бы не посмеяться и тебе? Не ценить хороших острот — это очень большой порок, должен вам сказать. Нет, будем людьми!

— А ты помнишь красивых девушек, что плясали под сенью цветущих деревьев? Помнишь сладкие плоды и прохладный сок диких растений?

— Конечно, помню, — отвечал попугай, — но здесь мне гораздо лучше! Меня прекрасно кормят и всячески ублажают. Я знаю, что я умен, и с меня довольно. Нет, будем людьми! У тебя, что называется, поэтическая натура, а я сведущ в науках и остроумен. В тебе есть гениальность, но не хватает рассудительности. Ты метишь слишком высоко, поэтому люди тебя осаживают. Со мной они так поступать не станут, потому что я обошелся с ними дорого. Я внушаю уважение уже одним своим клювом, а болтовней своей могу кого угодно поставить на место. Нет, будем людьми!

— О моя теплая, цветущая родина, — пела канарейка, — я буду петь о твоих темно-зеленых деревьях, чьи ветви целуют прозрачные воды тихих заливов, о светлой радости моих братьев и сестер, о вечнозеленых хранителях влаги в пустыне — кактуссах.

— Перестань хныкать! — проговорил попугай. — Скажи лучше что-нибудь смешное. Смех — это знак высокого духовного развития. Вот разве могут, к примеру, смеяться собака или лошадь? Нет, они могут только хныкать, а способностью смеяться одарен лишь человек. Ха-ха-ха, будем людьми! — расхохотался попочка.

— И ты, маленькая серая датская птичка, — сказала канарейка жаворонку, — ты тоже стала пленницей. В твоих лесах, наверное, холодно, но зато в них

ты свободна. Лети же отсюда! Смотри, они забыли запереть твою клетку! Форточка открыта, лети же — скорей, скорей!

Писарь так и сделал, вылетел из клетки и уселся возле нее.

В этот миг дверь в соседнюю комнату открылась, и на пороге появилась кошка, гибкая, страшная, с зелеными горящими глазами. Кошка уже совсем было приготовилась к прыжку, но канарейка заметалась в клетке, а попугай захлопал крыльями и закричал:

— Нет, будем людьми!

Писарь похолодел от ужаса и, вылетев в окно, полетел над домами и улицами. Летел, летел, наконец устал, и вот увидел дом, который показался ему знакомым. Одно окно в доме было открыто. Писарь влетел в комнату и уселся на стол.

К своему изумлению, он увидел, что это его собственная комната.

— Нет, будем людьми! — машинально повторил он излюбленную фразу попугая и в ту же минуту вновь стал полицейским писарем, только зачем-то усевшимся на стол.

— Господи помилуй, — сказал писарь, — как это я попал на стол, да еще заснул? И какой дикий сон мне приснился! Какая чепуха!

VI. Конец

На другой день рано утром, когда писарь еще лежал в постели, в дверь постучали, и вошел его сосед, снимавший комнату на том же этаже, — молодой студент-философ.

— Одолжи мне, пожалуйста, твои калоши, — сказал он. — Хоть в саду и сыро, да больно уж ярко светит солнышко. Хочу туда сойти выкурить трубочку.

Он надел калоши и вышел в сад, в котором росло только два дерева — слива и груша; впрочем, даже столь скудная растительность в Копенгагене большая редкость.

Студент прохаживался взад и вперед по дорожке. Время было раннее, всего шесть часов утра. На улице заиграл рожок почтового дилижанса.

— О, путешествовать, путешествовать! — вырвалось у него. — Что может быть прекраснее! всю жизнь я мечтал о путешествиях. Как хочется уехать подальше отсюда, увидеть волшебную Швейцарию, поехать по Италии!

Хорошо еще, что калоши счастья выполнили желания немедленно, а то бы студент, пожалуй, забрался слишком далеко и для себя самого, и для нас с вами. В тот же миг он уже путешествовал по Швейцарии, упрятанный в почтовый дилижанс вместе с семью другими пассажирами. Голова у него трещала, шею ломило, ноги затекли и болели, потому что сапоги жали немилосердно. Он не спал и не бодрствовал, но был в состоянии какого-то мучительного оцепенения. В правом кармане у него лежал аккредитив, в левом — паспорт, а в кожаном мешочке на груди было зашито несколько золотых.

Стоило нашему путешественнику клюнуть носом, как ему тут же начинало мерещиться, что он уже потерял одно из этих сокровищ, и тогда его бросало в дрожь, а рука его судорожно описывала треугольник — справа налево и на грудь, — чтобы проверить, все ли цело. В сетке над головами пассажиров болтались зонтики, палки, шляпы, и это мешало студенту наслаждаться прекрасным горным пейзажем. Но он все смотрел, смотрел и не мог насмотреться, а в сердце его звучали строки стихотворения, которое написал, хотя и не стал печатать, один известный нам швейцарский поэт:

*Прекрасный край! Передо мной
Монблан белеет вдалеке,
Здесь был бы, право, рай земной,
Будь больше денег в кошельке.*

Природа здесь была мрачная, суровая и величественная. Хвойные леса, покрывавшие заоблачные гор-

ные вершины, издали казались просто зарослями вереска. Пошел снег, подул резкий, холодный ветер.

— Ух! — вздохнул студент. — Если бы мы уже были по ту сторону Альп! Там теперь наступило лето, и я наконец получил бы по аккредитиву свои деньги. Я так за них боюсь, что все эти альпийские красоты перестали меня пленять. Ах, если б я уже был там!

И он немедленно очутился в самом сердце Италии, где-то на дороге между Флоренцией и Римом.

Последние лучи солнца озаряли лежащее между двумя темно-синими холмами Тразименское озеро, превращая его воды в расплавленное золото. Там, где некогда Ганнибал разбил Фламиния, теперь виноградные лозы мирно обвивали друг друга своими зелеными плетями. У дороги, под сенью благоухающих лавров, прелестные полуголые ребятишки пасли стадо черных как смоль свиней.

Да, если бы описать эту картину как следует, все бы только и твердили: «Ах, восхитительная Италия!»

Но, как ни странно, ни студент, ни его спутники этого не думали. Тысячи ядовитых мух и комаров тучами носились в воздухе; напрасно путешественники обмахивались миртовыми ветками, насекомые все равно кусали и жалили их. В карете не было человека, у которого не распухло бы все лицо, искусанное в кровь. У лошадей был еще более несчастный вид: бедных животных сплошь облепили огромные насекомые, так что кучер время от времени слезал с козел и отгонял от лошадей их мучителей, но уже спустя мгновение налетали новые.

Скоро зашло солнце, и путешественников охватил пронизывающий холод — правда, ненадолго, но все равно это было не слишком приятно. Зато вершины гор и облака окрасились в непередаваемо красивые зеленые тона, отливающие блеском последних солнечных лучей. Эта игра красок неподдается описанию, ее нужно видеть. Зрелище изумительное, все с этим согласилось, но в желудке у каждого было пусто, тело устало, душа жаждала приюта на ночь, а где его найти? Теперь все эти вопросы занимали и

путешественников гораздо больше, чем красоты природы.

Дорога проходила через оливковую рощу, и казалось, что едешь где-нибудь у себя на родине, между знакомыми голубыми ивами. Вскоре карета подъехала к одинокой гостинице. У ворот ее сидело множество нищих-калек, даже самый бодрый из них казался страшным сыном голода. Словно сама нищета тянулась к путникам из этой кучи тряпья и лохмотьев.

— Господин, помогите несчастным! — хрипели они, протягивая руки за подающим.

Путешественников встретила хозяйка гостиницы, босая, нечесаная, в грязной кофте. Двери в комнатах держались на веревках, под потолком порхали летучие мыши, кирпичный пол был весь в выбоинах, а вонь стояла такая, что хоть топор вешай.

— Лучше бы уж она накрыла нам стол в конюшне, — сказал кто-то из путешественников. — Там по крайней мере знаешь, чем дышишь.

Открыли окно, чтобы впустить свежего воздуха, но тут в комнату протянулись иссохшие руки и слышалось опять:

— Господин, помогите несчастным!

Стены комнаты были сплошь исписаны, и половина надписей ругательски ругала «прекрасную Италию».

Принесли обед; водянистый суп с перцем и прогорклым оливковым маслом, потом приправленный таким же маслом салат и, наконец, несвежие яйца и жареные петушиные гребешки — в качестве украшения пиршества. Даже вино казалось не вином, а какой-то микстурой.

На ночь дверь забаррикадировали чемоданами, и одному путешественнику поручили стоять на часах, а остальные уснули. Часовым был выбран студент-философ. Ну и духота стояла в комнате! Жара нестерпимая, комары, а тут еще стоны нищих под окном, которые даже ночью не давали покою.

«Нет, уж лучше умереть, чем выносить всю эту

муку, — подумал студент. — Так хочется спать. Спать, спать, спать и не просыпаться».

Не успел он так подумать, как очутился у себя дома. На окнах висели длинные белые занавески, посреди комнаты на полу стоял черный гроб, а в нем смертным сном спал он сам. Его желание исполнилось.

В этот миг в комнате появились две женщины. Мы их знаем: то были фея Печали и вестница Счастья, и они склонились над умершим.

— Ну, — спросила Печаль, — много счастья принесли человечеству твои калоши.

— Что ж, тому, кто лежит здесь, они, по крайней мере, дали вечный покой! — ответила фея Счастья.

— О нет, — сказала Печаль. — Он сам ушел из мира раньше своего срока. Но я окажу ему благодеяние! — И она стащила калоши со студента.

Смертный сон прервался. Студент-философ проснулся и встал. Фея Печали исчезла, а с ней и калоши. Должно быть, она решила, что теперь они будут принадлежать ей.

ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Бедняга Йоханнес был в большом горе: отец его лежал при смерти. Они были одни в своей каморке; лампа на столе догорала; дело шло к ночи.

— Ты был мне добрым сыном, Йоханнес! — сказал больной. — Бог не оставит тебя своей милостью!

И он ласково-серьезно взглянул на Йоханнеса, глубоко вздохнул и умер, точно заснул. Йоханнес заплакал. Теперь он остался круглым сиротой: ни отца у него, ни матери, ни сестер, ни братьев! Бедняга Йоханнес! Долго стоял он на коленях перед кроватью и целовал руки умершего, заливаясь горькими слезами, но потом глаза его закрылись, голова склонилась на край постели, и он заснул.

И приснился ему удивительный сон.

Он видел, что солнце и месяц преклонились перед ним, видел своего отца опять свежим и бодрым, слышал его смех, каким он всегда смеялся, когда бывал особенно весел; прелестная девушка с золотою короной на чудных длинных волосах протягивала Йоханнесу руку, а отец его говорил: «Видишь, какая у тебя невеста? Первая красавица на свете!»

Тут Йоханнес проснулся, и пропало все это великолепие! Отец его лежал мертвый, холодный, и никого не было у Йоханнеса! Бедняга Йоханнес!

Через неделю умершего хоронили; Йоханнес шел за гробом. Не видать ему больше своего доброго отца, который так любил его! Йоханнес слышал, как ударялась о крышку гроба земля, видел, как гроб засыпали: вот уже скрылся совсем. У Йоханнеса чуть сердце не разорвалось от горя. Над могилой пели псалмы; чудное пение растрогало Йоханнеса до слез, он заплакал, и на душе у него стало полегче. Солнце так приветливо озаряло зеленые деревья, какое красивое голубое небо — там твой отец молится за тебя!»

— Я буду вести хорошую жизнь! — сказал Йоханнес. — И тогда я тоже пойду на небо к отцу. Вот будет радость, когда мы опять свидимся! Сколько у меня будет рассказов! А он покажет мне все чудеса и красоту неба и опять будет учить меня, как учил, бывало, здесь, на земле. Вот будет радость!

И он так живо представил себе все это, что даже улыбнулся сквозь слезы. Птички, сидевшие на ветвях каштанов, громко чирикали и пели; им было весело, хотя они только что присутствовали при погребении, но они ведь знали, что умерший теперь на небе, что у него выросли крылья, куда красивее и больше, чем у них, и что он вполне счастлив, так как вел здесь, на земле, добрую жизнь. Йоханнес увидел, как птички вспорхнули с зеленых деревьев и взвились высоко-высоко, и ему самому захотелось улететь куда-нибудь подальше. Но сначала надо было поставить на могиле отца деревянный крест. Вечером он принес крест и увидел, что могила вся усыпана песком и уб-

рана цветами, — об этом позаботились посторонние люди, очень любившие доброго его отца.

На другой день рано утром Йоханнес связал все свое добро в маленький узелок, спрятал в пояс весь капитал, что достался ему в наследство, — пятьдесят талеров и несколько серебряных монет, и был готов пуститься в путь-дорогу. Но прежде он отправился на кладбище, на могилу отца, прочел над ней «Отче наш» и сказал:

— Прощай отец! Я постараюсь всегда быть хорошим, а ты помолись за меня на небе!

Потом Йоханнес свернул в поле. В поле росло много свежих, красивых цветов; они грелись на солнце и качали на ветру головками, точно говорили: «Добро пожаловать! Не правда ли, как у нас тут хорошо?» Йоханнес еще раз обернулся, чтобы взглянуть на старую церковь, где его крестили ребенком и куда он ходил по воскресеньям со своим добрым отцом петь псалмы. Высоко-высоко, на самом верху колокольни, в одном из круглых окошечек Йоханнес увидел крошку-домового в красной остроконечной шапочке. Он стоял, заслонив глаза от солнца правой рукой. Йоханнес поклонился ему, и крошка-домовой высоко взмахнул в ответ своей красной шапкой, прижал руку к сердцу и послал Йоханнесу несколько воздушных поцелуев — вот как горячо желал он Йоханнесу счастливого пути и всего хорошего!

Йоханнес стал думать о чудесах, которые ждали его в этом огромном, прекрасном мире и бодро шел вперед, все дальше и дальше, туда, где он никогда еще не был; вот уже пошли чужие города, незнакомые лица, — он забрался далеко-далеко от своей родины.

Первую ночь ему пришлось провести в поле, в стогу сена, — другой постели взять было негде. «Ну и что ж, — думалось ему, — лучшей спальни не найдется у самого короля!» В самом деле, поле с ручейком, стог сена и голубое небо над головой — чем не спальня? Вместо ковра — зеленая трава с красными и белыми цветами, вместо букетов в вазах — кус-

ты бузины и шиповника, вместо умывальника — ручеек с хрустальной свежей водой, заросший тростником, который приветливо кланялся Йоханнесу и желал ему и доброй ночи, и доброго утра. Высоко под голубым потолком висел огромный ночник — месяц; уж этот ночник не подожжет занавесок! И Йоханнес мог заснуть совершенно спокойно. Так он и сделал, крепко проспал всю ночь и проснулся только рано утром, когда солнце уже сияло, а птицы пели:

— Здравствуй! Здравствуй! Ты еще не встал?

Колокола звали в церковь, было воскресенье; народ шел послушать священника; пошел за ним и Йоханнес, пропел псалом, послушал слова божьего, и ему показалось, что он был в своей собственной церкви, где его крестили и куда он ходил с отцом петь псалмы.

На церковном кладбище было много могил, совсем заросших сорной травой. Йоханнес вспомнил о могиле отца, которая могла со временем принять такой же вид, — некому ведь было больше ухаживать за ней! Он присел на землю и стал вырывать сорную траву, поправил покачнувшиеся кресты и положил на место сорванные ветром венки, думая при этом: «Может статься, кто-нибудь сделает то же на могиле моего отца».

У ворот кладбища стоял старый калека нищий; Йоханнес отдал ему всю серебряную мелочь и весело пошел дальше по белу свету.

К вечеру собралась гроза; Йоханнес спешил укрыться куда-нибудь на ночь, но скоро наступила полная темнота, а он успел дойти только до часовенки, одиноко возвышавшейся на придорожном холме; дверь к счастью, была отперта, и он вошел туда, чтобы переждать непогоду.

— Тут я и посижу в уголке! — сказал Йоханнес. — Я очень устал, и мне надо отдохнуть.

И он опустил на пол, сложил руки, прочел вечернюю молитву и еще какие знал, потом заснул и спал спокойно, пока в поле сверкала молния и грохотал гром.

Когда Йоханнес проснулся, гроза уже прошла, и месяц светил прямо в окна. Посреди часовни стоял раскрытый гроб с покойником, которого еще не успели похоронить. Йоханнес нисколько не испугался, — совесть у него была чиста, и он хорошо знал, что мертвые никому не делают зла, не то что живые злые люди. Двое таких как раз и стояли возле мертвого, поставленного в часовню в ожидании погребения. Они хотели обидеть бедного умершего — выбросить его из гроба за порог.

— Зачем вы это делаете? — спросил их Йоханнес. — Это очень дурно и грешно! Оставьте его покоиться с миром!

— Вздор! — сказали злые люди. — Он надул нас! Взял у нас деньги, не отдал и умер! Теперь мы не получим с него ни гроша; так вот хоть отомстим ему — пусть валяется, как собака, за дверями!

— У меня всего пятьдесят талеров, — сказал Йоханнес, — это все мое наследство, но я охотно отдам его вам, если вы дадите мне слово оставить бедного умершего в покое! Я обойдусь и без денег, у меня есть пара здоровых рук, да и бог не оставит меня!

— Ну, — сказали злые люди, — если ты заплатишь нам за него, мы не сделаем ему ничего дурного, будь спокоен!

И они взяли у Йоханнеса деньги, посмеялись над его простотой и пошли своей дорогой, а Йоханнес хорошенько уложил покойника в гробу, скрестил ему руки, простился с ним и с веселым сердцем вновь пустился в путь.

Идти пришлось через лес; между деревьями, освещенными лунным сиянием, резвились прелестные малютки эльфы; они ничуть не пугались Йоханнеса; они хорошо знали, что он добрый, невинный человек, а ведь только злые люди не могут видеть эльфов. Некоторые из малюток были не больше мизинца и расчесывали свои длинные белокурые волосы золотыми гребнями, другие качались на больших каплях росы, лежавших на листьях и стебельках травы; иногда капля скатывалась, а с нею и эльфы,

прямо в густую траву, и тогда между остальными малютками подымались такой хохот и возня! Ужасно забавно было! Они пели, и Йоханнес узнал все хорошенькие песенки, которые он певал еще ребенком. Большие пестрые пауки с серебряными коронами на головах должны были перекидывать для эльфов с куста на куст висячие мосты и ткать целые дворцы, которые, если на них попадала капля росы, сверкали при лунном свете чистым хрусталем. Но вот встало солнце, малютки эльфы вскарабкались в чашечки цветов, а ветер подхватил их мосты и дворцы и понес по воздуху, точно простые паутинки.

Йоханнес уже вышел из леса, как вдруг позади него раздался звучный мужской голос:

— Эй, товарищ, куда путь держишь?

— Куда глаза глядят! — сказал Йоханнес. — У меня нет ни отца, ни матери, я круглый сирота, но бог не оставит меня!

— Я тоже иду по белу свету, куда глаза глядят, — сказал незнакомец. — Не пойти ли нам вместе?

— Пойдем! — сказал Йоханнес, и они пошли вместе.

Скоро они очень полюбились друг другу: оба они были славные люди. Но Йоханнес заметил, что незнакомец был гораздо умнее его, обошел чуть не весь свет и умел порассказать обо всем.

Солнце стояло уже высоко, когда они присели под большим деревом закусить. И тут появилась дряхлая старуха, вся сторбленная, с клюкой в руках; за спиной у нее была вязанка хвороста, а из высоко подоткнутого передника торчали три больших пучка папортника и ивовых прутьев. Когда старуха поравнялась с Йоханнесом и его товарищем, она вдруг подскользнулась, упала и громко вскрикнула: бедняга сломала себе ногу.

Йоханнес сейчас же предложил товарищу отнести старуху домой, но незнакомец открыл свою котомку, вынул оттуда баночку и сказал старухе, что у него есть такая мазь, которая сразу вылечит ее, и она пой-

дет домой, как ни в чем не бывало. Но за это она должна подарить ему те три пучка, которые у нее в переднике.

— Плата хорошая! — сказала старуха и как-то странно покачала головой. Ей не хотелось расставаться со своими прутьями, но и лежать со сломанной ногой было тоже неприятно, и вот она отдала ему прутья, а он сейчас же помазал ей ногу мазью; раз, два — и старушка вскочила и зашагала живее прежнего. Вот так мазь была! Такой не достанешь в аптеке!

— На что тебе эти прутья? — спросил Йоханнес у товарища.

— А чем не букеты? — сказал тот. — Они мне очень понравились: я ведь чудак!

Потом они прошли еще добрый конец.

— Смотри, как заволакивает, — сказал Йоханнес, указывая перед собой пальцем. — Вот так облака!

— Нет, — сказал его товарищ, — это не облака, а горы, высокие горы, по которым можно добраться до самых облаков. Ах, как там хорошо! Завтра мы будем уже далеко-далеко!

Горы были совсем не так близко, как казалось: Йоханнес с товарищем шли еще целый день, прежде чем добрались до того места, где начинались темные леса, взбиравшиеся чуть не к самому небу, и лежали каменные громады величиной с город; подняться на горы было не шуткой, и потому Йоханнес с товарищем зашли отдохнуть и собратсья с силами на постоялый двор, приютившийся внизу.

В нижнем этаже, в пивной, собралось много народа: хозяин марионеток поставил там, посреди комнаты, свой маленький театр, а народ уселся перед ним полукругом, чтобы полюбоваться представлением. Впереди всех, на самом лучшем месте, уселся толстый мясник с большущим бульдогом. У, как свирепо глядел бульдог! Он тоже уселся на полу и таранился на представление.

Представление началось и шло прекрасно: на бархатном троне восседали король с королевой с золоты-

ми коронами на головах и в платьях с длинными-длинными шлейфами, — средства позволяли им такую роскошь. У всех входов стояли чудеснейшие деревянные куклы со стеклянными глазами и большими усами и распахивали двери, чтобы проветрить комнаты. Словом, представление было чудесное и совсем не печальное; но вот королева встала, и только она прошла несколько шагов, как бог знает что сделалось с бульдогом: хозяин не держал его, он вскочил прямо на сцену, схватил королеву зубами за тоненькую талию и — крак! — перекусил ее пополам. Вот был ужас!

Бедный хозяин марионеток страшно перепугался и огорчился за бедную королеву: это была самая красивая из всех его кукол, и вдруг гадкий бульдог откусил ей голову! Но вот народ разошелся, и товарищ Йоханнеса сказал, что починит королеву, вынул баночку с той же мазью, которой мазал сломанную ногу старухи, и помазал куклу; кукла сейчас же опять стала целехонька и вдобавок начала сама двигать всеми членами, так что ее больше не нужно было дергать за веревочки; выходило, что кукла была совсем как живая, только говорить не могла. Хозяин марионеток остался этим очень доволен: теперь ему не нужно было управлять королевой, она могла сама танцевать, не то что другие куклы!

Ночью, когда все люди в гостинице легли спать, кто-то вдруг завздыхал так глубоко и протяжно, что все повставали посмотреть, что и с кем случилось, а хозяин марионеток подошел к своему маленькому театру, — вздохи слышались оттуда. Все деревянные куклы, и король и телохранители, лежали вперемешку, глубоко вздыхали и таращили свои стеклянные глаза; им тоже хотелось, чтобы их смазали мазью, как королеву, — тогда бы и они могли двигаться сами! Королева же встала на колени и протянула свою золотую корону, как бы говоря: «Возьмите ее, только помажьте моего супруга и моих придворных!» Бедняга хозяин не мог удержаться от слез, так ему жаль стало своих кукол, пошел к товарищу Йоханнеса и

пообещал отдать ему все деньги, которые соберет за вечернее представление, если тот помажет мазью четыре-пять лучших из его кукол. Товарищ Йоханнеса сказал, что денег он не возьмет, а пусть хозяин отдаст ему большую саблю, которая висит у него на боку. Получив ее, он помазал шесть кукол, которые сейчас же заплясали, да так весело, что глядя на них, пустились в пляс и все живые, настоящие девушки, заплясали и кучер, и кухарка, и лакеи, и горничные, все гости и даже кочерга со щипцами; ну, да эти-то двое растянулись с первого же прыжка. Да, веселая выдалась ночка!

На следующее утро Йоханнес и его товарищ ушли из гостиницы, взобрались на высокие горы и вступили в необозримые сосновые леса. Путники поднялись наконец так высоко, что колокольни внизу казались им какими-то красненькими ягодками в зелени, и, куда ни оглянись, видно было на несколько миль кругом. Такой красоты Йоханнес еще не видывал; теплое солнце ярко светило с голубого прозрачного неба, в горах раздавались звуки охотничьих рогов, кругом была такая благодать, что у Йоханнеса выступили от радости на глазах слезы, и он не мог не воскликнуть:

— Боже ты мой! Как бы я расцеловал тебя за то, что ты такой добрый и создал для нас весь этот чудесный мир!

Товарищ Йоханнеса тоже стоял со скрещенными на груди руками и смотрел на леса и города, освещенные солнцем. В эту минуту над головами их раздалось чудесное пение; они подняли головы — в воздухе плыл большой прекрасный белый лебедь и пел, как не петь ни одной птице; но голос его звучал все слабее и слабее, он склонил голову и тихо-тихо опустился на землю; прекрасная птица лежала у ног Йоханнеса и его товарища мертвой!

— Какие чудные крылья! — сказал товарищ Йоханнеса. — Такие большие и белые, цены им нет! Они могут нам пригодиться! Видишь, хорошо, что я взял с собой саблю!

И он одним ударом отрубил у мертвого лебедя оба крыла.

Потом они прошли по горам еще много-много миль и наконец увидели перед собой большой город с сотнями башен, которые блестели на солнце, как серебряные; посреди города стоял великолепный мраморный дворец с крышей из червонного золота; тут жил король.

Йоханнес с товарищем не захотели сейчас же идти осматривать город, а остановились на одном постоялом дворе, чтобы немножко пообчиститься с дороги и принарядиться, прежде чем показаться на улицах. Хозяин постоялого двора рассказал им, что король — человек очень добрый и никогда не сделает людям ничего худого, но что дочь у него злая-презлая. Конечно, она первая красавица на свете, но что толку, если она при этом злая ведьма, из-за которой погибло столько прекрасных принцев. Дело в том, что всякому — и принцу и нищему — было позволено свататься за нее: жених должен был только отгадать три вещи, которые задумывала принцесса; отгадай он — она вышла бы за него замуж, и он стал бы, после смерти ее отца, королем над всей страной, нет — и ему грозила смертная казнь. Вот такая гадкая была красавица принцесса! Старик король, отец ее, очень грустил об этом, но не мог ничего с ней поделать и раз навсегда отказался иметь дело с ее женихами, — пусть-де она ведается с ними сама, как знает. И вот являлись жених за женихом, их заставляли отгадывать и за неудачу казнили — пусть не суются, ведь их предупреждали заранее!

Старик-король, однако, так грустил об этом, что раз в год по целому дню простаивал на коленях, да еще со всеми своими солдатами, моля бога о том, чтобы принцесса стала добрее, но она и знать ничего не хотела. Старухи, любившие выпить, окрашивали водку в черный цвет, — чем иначе могли они выразить свою печаль?

— Гадкая принцесса! — сказал Йоханнес. — Ее

бы следовало высечь. Уж будь я королем-отцом, я бы задал ей перцу!

В эту самую минуту народ на улице закричал «ура». Мимо проезжала принцесса; она в самом деле была так хороша, что все забывали, какая она злая, и кричали ей «ура». Принцессу окружали двенадцать красавиц на вороных конях; все они были в белых шелковых платьях, с золотыми тюльпанами в руках.

Сама принцесса ехала на белой как снег лошади; вся сбруя была усыпана бриллиантами и рубинами; платье на принцессе было из чистого золота, а хлыст в руках сверкал, точно солнечный луч; на голове красавицы сияла корона, вся сделанная будто из настоящих звездочек, а на плечи был наброшен плащ, сшитый из сотни тысяч прозрачных стрекозиных крыльев, но сама принцесса была все-таки лучше всех своих нарядов.

Йоханнес взглянул на нее, покраснел, как маков цвет, и не мог вымолвить ни слова: она как две капли воды была похожа на ту девушку в золотой короне, которую он видел во сне в ночь смерти отца. Ах, она была так хороша, что Йоханнес не мог не полюбить ее. «Не может быть, — сказал он сам себе, — чтобы она в самом деле была такая ведьма и приказывала вешать и казнить людей, если они не отгадывают того, что она задумала. Всем позволено свататься за нее, даже последнему нищему; пойду же и я во дворец! От судьбы, видно, не уйдешь!»

Все стали отговаривать его, — ведь и с ним случилось бы то же, что с другими. Дорожный товарищ Йоханнеса тоже не советовал ему пробовать счастье, но Йоханнес решил, что, бог даст, все пойдет хорошо, вычистил сапоги и кафтан, умылся, причесал свои красивые белокурые волосы и пошел один-одинешенек в город, а потом во дворец.

— Войдите! — сказал старик-король, когда Йоханнес постучал в дверь.

Йоханнес отворил дверь, и старый король встретил его одетый в халат; на ногах у него были выши-

тые шлепанцы, на голове корона, в одной руке скипетр, в другой — держава.

— Постой! — сказал он и взял державу под мышку, чтобы протянуть Йоханнесу руку.

Но как только он услышал, что перед ним новый жених, он начал плакать, выронил из рук и скипетр и державу и принялся утирать слезы полами халата. Бедный старичок-король!

— И не пробуй лучше! — сказал он. — С тобой будет то же, что со всеми! Вот погляди-ка!

И он свел Йоханнеса в сад принцессы. Брр... какой ужас! На каждом дереве висело по три, по четыре принца, которые когда-то сватались за принцессу, но не сумели отгадать того, что она задумала. Стоило подуть ветерку, и кости громко стучали одна о другую, пугая птиц, которые не смели даже заглянуть в этот сад. Колышками для цветов там служили человечьи кости, в цветочных горшках торчали черепа с оскаленными зубами — вот так сад был у принцессы!

— Вот видишь! — сказал старик-король. — И с тобой будет то же, что с ними! Не пробуй лучше! Ты ужасно огорчаешь меня, я так близко принимаю это к сердцу!

Йоханнес поцеловал руку доброму королю и сказал, что все-таки попробует, очень уж полюбилась ему красавица принцесса.

В это время во двор въехала принцесса со своими дамами, и король с Йоханнесом вышли к ней поздороваться. Она была в самом деле прелестна, протянула Йоханнесу руку, и он полюбил ее еще больше прежнего. Нет, конечно, она не могла быть такою злой, гадкой ведьмой, как говорили люди.

Они отправились в залу, и маленькие пажи стали обносить их вареньем и медовыми пряниками, но старик-король был так опечален, что не мог ничего есть, да и пряники были ему не по зубам!

Было решено, что Йоханнес придет во дворец на другое утро, а судьи и весь совет соберутся слушать, как он будет отгадывать. Справится он с задачей на

первый раз — придет еще два раза; но никому еще не удавалось отгадать и одного раза, все платились головой за первую же попытку.

Йоханнеса ничуть не заботила мысль о том, что будет с ним; он был очень весел, думал только о прелестной принцессе и крепко верил, что бог не оставит его своей помощью; каким образом поможет он ему — Йоханнес не знал, да и думать об этом не хотел, а шел себе, приплясывая, по дороге, пока наконец не пришел обратно на постоялый двор, где его ждал товарищ.

Йоханнес без умолку рассказывал о прелестной принцессе, о том, как ласково она приняла его, и дожидаться не мог завтрашнего дня, когда пойдет наконец по дворец попытать счастья.

Но дорожный товарищ Йоханнеса грустно покачал головой и сказал:

— Я так люблю тебя, мы могли бы провести вместе еще много счастливых дней, и вдруг мне придется лишиться тебя! Мой бедный друг, я готов заплакать, но не хочу огорчать тебя: сегодня, может быть, последний день, что мы вместе! Повеселимся же хоть сегодня! Успею наплакаться и завтра, когда ты уйдешь во дворец!

Весь город сейчас же узнал, что у принцессы новый жених, и все страшно опечалились. Театр закрылся, торговки сладостями обвязали своих сахарных поросят черным крепом, а король и священники собрались в церкви и на коленях молились богу. Горе было всеобщее: ведь и с Йоханнесом должно было случиться то же, что с прочими женихами.

Вечером товарищ Йоханнеса приготовил пунш и предложил Йоханнесу хорошенько повеселиться и выпить за здоровье принцессы. Йоханнес выпил два стакана, и ему ужасно захотелось спать, глаза у него закрылись сами собой, и он уснул крепким сном. Товарищ поднял его со стула и уложил в постель, а сам, дождавись ночи, взял два больших крыла, которые отрубил у мертвого лебедя, привязал их к плечам, сунул в карман самый большой пучок розог из тех,

что получил от старухи, сломавшей себе ногу, открыл окно и полетел прямо ко дворцу. Там он уселся в уголке под окном принцессинной спальни и стал ждать.

В городе было тихо, тихо; вот пробило три четверти двенадцатого, окно распахнулось, и вылетела принцесса в длинном белом плаще, с большими черными крыльями за спиной. Она направилась прямо к высокой горе, но дорожный товарищ Йоханнеса сделался невидимкой и полетел за ней следом, хлеща ее розгами до крови. Брр... вот так был полет! Ее плащ раздувался на ветру, точно парус, и через него просвечивал месяц.

— Что за град! Что за град! — говорила принцесса при каждом ударе розог, и поделом ей было.

Наконец она добралась до горы и постучала. Тут будто гром загремел, и гора раздалась; принцесса вошла, а за ней и товарищ Йоханнеса — ведь он стал невидимкой, никто не видал его. Они прошли длинный-длинный коридор с какими-то странно сверкающими стенами, — по ним бегали тысячи огненных пауков, горевших как жар. Затем принцесса и ее невидимый спутник вошли в большую залу из серебра и золота; на стенах сияли большие красные голубые цветы вроде подсолнечников, но боже упаси сорвать их! Стебли их были отвратительными ядовитыми змеями, а самые цветы — пламенем, выходящим у них из пасти. Потолок был усеян светляками и голубоватыми летучими мышами, которые беспрерывно хлопали своими тонкими крыльями; удивительное было зрелище! Посреди залы стоял трон на четырех лошадиных остовах вместо ножек; сбруя на лошадях была из огненных пауков, самый трон из молочно-белого стекла, а подушки на нем из черненьких ормышек, вцепившихся друг другу в хвосты зубами. Над тронном балдахин из ярко-красной паутины, усеянной хорошенькими зелеными мухами, блестящими не хуже драгоценных камней. На троне сидел старый тролль; его безобразная голова была увенчана короной, а в руках он держал скипетр. Тролль поцеловал принцес-

су в лоб и усадил ее рядом с собой на драгоценный трон. Тут заиграла музыка; большие черные кузнечики играли на губных гармониках, а сова била себя крыльями по животу — у нее не было другого барабана. Вот был концерт! Маленькие гномы, с блуждающими огоньками на шапках, плясали по залу. Никто не видал дорожного товарища Йоханнеса, а он стоял позади трона и видел и слышал все!

В зале было много нарядных и важных придворных; но тот, у кого были глаза, заметил бы, что придворные эти не больше ни меньше, как простые палки с кочнами капусты вместо голов, — тролль оживил их и нарядил в расшитые золотом платья; впрочем, не все ли равно, если они служили только для парада!

Когда пляска кончилась, принцесса рассказала троллю о новом женихе и спросила, о чем бы ей загадать на следующее утро, когда он придет во дворец.

— Вот что, — сказал тролль, — надо взять что-нибудь самое простое, чего ему и в голову не придет. Задумай, например, о своем башмаке. Ни за что не отгадает! Вели тогда отрубить ему голову, да не забудь принести мне завтра ночью его глаза, я их съем!

Принцесса низко присела и сказала, что не забудет. Затем тролль раскрыл гору, и принцесса полетела домой, а товарищ Йоханнеса опять летел следом и так хлестал ее розгами, что она стонала и жаловалась на сильный град и изо всех сил торопилась добраться до окна своей спальни. Дорожный товарищ Йоханнеса полетел обратно на постоялый двор; Йоханнес еще спал; товарищ его отвязал свои крылья и тоже улегся в постель, — еще бы, устал порядком!

Чуть занялась заря, Йоханнес был уже на ногах; дорожный товарищ его тоже встал и рассказал ему, что ночью он видел странный сон — будто принцесса загадала о своем башмаке, и потому просил Йоханнеса непременно назвать принцессе башмак. Он ведь как раз слышал это в горе у тролля, но не хотел ничего рассказывать Йоханнесу.

— Что ж, для меня все равно, что ни назвать! —

сказал Йоханнес. — Может быть, твой сон и в руку: я ведь все время думал, что бог поможет мне! Но я все-таки прощусь с тобой — если я не угадаю, мы больше не увидимся.

Они поцеловались и Йоханнес отправился во дворец. Зала была битком набита народом; судьи сидели в креслах, прислонившись головами к подушкам из гагачьего пуха, — им ведь приходилось так много думать! Старик-король стоял и вытирал глаза белым носовым платком. Но вот вошла принцесса; она была еще краше вчерашнего, мило раскланялась со всеми, а Йоханнесу подала руку и сказала:

— Ну, здравствуй!

Теперь надо было отгадывать, о чем она задумала. Господи, как ласково смотрела она на Йоханнеса! Но как только он произнес: «башмак», она побелела как мел и задрожала всем телом. Делать, однако, было нечего — Йоханнес угадал.

Эхма! Старик-король даже кувыркнулся на радостях, все и рты разинули! И принялись хлопать королю, да и Йоханнесу тоже — за то, что он правильно угадал.

Спутник Йоханнеса так и засиял от удовольствия, когда узнал, как все хорошо получилось, а Йоханнес набожно сложил руки и поблагодарил бога, надеясь, что он поможет ему и в следующие разы. Ведь на другой день надо было приходиться опять.

Вечер прошел так же, как и накануне. Когда Йоханнес заснул, товарищ его опять полетел за принцессой и хлестал ее еще сильнее, чем в прошлый раз, так как взял с собой два пучка розог; никто не видал его, и он опять подслушал совет тролля. Принцесса должна была на этот раз загадать о своей перчатке, что товарищ и передал Йоханнесу, снова сославшись на свой сон. Йоханнес угадал и во второй раз, и во дворце пошло такое веселье, что только держись! Весь двор стал кувыркаться — ведь сам король подал вчера пример. Зато принцесса лежала на диване и не хотела даже разговаривать. Теперь

все дело было в том, отгадает ли Йоханнес в третий раз: если да, то женится на красавице принцессе и наследует после смерти старика-короля все королевство, нет — его казнят, и тролль съест его прекрасные голубые глаза.

В этот вечер Йоханнес рано улегся в постель, прочел молитву на сон грядущий и спокойно заснул, а товарищ его привязал себе крылья, пристегнул сбorkу саблю, взял все три пучка розог и полетел ко дворцу.

Тьма была — хоть глаз выколи; бушевала такая гроза, что черепицы валялись с крыш, а деревья в саду со скелетами гнулись от ветра, как тростинки. Молния сверкала ежеминутно, и гром сливался в один сплошной раскат. И вот открылось окно, и вылетела принцесса, бледная как смерть; но она смеялась над непогодой — ей все еще было мало; белый плащ ее бился на ветру, как огромный парус, а дорожный товарищ Йоханнеса до крови хлестал ее всеми тремя пучками розог, так что под конец она едва могла лететь и еле-еле добралась до горы.

— Град так и сечет! Ужасная гроза! — сказала она. — Сроду не приходилось мне вылетать из дома в такую погоду.

— Да, видно, что тебе порядком досталось! — сказал тролль.

Принцесса рассказала ему, что Йоханнес угадал и во второй раз; случись то же и в третий, он выиграет дело, и ей нельзя будет больше прилетать в гору и колдовать. Было поэтому о чем печалиться.

— Не угадает он больше! — сказал тролль. — Я найду что-нибудь такое, чего ему и в голову прийти не может, иначе он тролль почище меня. А теперь будем плясать!

И он взял принцессу за руки, и они принялись танцевать вместе с гномами и блуждающими огоньками, а пауки весело прыгали вверх и вниз по стенам, точно живые огоньки. Сова била в барабан, сверчки свистели, а черные кузнечики играли на губных гармониках. Развеселый был бал!

Натанцевавшись вдоволь, принцесса стала торопиться домой, иначе ее могли там хватиться; тролль сказал, что проводит ее, и они, таким образом, подольше побудут вместе.

Они летели, а товарищ Йоханнеса хлестал их всеми тремя пучками розог; никогда еще троллю не случалось вылетать в такой град.

Перед дворцом он простился с принцессой и шепнул ей на ухо:

— Загадай о моей голове!

Товарищ Йоханнеса, однако, расслышал его слова, и в ту самую минуту, как принцесса скользнула в окно, а тролль хотел повернуть назад, схватил его за длинную черную бороду и срубил саблей его гадкую голову по самые плечи!

Тролль и глазом моргнуть не успел! Тело тролля дорожный товарищ Йоханнеса бросил в озеро, а голову окунул в воду, затем завязал в шелковый платок и полетел с этим узлом домой.

Наутро он отдал Йоханнесу узел, но не велел ему развязывать его, пока принцесса не спросит, о чем она загадала.

Большая дворцовая зала была битком набита народом; люди жались друг к другу, точно сельди в бочонке. Совет заседал в креслах с мягкими подушками под головами, а старик-король разоделся в новое платье, корона и скипетр его были вычищены на славу; зато принцесса была бледна и одета в траур, точно собралась на похороны.

— О чем я загадала? — спросила она Йоханнеса.

Тот сейчас же развязал платок и сам испугался безобразной головы тролля. Все вздрогнули от ужаса, а принцесса сидела, как окаменелая, не говоря ни слова. Наконец она встала, подала Йоханнесу руку — он ведь угадал — и, не глядя ни на кого, сказала с глубоким вздохом:

— Теперь ты мой господин! Вечером сыграем свадьбу!

— Вот это я люблю! — сказал старик-король. — Вот это дело!

Народ закричал «ура», дворцовая стража заиграла марш, колокола зазвонили, и торговки сладостями сняли с сахарных поросят траурный креп — теперь повсюду была радость! На площади были выставлены три жареных быка с начинкой из уток и кур — все могли подходить и отрезать себе по куску; в фонтанах било чудеснейшее вино, а в булочных каждому, кто покупал кренделей на два гроша, давали в придачу шесть больших пышек с изюмом!

Вечером весь город был иллюминирован, солдаты падали из пушек, мальчишки — из хлопушек, а во дворце ели, пили, чокались и плясали. Знатные кавалеры и красивые девицы танцевали друг с другом и пели так громко, что на улице было слышно:

*Много тут девиц прекрасных,
Любо им плясать и петь!
Так играйте ж плясовую,
Полно девицам сидеть!
Эй, девица, веселей,
Башимачков не пожалей!*

Но принцесса все еще оставалась ведьмой и совсем не любила Йоханнеса; дорожный товарищ его не забыл об этом, дал ему три лебединых пера и пузырек с какими-то каплями и велел поставить перед кроватью принцессы чан с водой; потом Йоханнес должен был вылить туда эти капли и бросить перья, а когда принцесса станет ложиться в постель, столкнуть ее в чан и погрузить в воду три раза, — тогда принцесса освободится от колдовства и крепко его полюбит.

Йоханнес сделал все так, как ему было сказано. Принцесса, упав в воду, громко вскрикнула и забилась у Йоханнеса в руках, превратившись в большого, черного как смоль лебедя со сверкающими глазами; во второй раз она вынырнула из воды уже белым лебедем только на шее оставалось узкое черное кольцо; Йоханнес воззвал к богу и

погрузил птицу в третий раз — в то же мгновение она опять сделалась красавицей принцессой. Она была еще лучше прежнего и со слезами на глазах благодарила Йоханнеса за то, что он освободил ее от чар.

Утром явился к ним старик-король со всею свитой, и пошли поздравления. После всех пришел дорожный товарищ Йоханнеса с палкой в руках и котомкой за плечами. Йоханнес расцеловал его и стал просить остаться — ему ведь был он обязан своим счастьем! Но тот покачал головой и ласково сказал:

— Нет, настал мой час! Я только заплатил тебе свой долг. Помнишь бедного умершего человека, которого хотели обидеть злые люди? Ты отдал им все, что имел, только бы они не тревожили его в гробу. Этот умерший — я!

В ту же минуту он скрылся.

Свадебные торжества продолжались целый месяц. Йоханнес и принцесса крепко любили друг друга, и старик-король прожил еще много счастливых лет, качая на коленях и забавляя своими скипетром и державой внучат, в то время как Йоханнес правил королевством.

РУСАЛОЧКА

Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так что самого длинного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, только тогда верхняя покажется на поверхности. Там на дне — подводный город.

Только не надо думать, что дно голое, один морской песок. Там растут невиданной красоты деревья, цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся от малейшего движения воды. Между

их ветвями снуют рыбки, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя — стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины и любая была бы великим украшением в короне самой королевы.

Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха-мать, женщина умная, только больно уж гордилась своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всяческой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких внучках-принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у нее, как, впрочем, и у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб.

День-деньской играли принцессы во дворце, в просторных палатах, где из стен росли живые цветы. Раскрывались большие янтарные окна, и внутрь врывались рыбы, совсем как у нас ласточки влетают в дом, когда окна стоят настежь, только рыбы подплывали прямо к маленьким принцессам, брали из их рук еду и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был большой сад, в нем росли огненно-красные и темно-синие деревья, плоды их сверкали золотом, цветы — горячим огнем, а стебли и листья непрестанно колыхались. Земля была сплошь мелким песком, только голубоватым, как серое пламя. Все там внизу отдавало в какую-то особенную синеву, — впору было подумать, будто стоишь не на дне морском, а в воздушной вышине, и небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце, оно казалось пурпурным цветком, из чаши которого льется свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко, здесь они могли копать и сажать что угодно. Одна устроила себе цветочную грядку в виде кита, другой вздумалось, чтобы ее грядку гляделась русалкой, а самая младшая сделала себе грядку, круглую, как солнце, и цветы на ней сажала такие же алые, как оно само. Странное дитя была эта русалочка, тихое, задумчивое. Другие сестры украшали себя драгоценностями, которые находили в затонувших кораблях, а она любила цветы, такие же ярко-красные, как солнце, да еще красивую мраморную статую. Это была статуя прекрасного мальчика, высеченная из белого камня и спустившаяся на дно после кораблекрушения. Возле статуи русалочка посадила цветы и деревья, и они разрослись и свешивали свои ветви над статуей к голубому песчаному дну.

Больше всего русалочка любила слушать рассказы о мире людей там, наверху. Старой бабушке приходилось рассказывать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно чудным казалось русалочке то, что на земле цветы пахнут, — не то, что здесь, на морском дне, — что леса там зеленые, а рыбы среди ветвей поют так красиво, что заслушаешься. Рыбами бабушка называла птиц, иначе внучки не поняли бы ее: они ведь никогда не видели птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо корабли, подплывать к берегу и смотреть на луга, леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, но сестры были погодки, и выходило так, что только через пять лет самая младшая сможет подняться со дна морского и увидеть, как живется нам здесь, наверху. Но каждая обещала рассказать остальным, что она увидела и что ей больше всего понравилось в первый день, — рассказов бабушки им было мало, хотелось знать побольше.

Ни одну из сестер не тянуло так на поверхность,

как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и все смотрела вверх сквозь темно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звезды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними сквозило как бы темное облако, знала она, что это либо кит проплывает, либо корабль, а на нем много людей, и, уж конечно, им и в голову не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками.

И вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Лучше всего было лежать при лунном свете на отмели, когда море спокойно, и рассматривать город на берегу: точно сотни звезд там мерцали и переливались огни, до ее ушей доносилась музыка, грохот экипажей, говор людей, виднелись шпили церквей, звонили колокола.

Через год и второй сестре позволили подняться на поверхность и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и решила, что прекраснее зрелища нет на свете. Небо было сплошь золотое, сказала она, а облака — ах, у нее просто нет слов описать, как они красивы! Красные и фиолетовые, плыли по небу, но еще быстрее неслись к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая диких лебедей. Она тоже поплыла к солнцу, но оно погрузилось в воду, и розовый отсвет на море и облаках погас.

Еще через год поднялась на поверхность третья сестра. Эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Она увидела там зеленые холмы с виноградниками, а из чащи чудесного леса выглядывали дворцы и усадьбы. Она слышала, как поют птицы, а солнце пригревало так сильно, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы остудить свое пылающее лицо. В бухте ей попалась целая стая

маленьких человеческих детей, они бегали нагишом и плескались в воде. Ей захотелось поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них явился какой-то черный зверек — это была собака, только ей ведь еще ни разу не доводилось видеть собаку — и залаял на нее так страшно, что она испугалась и уплыла назад в море. Но никогда не забыть ей чудесного леса, зеленых холмов и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть и нет у них рыбьего хвоста.

Четвертая сестра не была такой смелой, она держалась в открытом море и считала, что там-то и было лучше всего: море видно вокруг на много-много миль, небо над водой как огромный стеклянный купол. Видела она и корабли, только совсем издалека, и выглядели они совсем, как чайки, а еще в море кувыркались резвые дельфины и киты пускали из ноздрей воду, так что казалось, будто вокруг били сотни фонтанов.

Дошла очередь и до пятой сестры. Ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, что не удалось увидеть другим. Море было совсем зеленое, рассказала она, повсюду плавали огромные ледяные горы, каждая ни дать, ни взять жемчужина, только куда выше любой колокольни, построенной людьми. Они были самого причудливого вида и сверкали, словно алмазы. Она уселась на самую большую из них, ветер развеивал ее длинные волосы, и моряки испуганно обходили это место подальше. К вечеру небо заволокло тучами, засверкали молнии, загредел гром, почерневшее море вздымало ввысь огромные ледяные глыбы, озаряемые вспышками молний. На кораблях убирали паруса, вокруг был страх и ужас, а она как ни в чем не бывало плыла на своей ледяной горе и смотрела, как молнии синими зигзагами ударяют в море.

Так вот и шло: выплывет какая-нибудь из сестер первый раз на поверхность, восхищается всем новым и красивым, ну, а потом, когда взрослой девушкой может подниматься вверх в любую минуту, все становится ей не интересно, и она стремиться домой и

уже месяц спустя говорит, что у них внизу лучше всего, только здесь и чувствуешь себя дома.

Часто по вечерам, обнявшись, всплывали пять сестер на поверхность. У всех были дивные голоса, как ни у кого из людей, и когда собиралась буря, грозившая гибелью кораблям, они плыли перед кораблями и пели так сладко о том, как хорошо на дне морском, уговаривали моряков без боязни спуститься вниз. Только моряки не могли разобрать слов, им казалось, что это просто шумит буря, да и не довелось бы им увидеть на дне никаких чудес — когда корабль тонул, люди захлебывались и попадали во дворец морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, когда сестры ее всплывали вот так на поверхность, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, и ей было впору заплакать, да только русалкам не дано слез, и от этого ей было еще горше.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет! — говорила она. — Я знаю, что очень полюблю тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестер!

И она надела русалочке на голову венки из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом надела ей на хвост восемь устриц в знак ее высокого сана.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Чтобы быть красивой, можно и потерпеть! — сказала бабушка.

Ах, как охотно скинула бы русалочка все это великолепие! Красные цветы с ее клумбы пошли бы ей гораздо больше, но ничего не поделаешь!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, словно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака еще отсвечивали розовым и золотым, а в бледно-красном небе уже зажглись яс-

ные вечерние звезды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалеку стоял трехмачтовый корабль с одним поднятым парусом — не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавалась музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков, а в воздухе замелькали флаги. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, когда ее поднимало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачное стекло. Там было много красиво одетых людей, но красивее всех был принц с черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда туда вышел молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло, как днем, так что русалочка испугалась и нырнула в воду, но тут же опять высунула голову. Все звезды с неба падали в море! Никогда она не видела такого фейерверка. Вертелись огромные и яркие, как солнце, «чертовы колеса», взлетали в синюю высь разноцветные рыбки, и все это отражалось в воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, смеялся и улыбался, а музыка все гремела и гремела в ночи.

Уже было поздно, а русалочка все не могла оторвать взгляд от корабля и принца. Погасли фонари, не взлетали больше в небо ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворочало в глубинах морской. Русалочка все качалась на волнах и заглядывала в каюту, а корабль начал набирать ход, один за другим распускались паруса, все выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии.

Надвигался шторм, матросы принялись убирать паруса. Корабль летел по разбушевавшемуся морю, волны вздымались огромными черными горами, норвеж перекаатится через мачту, а корабль нырял, слов-

но лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громоздящейся волны. Русалочке все это казалось приятной прогулкой, но матросы и пассажиры думали по-другому. Корабль стонал и трещал; вот поддалась и затрещала под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лег на бок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям, — ей самой приходилось увертываться от обломков, носившихся по волнам. На минуту стало темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле. Каждый спасался, как мог. Она поискала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Сперва она очень обрадовалась — ведь теперь он попадет прямо к ней на дно, но тут же вспомнила, что люди не могут жить под водой и что он приплывет к ней во дворец только мертвым. Она поняла, что должна спасти его, и поплыла между бревнами и досками, совсем не думая о том, что они могут ее раздавить. Наконец волной ее прибило к тому месту, где, держась за бревно, плыл принц. Он был без сознания, но продолжал крепко держаться за бревно. Русалочка приподняла его голову над водой и предоставила волнам нести их обоих куда угодно...

К утру буря затихла. От корабля не осталось ни щепки. Опять засверкало над водой солнце.

Наконец их выкинуло волной на сушу.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у нее в саду. Она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь — она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апельсиновые и лимонные де-

ревя, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом, тихим, но очень глубоким, с утесом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морской пеной, так что теперь никто не различил бы ее лица, и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Вскоре к утесу подошла молодая девушка и сначала очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь. Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

Теперь она стала еще тише, еще задумчивее, чем прежде. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой каждый раз все печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвив руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за своими цветами она больше не ухаживала. Они одичали и разрослись по дорожкам, переплелись стеблями и листьями с ветвями деревьев, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из сестер. За ней узнали и остальные сестры, но больше никто, разве что еще две-три русалки да

их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и даже знала, откуда принц родом и где его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сестры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшали большие картины. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал фонтан; струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и диковинные растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну, а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иногда замечали, как полощется на ветру ее длинная серебристо-белая вуаль, им казалось, что это плещет крыльями лебедь.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам с факелом рыбу, они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала

она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не охватишь! Очень хотелось русалочке побольше узнать о людях, о их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет; только когда мы перестаем быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

— Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, — проговорила русалочка.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами, сделает тебя своей женой и поклянется в вечной верности. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым — твой рыбий хвост, например, — люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю, триста лет — срок немалый... Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали под свое чудное пение водяные и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Незаметно выскользнула она из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла — только бы мне быть с ним. Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Еще ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом был только голый серый песок; вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в

пучину все, что только встречала на своем пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через горячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоглавых змей, выроставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уж больше не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко ее забилось от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и

получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы юный принц полюбил тебя.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и шлепнулись на песок.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост удвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой, но помни: ты будешь ступать как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

— Помни, — сказала ведьма, — раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя всем сердцем и не сделает тебя своей женой, ты погибнешь; с первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской.

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А еще ты должна заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — И я недешево возьму! У тебя чудесный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подниматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и, когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить.

— Схватят тебя полины, когда поплывешь назад, — напутствовала ведьма, — брызни на них каплю питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусочков.

Но русалочке не пришлось этого делать — полины с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мрамор-

ную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял прекрасный принц и с удивлением рассматривал ее. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-синими глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Правду сказала ведьма: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились ее чудной, плавной походке.

Русалочку нарядили в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни, петь ни говорить. Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, раздетых в шелк и золото. Они стали петь, одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Грустно стало русалочке: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, только чтобы быть возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц; он называл русалочку своим маленьким найденышем, а ру-

салочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел шить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птицы, а зеленые ветви касались ее плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

А ночью во дворце у принца, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, ставила пылающие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с короной на голове, они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал свое сердце и руку другой, она стала бы пеной морской.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и,

верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но только ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не полюблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где

билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их в страну соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в пучине, и о том, что видели там ныряльщики, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны, и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старая бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов; на площадях стояли полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня.

Русалочка поцеловала ему руку, а сердце ее, казалось, вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в пену морскую.

В тот же вечер принц с молодой женой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскрыт шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понесся в открытое море.

Как только смеркалось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще не танцевала она так чудесно! Ее нежные ножки резало как ножами, но этой боли она не чувствовала — сердцу ее было еще больнее. Она знала, что один лишь вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых принц и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу-жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась о поручни и, повернувшись

лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять сростутся в рыбий хвост и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую пену морскую. Но спеш! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца. Убей принца и вернись к нам! Поспеш. Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпурную занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, и они покраснели, как будто в том месте, где он упал, из моря выступили капли крови.

В последний раз взглянула она на принца полугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые

паруса корабля и розовые облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы ее, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе, и ее голос звучал такую же дивною музыкой.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, мы навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду... Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретешь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с молодой женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующую морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и вознеслась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

ДОЧЬ БОЛОТНОГО ЦАРЯ

Много сказок рассказывают аисты своим птенцам — все про болота да про трясины. Сказки, конечно, приравниваются к возрасту и понятиям птенцов. Малышам довольно сказать «крибле, крабле, плурремурре», — для них и это куда как забавно; но

птенцы постарше требуют от сказки кое-чего побольше, по крайней мере того, чтобы в ней упоминалось об их собственной семье. Одну из самых длинных и старых сказок, известных у аистов, знаем и мы все. В ней рассказывается о Моисее, которого мать пустила в корзинке по волнам Нила, а дочь фараона нашла и воспитала. Впоследствии он стал великим человеком, но где похоронен — никому неизвестно. Так оно, впрочем, сплошь да рядом бывает. Другой сказки еще никто не знает, может быть, именно потому, что она родилась у нас, здесь. Вот уже с тысячу лет, как она переходит из уст в уста, от одной аистихи-мамаши к другой, и каждая аистиха рассказывает ее все лучше и лучше, а мы теперь расскажем лучше их всех!

Первая пара аистов, пустившая эту сказку в ход и сама принимавшая участие в описываемых в ней событиях, всегда проводила лето на даче в Дании, близ Дикого болота, в Венсюзеле, то есть в округе Йеринг, на севере Ютландии — если уж говорить точно. Гнездо аистов находилось на крыше бревенчатого дома викинга. В той местности и до сих пор еще есть огромное болото; о нем можно даже прочесть в официальном описании округа. Местность эта — говорится в нем — была некогда морским дном, но потом дно поднялось; теперь это несколько квадратных миль топких лугов, трясин и торфяных болот, поросших моршкочкой да жалким кустарником и деревцами. Над всей местностью почти постоянно клубится густой туман. Лет семь-десять дому назад тут еще водились волки — Дикое болото вполне заслуживало свое прозвище! Представьте же себе, что было тут тысячу лет тому назад! Конечно, и в те времена многое выглядело так же, как и теперь: зеленый тростник с темно-лиловыми султанчиками был таким же высоким, кора на березках так же белела, а мелкие их листочки так же трепетали; что же до живности, встречавшейся здесь, так мухи и тогда щеголяли в прозрачных платьях того же фасона, любимыми цветами аистов были, как и теперь, белый с черным, чулки они носили такие же красные, только у людей в

те времена моды были другие. Но каждый человек, кто бы он ни был, раб или охотник, мог проваливаться в трясину и тысячу лет тому назад, так же как теперь: ведь стоит только ступить на зыбкую почву ногой — и конец, живо очутишься во владениях болотного царя! Его можно было бы назвать и трясинным царем, но болотный царь звучит как-то лучше. К тому же и аисты его так величали. О правлении болотного царя мало что и кому известно, да оно и лучше, пожалуй.

Недалеко от болота, над самым Лим-фиордом, возвышался бревенчатый замок викинга, в три этажа, с башнями и каменными подвалами. На крыше его свили себе гнездо аисты. Аистиха сидела на яйцах в полной уверенности, что сидит не напрасно!

Раз вечером сам аист где-то замешкался и вернулся в гнездо совсем взъерошенный и взволнованный.

— Что я расскажу тебе! Один ужас! — сказал он аистихе.

— Ах, перестань, пожалуйста! — ответила она. — Не забывай, что я сижу на яйцах и могу испугаться, а это отразится на них!

— Нет, ты послушай! Она-таки явилась сюда, дочка-то нашего египетского хозяина! Не побоялась такого путешествия! А теперь и поминай ее как звали!

— Что? Принцесса, египетская принцесса? Да она ведь из рода фей! Ну, говори же! Ты знаешь, как вредно заставлять меня ждать, когда я сижу на яйцах!

— Видишь, она, значит, поверила докторам, которые сказали, что болотный цветок исцелит ее больного отца, — помнишь, ты сама рассказывала мне? — и прилетела сюда, в одежде из перьев, вместе с двумя другими принцессами. Эти каждый год прилетают на север купаться, чтобы помолодеть! Ну, прилететь-то она прилетела, да и тю-тю!

— Ах, как ты тянешь! — сказала аистиха. — Ведь яйца могут остыть! Мне вредно так волноваться!

— Я видел все собственными глазами! — продолжал аист. — Сегодня вечером хожу это я в тростни-

ке, где трясина понадежнее, смотрю, летят три лебедки. Но видна птица по полету! Я сейчас же сказал себе: гляди в оба, это не настоящие лебедки, они только нарядились в перья! Ты ведь такая же чуткая, мать! Тоже сразу видишь, в чем дело!

— Это верно! — сказала аистиха. — Ну, рассказывай же про принцессу, мне уже надоели твои перья!

— Посреди болота, ты знаешь, есть что-то вроде небольшого озера. Приподнимись чуточку, и ты отсюда увидишь краешек его! Там-то, на поросшей тростником трясине, лежал большой ольховый пенёк. Лебедки уселись на него, захлопали крыльями и огляделись кругом; потом одна из них сбросила с себя лебединые перья, и я узнал нашу египетскую принцессу. Платя на ней никакого не было, но длинные черные волосы одели ее, как плащом. Я слышал, как она просила подруг присмотреть за ее перьями, пока она не вынырнет с цветком, который померещился ей под водою. Те пообещали, схватили ее оперение в клювы и взвились с ним в воздух. «Эге! Куда же это они?» — подумал я. Должно быть, и она спросила их о том же. Ответ был яснее ясного. Они взвились в воздух и крикнули ей сверху: «Нырять, нырять! Не летать тебе больше лебедкой! Не видать родины! Сиди в болоте!» — и расщипали перья в клочки! Пушинки так и запорхали в воздухе, словно снежинки, а скверных принцесс и след простыл!

— Какой ужас! — сказала аистиха. — Сил нет слушать!.. Ну, а что же дальше-то?

— Принцесса принялась плакать и убиваться! Слезы так и бежали ручьями на ольховый пенёк, и вдруг он зашевелился! Это был сам болотный царь — тот, что живет в трясине. Я видел, как пенёк повернулся, глядь — уж это не пенёк! Он протянул свои длинные, покрытые тиной ветви-руки к принцессе. Бедняжка перепугалась, спрыгнула и пустилась бежать по трясине. Да где! Мне не сделать по ней двух шагов, не то что ей! Она сейчас же провалилась вниз, а за ней и болотный царь. Он-то и втянул ее туда!

Только пузыри пошли по воде, и — все! Теперь принцесса похоронена в болоте. Не вернуться ей с цветком на родину. Ах, ты бы не вынесла такого зрелища, женушка!

— Тебе бы и не следовало рассказывать мне такие истории! Ведь это может повлиять на яйца!.. А принцесса выпутается из беды! Ее-то уж выручат! Вот случись что-нибудь такое со мной, с тобой или с кем-нибудь из наших, тогда бы — пиши пропало!

— Я все-таки буду настороже! — сказал аист и так и сделал.

Прошло много времени.

Вдруг в один прекрасный день аист увидел, что со дна болота тянется кверху длинный зеленый стебелек; потом на поверхности воды показался листочек; он рос, становился все шире и шире. Затем выглянул из воды бутон, и, когда аист пролетел над болотом, он под лучами солнца распустился, и аист увидел в чашечке цветка крошечную девочку, словно сейчас только вынутую из ванночки. Девочка была так похожа на египетскую принцессу, что аист сначала подумал, будто это принцесса, которая опять стала маленькой, но, рассудив хорошенько, решил, что, вернее, это дочка египетской принцессы и болотного царя. Вот почему она и лежит в кувшинке.

«Нельзя же ей тут оставаться! — подумал аист. — А в нашем гнезде нас и без того много! Пстой, придумай! У жены викинга нет детей, а она часто говорила, что ей хочется иметь малютку... Меня все равно обвиняют, что я приношу в дом ребятишек, так вот я и взаправду притащу эту девочку жене викинга, то-то обрадуется!»

И аист взял малютку, полетел к дому викинга, проткнул в оконном пузыре клювом отверстие, положил ребенка возле жены викинга, а потом вернулся в гнездо и рассказал обо всем жене. Птенцы тоже слушали — они уж подросли.

— Вот видишь, принцесса-то не умерла — прислала сюда свою дочку, а я ее пристроил! — закончил свой рассказ аист.

— А что я твердила тебе с первого же раза? — отвечала аистиха. — Теперь, пожалуйста, подумай и о своих детях! Отлет-то ведь на носу! У меня даже под крыльями чесаться начинает. Кукушки и соловьи уже улетели, а перепелки поговаривают, что скоро начнет дуть попутный ветер. Птенцы наши постоят за себя на маневрах, уж я-то их знаю!

И обрадовалась же супруга викинга, найдя утром у своей груди крошечную прелестную девочку! Она принялась целовать и ласкать малютку, но та стала кричать и отбиваться ручонками и ножонками; ласки, видимо, были ей не по вкусу. Наплакавшись и накричавшись, она наконец уснула, и тогда нельзя было не залюбоваться прелестным ребенком! Жена викинга не помнила себя от радости; на душе у нее стало так легко и весело, — ей пришло на ум, что и супруг ее с дружиной явится так же неожиданно, как малютка. И вот она поставила на ноги весь дом, чтобы успеть приготовить к приему желанных гостей. По стенам развешали ковры собственной ее работы и работы ее служанок, затканые изображениями тогдашних богов Одина, Тора и Фрейн. Рабы чистили старые щиты и тоже украшали ими стены; по скамьям были разложены мягкие подушки, а на очаг, находившийся посреди главного покоя, навалили груды сухих поленьев, чтобы сейчас же можно было развести огонь. Под вечер жена викинга так устала от всех этих хлопот, что уснула как убитая.

Проснувшись рано утром, еще до восхода солнца, она страшно перепугалась: девочка ее исчезла! Она вскочила, засветила лучину и осмотрелась: в ногах постели лежала не малютка, а большая отвратительная жаба. Жена викинга в порыве отвращения схватила тяжелый железный дверной болт и хотела убить жабу, но та устремила на нее такой странный, скорбный взгляд, что она не решилась ее ударить. Еще раз осмотрелась она кругом; жаба испустила тихий стон; тогда жена викинга отскочила от постели к отверстию, заменявшему окно, и распахнула деревянную ставню. В эту минуту как раз взошло солнце; лучи

его упали на постель и на жабу... В то же мгновение широкий рот чудовища сузился, стал маленьким, хорошеньким ротиком, все тело вытянулось и преобразилось — перед женой викинга очутилась ее красавица дочка, жабы же как не бывало.

— Что это? — сказала жена викинга. — Не злой ли сон приснился мне? Ведь тут лежит мое собственное дитя, мой эльф! — И она прижала девочку к сердцу, осыпая поцелуями, но та кусалась и вырывалась, как дикий котенок.

Не в этот день и не на другой вернулся сам викинг, хотя и был уже на пути домой. Задержал его встречный ветер, который теперь помогал аистам, а им надо было лететь на юг. Да, ветер, попутный одному, может быть противным другому!

Прошло несколько дней, и жена викинга поняла, что над ребенком тяготели злые чары. Днем девочка была прелестна, как эльф, но отличалась злым, необузданным нравом, а ночью становилась отвратительной жабой, но с кротким и грустным взглядом. В девочке как бы соединялись две натуры: днем ребенок, подкинутый жене викинга аистом, наружностью был весь в мать, египетскую принцессу, а характером в отца; ночью же, наоборот, внешнею была похожа на последнего, а в глазах светились душа и сердце матери. Кто мог снять с ребенка злые чары? Жена викинга и горевала и боялась, и все-таки привязывалась к бедному созданию все больше и больше. Она решила ничего не говорить о колдовстве мужу: тот, по тогдашнему обычаю, велел бы выбросить бедного ребенка на проезжую дорогу — пусть берет кто хочет. А жене викинга жаль было девочку, и она хотела устроить так, чтобы супруг ее видел ребенка только днем.

Однажды утром над замком викинга раздалось шумное хлопанье крыльев, — на крыше отдыхали ночью, после дневных маневров, сотни пар аистов, а теперь все они взлетели на воздух, чтобы пуститься в дальний путь.

— Все мужья готовы! — прокричали они. — Жены с детьми тоже!

— Как нам легко! — говорили молодые аисты. — Так и щекочет у нас внутри, будто нас набили живыми лягушками! Мы отправляемся за границу! Вот счастье-то!

— Держитесь стаей! — говорили им отцы и матери. — Да не болтайте так много — вредно для груди. И все полетели.

В ту же минуту над степью прокатился звук рога: викинг с дружиной пристал к берегу. Они вернулись с богатою добычей от берегов Галлии, где, как и в Британии, народ в ужасе молился: «Боже, храни нас от диких норманов!»

Вот пошло веселье в замке викинга! В большой покой вкатили целую бочку меда; запыхал костер, закололи лошадей, готовился пир на весь мир. Главный жрец окропил теплою лошадиною кровью всех рабов. Сухие дрова затрещали, дым столбом повалил к потолку, с балок сыпалась на пирующих мелкая сажка, но к этому им было не привыкать стать. Гостей богато одарили; раздоры, вероломство — все было забыто; мед лился рекою; подвыпившие гости швыряли друг в друга обглоданными костями в знак хорошего расположения духа. Скальд, нечто вроде нашего певца и музыканта, но в то же время и воин, который сам участвовал в походе и потому знал, о чем поет, пропел песню об одержанных ими в битвах славных победах. Каждый стих сопровождался припевом: «Имущество, родные, друзья, сам человек — все минет, все умрет; не умирает одно славное имя!» Тут все принимались бить в щиты и стучать ножами или обглоданными костями по столу; стон стоял в воздухе. Жена викинга сидела на почетном месте, разодетая, в шелковом платье; на руках ее красовались золотые запястья, на шее — крупные янтари. Скальд не забывал прославить и ее, воспел и сокровище, которое она только что подарила своему супругу. Последний был в восторге от прелестного ребенка; он видел девочку только днем во всей ее красе. Дикость ее нрава тоже была ему по душе. Из нее выйдет, сказал он, смелая воительница, которая сумеет постоять

за себя. Она и глазом не моргнет, если опытная рука одним взмахом острого меча сбреет у нее в шутку густую бровь!

Бочка с медом опустела, вкатили новую, — в те времена люди умели пить! Правда, и тогда уже была известна поговорка: «Скотина знает, когда ей пора оставить пастбище и вернуться домой, а неразумный человек не знает своей меры!» Знать-то каждый знал, но ведь знать — одно, а применять знание к делу — другое. Знали все и другую поговорку: «И дорогой гость надоест, если засидится не в меру», и все-таки сидели себе да сидели: мясо да мед — славные вещи! Веселье так и кипело! Ночью рабы, растянувшись на теплой золе, раскапывали жирную сажу и облизывали пальцы. То-то хорошее было времечко!

В этом же году викинг еще раз отправился в поход, хотя и начались уже осенние бури. Но он собирался нагреть с дружиной на берега Британии, а туда ведь было рукой подать: «Только через море махнуть», — сказал он. Супруга его опять осталась дома одна с малюткою, и скоро безобразная жаба с кроткими глазами, испускавшая такие глубокие вздохи, стала ей почти милее дикой красавицы, отвечавшей на ласки царапинами и укусами.

Седой осенний туман, «беззубый дед», как его называют, все-таки обгладывающий листву, окутал лес и степь. Бесперые птички-снежинки густо запорхали в воздухе; зима глядела во двор. Воробьи завладели гнездами аистов и судили да рядили о бывших владельцах. А где же были сами владельцы, где был наш аист со своею аистихой и птенцами?

Аисты были в Египте, где в это время солнышко светило и грело, как у нас летом. Тамаринды и акации стояли все в цвету; на куполах храмов сверкали полумесяцы; стройные минареты были облеплены аистами, отдохавшими после длинного перелета. Гнезда их лепились одно возле другого на величественных колоннах и полуразрушившихся арках заброшенных храмов. Финиковые пальмы высоко подыма-

ли свои верхушки, похожие на зонтики. Темными силуэтами рисовались сероватые пирамиды в прозрачном голубом воздухе пустыни, где щеголяли быстрою своих ног страусы, а лев посматривал большими умными глазами на мраморного сфинкса, наполовину погребенного в песке. Нил снова вошел в берега, которые так и кишели лягушками, а уж приятнее этого зрелища для аистов и быть не могло. Молодые аисты даже глазам своим верить не хотели — уж больно хорошо было!

— Да, вот как тут хорошо, и всегда так бывает! — сказала аистиха, и у молодых аистов даже в брюшке защекотало.

— А больше мы уж ничего тут не увидим? — спрашивали они. — Мы разве не отправимся туда, вглубь, в самую глубь страны?

— Там нечего смотреть! — отвечала аистиха. — За этими благословенными берегами — лишь дремучий лес, где деревья растут чуть не друг на друге и опутаны ползучими растениями. Одни толстоногие слоны могут пролагать там себе дорогу. Змеи же там чересчур велики, а ящерицы — прятки. Если же вздумаете пробраться в пустыню, вам засыплет глаза песком, и это еще будет хорошо, а то прямо попадете в песочный вихрь! Нет, здесь куда лучше! Тут и лягушек и саранчи вдоволь! Я останусь тут, и вы со мною!

Они и остались. Родители сидели в гнездах на стройных минаретах, отдыхали, охорашивались, разглаживали себе перья и обтирали клювы о красные чулки. Покончив со своим туалетом, они вытягивали шею, величественно раскланивались и гордо подымали голову с высоким лбом, покрытую тонкими глянцевыми перьями; умные карие глаза их так и сверкали. Молоденькие барышни-аистихи степенно прохаживались в сочном тростнике, поглядывали на молодых аистов, знакомились и чуть не на каждом шагу глотали по лягушке, а иногда забирали в клюв змейку и ходили да помахивали ею, — это очень к ним шло, думали они, а уж вкусно-то как было!.. Моло-

дые аисты заводили ссоры и раздоры, били друг друга крыльями, щипали клювами — даже до крови! Потом, глядишь, то тот, то другой из них становился женихом, а барышни одна за другою — невестами; все они для этого только ведь и жили. Молодые парочки принимались вить себе гнезда, и тут опять не обходилось без ссор и драк — в жарких странах все становятся такими горячими, — ну, а вообще-то жизнь текла очень приятно, и старики жили да радовались на молодых: молодежи все к лицу! Изю дня в день светило солнышко, в еде недостатка не было, — ешь не хочу, живи да радуйся, вот и вся забота.

Но в роскошном дворце египетского хозяина, как звали его аисты, радостного было мало.

Могущественный владыка лежал в огромном покое с расписными стенами, похожими на лепестки тюльпана; руки, ноги его не слушались, он высох, как мумия. Родственники и слуги окружали его ложе. Мертвым его еще назвать было нельзя, но и живым тоже. Надежда на исцеление с помощью болотного цветка, за которым полетела на далекий север та, что любила его больше всех, была теперь потеряна. Не дожидаться владыке своей юной красавицы дочери! «Она погибла!» — сказали две вернувшиеся на родину принцессы-лебедки. Они даже сочинили о гибели своей подруги целую историю.

— Мы все три летели по воздуху, как вдруг заметил нас охотник и пустил стрелу. Она попала в нашу подружку, и бедная медленно, с прощальной лебединою песнью, опустилась на воды лесного озера. Там, на берегу, под душистою плакучею березой, мы и схоронили ее. Но мы отомстили за ее смерть: привязали к хвостам ласточек, живших под крышей избушки охотника, пучки зажженной соломы, — избушка сгорела, а с нею и сам хозяин ее. Зарево пожара осветило противоположный берег озера, где росла плакучая березка, под которой покоилась в земле наша подруга. Да, не видать ей больше родимой земли!

И обе заплакали. Аист, услышав их речи, защелкал от гнева клювом.

— Ложь, обман! — закричал он. — Ох, так бы и вонзил им в грудь свой клюв!

— Да и сломал бы его! — заметила аистиха. — Хорош бы ты был тогда! Думай-ка лучше о себе самом да о своем семействе, а все остальное побоку!

— Я все-таки хочу завтра усесться на краю открытого купола того покоя, где соберутся все ученые и мудрецы совещаться о больном. Может быть, они и доберутся до истины!

Ученые и мудрецы собрались и завели длинные разговоры, из которых аист не понял ни слова; да не много толку вышло из них и для самого больного, не говоря уже о его дочери. Но послушать речи ученых нам все же не мешает, — мало ли что приходится слушать!

Вернее, впрочем, будет послушать и узнать кое-что из предыдущего, тогда мы поближе познакомимся со всею историей; во всяком случае, узнаем из нее не меньше аиста.

«Любовь — родоначальница жизни! Высшая любовь рождает и высшую жизнь! Лишь благодаря любви, может больной возродиться к жизни!» Вот что изрек мудрецы, когда дело шло об исцелении больного владыки; изречение было необыкновенно мудро и хорошо изложено — по уверению самих мудрецов.

— Мысль недурна! — сказал тогда же аист аистихе.

— А я что-то не возьму ее в толк! — ответила та. — И, уж конечно, это не моя вина, а ее! А, впрочем, меня все это мало касается; у меня есть о чем подумать и без того!

Потом ученые принялись толковать о различных видах любви: любовь влюбленных отличается ведь от любви, которую чувствуют друг к другу родители и дети, или от любви растения к свету — например, солнечный луч целует тину, и из нее выходит росток. Речи их отличались такою глубиной и ученостью, что аист был не в силах даже следить за ними, не то что пересказать их аистихе. Он совсем призадумался, прикрыл глаза и простоял так на одной ноге весь день. Ученость была ему не по плечу.

Зато аист отлично понял, что болезнь владыки была для всей страны и народа большим несчастьем, а исцеление его, напротив, было бы огромным счастьем, — об этом толковал весь народ, все — и бедные и богатые. «Но где же растет целебный цветок?» — спрашивали все друг у друга, рылись в ученых рукописях, старались прочесть о том по звездам, добывались нужных сведений всевозможными путями, но все напрасно. Тут-то ученые и мудрецы, как сказано, и изрекли: «Любовь — родоначальница жизни; она же возродит к жизни и владыку!» В этом был глубокий смысл, и хоть сами они его до конца не понимали, но все-таки повторили его еще раз и даже написали вместо рецепта: «Любовь — родоначальница жизни!» Но как же приготовить по этому рецепту лекарство? Да, вот тут-то все и стали в тупик. В конце концов все единогласно решили, что помощи должно ожидать от молодой принцессы, так горячо, так искренно любившей отца. Затем додумались и до того, как следовало поступить принцессе. И вот ровно год тому назад, ночью, когда серп новорожденной луны уже скрылся, принцесса отправилась в пустыню к мраморному сфинксу, отгребла песок от двери, что находилась в цоколе, и прошла по длинному коридору внутрь одной из больших пирамид, где покоилась мумия древнего фараона, — принцесса должна была склониться головой на грудь умершего и ждать откровения.

Она исполнила все в точности, и ей было открыто во сне, что она должна лететь на север, в Данию, к глубокому болоту — место было обозначено точно — и сорвать там лотос, который коснется ее груди, когда она нырнет в глубину. Цветок этот вернет жизнь ее отцу.

Вот почему принцесса и полетела в лебедином оперении на Дикое болото. Все это аист с аистихой давно знали, а теперь знаем и мы получше, чем раньше. Знаем мы также, что болотный царь увлек бедную принцессу на дно трясины и что дома ее уже считали погибшею навеки. Но мудрейший из мудре-

цов сказал то же, что и аистиха: «Она выпутается из беды!» Ну, и решили ждать, — иного ведь ничего и не оставалось.

— Право, я стащу лебединые оперения у этих мошенниц, — сказал аист. — Тогда небось не прилетят больше на болото да не выкинут еще какой-нибудь штуки! Перья же их я припрячу там на всякий случай!

— Где это там? — спросила аистиха.

— В нашем гнезде, близ болота! — ответил аист. — Наши птенцы могут помочь мне перенести их; если же будет чересчур тяжело, то ведь по дороге найдутся места, где их можно припрятать до следующего перелета в Данию. Принцессе хватило бы и одного оперения, но два все-таки лучше: на севере не худо иметь в запасе лишнюю одежду.

— Тебе и спасибо-то за все это не скажут! — заметила аистиха. — Но ты ведь глава семьи! Я имею голос, лишь когда сижу на яйцах!

Девочка, которую приютили в замке викинга близ Дикого болота, куда каждую весну прилетали аисты, получила имя Хельги, но это имя было слишком нежным для нее. В прекрасном теле обитала жестокая душа. Месяцы шли за месяцами, годы за годами, аисты ежегодно совершали те же перелеты: осенью к берегам Нила, весною к Дикому болоту, а девочка все подрастала; не успели опомниться, как она стала шестнадцатилетнею красавицей. Прекрасна была оболочка, но жестко самое ядро. Хельга поражала своею дикостью и необузданностью даже в те суровые, мрачные времена. Она тешилась, купая руки в теплой, дымящейся крови только что зарезанной жертвенной лошади, перекусывала в порыве дикого нетерпения горло черному петуху, приготовленному в жертву богам, а своему приемному отцу сказала однажды совершенно серьезно:

— Приди ночью твой враг, поднимись по веревке на крышу твоего дома, сними самую крышу над твоим покоем, я бы не разбудила тебя, если бы даже могла! Я бы не слышала ничего — так звенит еще в

моих ушах пощечина, которую ты дал мне много лет тому назад! Я не забыла ее!

Но викинг не поверил, что она говорит серьезно; он, как и все, был очарован ее красотой и не знал ничего о двойственности ее души и внешней оболочке. Без седла скакала Хельга, словно приросшая, на диком коне, мчавшемся во весь опор, и не соскакивала на землю, даже если конь начинал грызться с дикими лошадьми. Не раздеваясь, бросалась она с обрыва в быстрый фиорд и плыла навстречу ладье викинга, направлявшейся к берегу. Из своих густых, чудных волос она вырезала самую длинную прядь и сплела из нее тетиву для лука.

— Все надо делать самой! Лучше выйдет! — говорила она.

Годы и привычка закалили душу и волю жены викинга, и все же в сравнении с дочерью она была просто робкою, слабою женщиной. Но она-то знала, что виной всему были злые чары, тяготевшие над ужасною девушкой.

Хельга часто доставляла себе злое удовольствие помучить мать: увидав, что та вышла на крыльцо или на двор, она садилась на самый край колодца и сидела там, болтая руками и ногами, потом вдруг бросалась в узкую, глубокую яму, ныряла с головой, опять выплывала и опять ныряла, точно лягушка, затем с ловкостью кошки выкарабкивалась наверх и являлась в главный покой замка вся мокрая; потоки воды бежали с ее волос и платья на пол, смывая и унося устилавшие его зеленые листья.

Одно только немного сдерживало Хельгу — наступление сумерек. Под вечер она утихала, словно задумывалась, и даже слушалась матери, к которой влекло ее какое-то инстинктивное чувство. Солнце заходило, и превращение совершалось: Хельга становилась тихою, грустною жабою и, съжившись, сидела в уголке. Тело ее было куда больше, чем у обыкновенной жабы, и тем ужаснее на вид. Она напоминала уродливого тролля с головой жабы и плавательною перепонкой между пальцами. В глазах светилась

кроткая грусть, из груди вылетали жалобные звуки, похожие на всхлипывание ребенка во сне. В это время жена викинга могла брать ее к себе на колени, и невольно забывала все ее уродство, глядя в эти печальные глаза.

— Право, я готова желать, чтобы ты всегда оставалась моею немой дочкой-жабой! — нередко говорила она. — Ты куда страшнее, когда красота возвращается к тебе, а душа мрачнеет!

И она чертила руны, разрушающие чары и исцеляющие недуги, и перебрасывала их через голову несчастной, но толку не было.

— Кто бы поверил, что она умещалась когда-то в чашечке кувшинки! — сказал аист. — Теперь она совсем взрослая и лицом — вылитая мать, египетская принцесса. А ты мы так и не видали больше! Не удалось ей, видно, выпутаться из беды, как вы с мудрецом предсказывали. Я из года в год то и дело летаю над болотом вдоль и поперек, но она до сих пор не подала ни малейшего признака жизни! Да уж поверь мне! Все эти годы я ведь прилетал сюда раньше тебя, чтобы починить наше гнездо, поправить кое-что, и целые ночи напролет — словно я филин или летучая мышь — летал над болотом, да все без толку! И два лебединых оперения, что мы с таким трудом в три перелета перетащили сюда, негодились! Вот уж сколько лет они лежат без пользы в нашем гнезде. Случись пожар, загорись этот бревенчатый дом — от них не останется и следа!

— И от гнезда нашего тоже! — сказала аистиха. — Но о нем ты думаешь меньше, чем об этих перьях да о болотной принцессе! Отправлялся бы уж и сам к ней в трясины. Дурной ты отец семейства! Я говорила это еще в ту пору, когда в первый раз сидела на яйцах! Вот подожди, эта шальная девчонка еще угодит в кого-нибудь из нас стрелою! Она ведь сама не знает, что делает! А мы-то здесь подольше живем, чем она, — хоть бы об этом вспомнила! И повинности наши мы уплачиваем честно: перо, яйцо и одного птенца в год, как положено! Думаешь, мне придет те-

перь в голову слететь вниз, во двор, как бывало в старые годы или как и нынче в Египте, где я держусь на дружеской ноге со всеми — нисколько не забываясь, впрочем, — и сую нос во все горшки и котлы? Нет, здесь я сижу в гнезде да злюсь на эту девчонку! И на тебя тоже! Оставил бы ее в кувшинке, пусть бы себе погибла!

— Ты гораздо добрее в душе, чем на словах! — сказал аист. — Я тебя знаю лучше, чем ты сама!

И он подпрыгнул, тяжело взмахнул два раза крыльями, вытянул ноги назад, распустил оба крыла, точно паруса, и полетел так, набирая высоту; потом опять сильно взмахнул крыльями и опять поплыл по воздуху. Солнце играло на белых перьях, шея и голова вытянулись вперед... Вот это был полет!

— Он и до сих пор красивее всех! — сказала аистиха. — Но ему-то я не скажу этого!

В эту осень викинг вернулся домой рано. Много добычи и пленных привез он с собою. В числе пленных был молодой христианский священник, один из тех, что отвергали богов древнего Севера. В последнее время в замке викинга — и в главном покое и на женской половине — то и дело слышались разговоры о новой вере, которая распространилась по всем странам Юга и, благодаря святому Ансгарии, проникла даже сюда, на Север. Даже Хельга уже слышала о боге, пожертвовавшем собою из любви к людям и ради их спасения. Она все эти рассказы, как говорится, в одно ухо впускала, а в другое выпускала. Слово «любовь» находило доступ в ее душу лишь в те минуты, когда она в образе жабы сидела, съезжившись, в запертой комнате. Но жена викинга чутко прислушивалась к рассказам и преданиям, ходившим о сыне единого истинного бога, и они будили в ней новые чувства. Воины, вернувшись домой, рассказывали о великолепных храмах, высеченных из драгоценного камня и воздвигнутых в честь того, чьм заветом была любовь. Они привезли с собой и два тяжелых золотых сосуда искусной работы, из которых исходил какой-то удивительный аромат.

Это были две кадьницы, которыми кадили христианские священники перед алтарями, нигде не окроплявшимися кровью. На этих алтарях вино и хлеб превращались в кровь и тело Христовы, принесенные им в жертву ради спасения всех людей — даже не родившихся еще поколений.

Молодого священника связали по рукам и ногам веревками из лыка и посадили в глубокий, сложенный из камней подвал замка. Как он был прекрасен! «Словно сам Бальдур!»* — сказала жена викинга, тронутая бедственным положением пленника, а Хельге хотелось, чтобы ему прoderнули под коленками толстые веревки и привязали к хвостам диких быков.

— Я бы выпустила на них собак: то-то бы травля пошла! По лесам, по болотам, прямо в степь! Любо! А еще лучше — самой нестись за ними по пятам!

Но викинг готовил пленнику иную смерть: христианин, как отрицатель и поноситель могучих богов, был обречен в жертву этим самым богам. На жертвенном камне, в священной роще, впервые должна была пролиться человеческая кровь.

Хельга выпросила позволение обрызгать кровью жертвы изображения богов и народ, отточила свой нож и потом с размаху всадила его в бок пробегавшей мимо огромной свирепой дворовой собаке.

— Для пробы! — сказала она, а жена викинга сокрушенно поглядела на дикую, злую девушку. Ночью, когда красота и безобразия Хельги, по обыкновению, поменялись местами, мать обратилась к ней со словами горячей укоризны, которые сами собою вырвались из наболевшей души.

Безобразная, похожая на тролля жаба устремила на нее свои печальные карие глаза и, казалось, понимала каждое слово, как разумный человек.

— Никогда и никому, даже супругу моему, не проговорила я о том, что терплю из-за тебя! — говорила жена викинга. — И сама не думала я, что так жалею тебя! Велика, видно, любовь материнская, но

твоя душа не знает любви! Сердце твое похоже на холодную тину, из которой ты явилась в мой дом!

Безобразное создание задрожало, как будто эти слова затронули какие-то невидимые нити, соединявшие тело с душой; на глазах жабы выступили крупные слезы.

— Настанет время и твоего испытания! — продолжала жена викинга. — Но много горя тогда придется изведать и мне!.. Ах, лучше бы мы выбросили тебя на проезжую дорогу, когда ты была еще крошкой; пусть бы ночной холод усыпил тебя навеки!

Тут жена викинга горько заплакала и ушла, полная гнева и печали, за занавеску из звериной шкуры, подвешенную к балке и заменявшую перегородку.

Жаба, съезжившись, сидела в углу одна; мертвая тишина прерывалась лишь ее тяжелыми, подавленными вздохами; казалось, в глубине сердца жабы с болью зарождалась новая жизнь. Вдруг она сделала шаг к дверям, прислушалась, потом двинулась дальше, схватилась своими беспомощными лапами за тяжелый дверной болт и тихонько выдвинула его из скобы. В горнице стоял зажженный ночник; жаба взяла его и вышла за двери; казалось, чья-то могучая воля придавала ей силы. Вот она вынула железный болт из скобы, прокралась к спавшему пленнику и дотронулась до него своею холодной, липкою лапой. Пленник проснулся, увидел безобразное животное и задрожал, словно перед наваждением злого духа. Но жаба перерезала ножом связывавшие его веревки и сделала ему знак следовать за нею.

Пленник сотворил молитву и крестное знамение — наваждение не исчезало; тогда он произнес:

— Блажен, кто разумно относится к малым сим, — господь спасет его в день несчастья!.. Но кто ты? Как может скрываться под оболочкой животного сердце, полное милосердного сострадания?

Жаба опять кивнула головой, провела пленника по уединенному проходу между спускавшимся с потолка до полу коврами в конюшню и указала на одну из лошадей. Пленник вскочил на лошадь, но вслед за

*Бальдур — в скандинавской мифологии бог света.

ним вскочила и жаба и примостилась впереди него, уцепившись за гриву лошади. Пленник понял ее намерение и пустил лошадь вскачь по окольной дороге, которой никогда бы не нашел один.

Скоро он забыл безобразие животного, понял, что чудовище было орудием милости божьей, и из уст его полились молитвы и священные псалмы. Жаба задрожала — от этого ли, или от утреннего предрасветного холодка? Что ощущала она — неизвестно, но вдруг приподнялась на лошади, как бы желая остановить ее и спрыгнуть на землю. Христианин силою удержал жабу и продолжал громко петь псалом, как бы думая победить им злые чары. Лошадь понеслась еще быстрее: небо заалело, и вот первый луч солнца прорвал облако. В ту же минуту произошло превращение: жаба стала молодой красавицей с демонски злою душой! Молодой христианин увидал, что держит в объятиях красавицу девушку, испугался, остановил лошадь и соскочил на землю, думая, что перед ним новое наваждение. Но и Хельга в один прыжок очутилась на земле; короткое платье едва доходило ей до колен; выхватив из-за пояса нож, она бросилась на остолбеневшего христианина.

— Пстой! — крикнула она. — Пстой, я проколю тебя ножом насквозь. Ишь, побледнел, как солома! Раб! Безбородый.

Между нею и пленником завязалась борьба, но молодому христианину, казалось, помогали невидимые силы. Он крепко стиснул руки девушки, а старый дуб, росший у дороги, помог ему одолеть ее окончательно: Хельга запуталась ногами в узловатых, переплетающихся корнях дуба, вылезших из земли. Христианин крепко охватил ее руками и повлек к протекавшему тут же источнику. Окропив водою грудь и лицо девушки, он произнес заклинание против нечистого духа, сидевшего в ней, и осенил ее крестным знаменем, но одно крещение водою не имеет настоящей силы, если душа не омыта внутренним источником веры.

И все-таки во всех действиях и словах христиани-

на, совершавшего таинство, была какая-то особая, сверхчеловеческая сила, которая и покорила Хельгу. Она опустила руки и удивленными глазами, вся бледная от волнения, смотрела на молодого человека. Он казался ей могущественным волшебником, посвященным в тайную науку. Он ведь чертил над ней таинственные знаки, творил заклинания! Она не моргнула бы глазом перед занесенным над ее головой блестящим топором или острым ножом, но когда он начертил на ее челе и груди знак креста, она закрыла глаза, опустила голову на грудь и присмирела, как прирученная птичка.

Тогда он кротко заговорил с нею о подвиге любви, совершенном ею в эту ночь, когда она, в образе отвратительной жабы, явилась освободить его от уз и вывести из мрака темницы к свету и жизни. Но сама она — говорил он — опутана еще более крепкими узами, и теперь его очередь освободить ее и вывести к свету и жизни. Он повезет ее в Хедебю, к святому Ансгарии, и там, в этом христианском городе, чары с нее будут сняты. Но он уже не смел везти ее на лошади перед собою, хотя она и покорила ему.

— Ты сядешь позади меня, а не впереди! Твоя красота обладает злою силой, и я боюсь ее! Но с помощью Христа победа все-таки будет на моей стороне.

Тут он преклонил колена и горячо помолился; безмолвный лес как будто превратился в святой храм: словно члены новой паствы, запели птички; дикая мята струила аромат, как бы желая заменить ладан. Громко прозвучали слова священного писания:

«Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране тени смертной воссиял свет!»

И он стал говорить девушке о духовной тоске, о стремлении к высшему всей природы, а ретивый конь в это время стоял спокойно, пощипывая листики ежевики; сочные, спелые ягоды падали в руку Хельги, как бы предлагая ей утолить ими жажду.

И девушка покорно дала христианину усадить себя на круп лошади; Хельга была словно во сне. Хри-

стианин связал две ветви наподобие креста и высоко поднял его перед собою. Затем они продолжали путь по лесу, который все густел и густел, дорожка становилась все уже и уже, а где и вовсе пропадала. Терновые кусты преграждали путь, точно опущенные шлагбаумы; приходилось объезжать их. Источник превратился не в быстрый ручей, а в стоячее болото; и его надо было объехать. В лесной чаще веяло отрадною, подкрепляющею и освежающею душу прохладой, но не меньше подкрепляли и освежали душу кроткие, дышащие верою и любовью, речи христианина, воодушевленного желанием вывести заблудшую из мрака к свету и жизни.

Говорят, дождевая капля долбит твердый камень, волны морские обтачивают и округляют оторванные обломки скал — роса божьего милосердия, окропившая душу Хельги, также продолжила ее жесткую оболочку, сгладила шероховатости. Но сама Хельга еще не отдавала себе отчета в том, что в ней совершается: ведь и едва выглянувший из земли росток, впивая благотворную влагу росы и поглощая теплые лучи солнца, тоже мало ведает о заложенном в нем семени жизни и будущем плоде.

И, как песня матери незаметно западает в душу ребенка, ловащего одни отдельные слова, не понимая их смысла, который станет ему ясным лишь с годами, так западали в душу Хельги и животворные слова христианина.

Вот они выехали из леса в степь, потом опять углубились в дремучий лес и под вечер встретили разбойников.

— Где ты подцепил такую красотку? — закричали они, остановили лошадь и стащили всадника и всадницу; сила была на стороне разбойников.

У христианина для защиты был лишь нож, который он вырвал в борьбе у Хельги. Один из разбойников замахнулся на него топором, но молодой человек успел отскочить в сторону, иначе был бы убит на месте. Топор глубоко врезался в шею лошади; кровь хлынула ручьем, и животное упало. Тут

Хельга словно очнулась от глубокой задумчивости и припала к издыхающей лошади. Христианин тотчас заслонил девушку собою, но один из разбойников раздробил ему голову секирой. Кровь и мозг брызнули во все стороны, и молодой священник пал мертвым.

Разбойники схватили Хельгу за белые руки, но в эту минуту солнце закатилось, и она превратилась в безобразную жабу. Бледно-зеленый рот растянулся до самых ушей, руки и ноги стали тонкими и липкими, а кисти рук превратились в веерообразные лапы с перепонкой между пальцами. Разбойники в ужасе выпустили ее. Чудовище постояло перед ними с минуту, затем высоко подпрыгнуло и скрылось в лесной чаще. Разбойники поняли, что это или Локе* сыграл с ними злую шутку, или перед ними совершилось страшное колдовство, и в ужасе убежали прочь.

Полный месяц осветил окрестность, и безобразная жаба выползла из кустов. Она остановилась перед трупам христианина и коня и долго смотрела на них полными слез глазами; из груди ее вырвалось тихое кваканье, похожее на всхлипывание ребенка. Потом она начала бросаться то к тому, то к другому, черпала своею глубокою перепончатою горстью воду и брызгала на убитых. Но мертвых не воскресишь! Она поняла это. Скоро набегут дикие звери и растерзают их тела! Нет, не бывать этому! Она выроет для них такую глубокую могилу, какую только сможет. Но у нее был только толстый обломок ветви, а перепончатые лапы плохо рыли землю. В пылу работы она разорвала перепонку; из лап полилась кровь. Тут она поняла, что ей не справиться; она опять зачерпнула воды и обмыла лицо мертвого; затем прикрыла тела свежими, зелеными листьями, на них набросала больших ветвей, сверху еще листьев, на все это навалила тяжелые камни, какие только в силах была поднять, а все отверстия между ними заткнула мхом. Она наде-

*Локе — в скандинавской мифологии бог, олицетворяющий собою коварство и хитрость.

ялась, что под таким могильным курганом тела будут в безопасности. За эту тяжелую работой прошла вся ночь; выглянуло солнышко, и Хельга опять превратилась в красавицу девушку, но руки ее были все в крови, а по розовым девичьим щекам в первый раз в жизни струились слезы.

За минуту до превращения обе ее природы словно слились в дну. Она задрожала всем телом и тревожно оглянулась кругом, словно только пробудясь от страшного сна, затем бросилась к стройному буку, крепко уцепилась за ветви, ища точку опоры, и в один миг, как кошка, вскарабкалась на вершину. Там она крепко примостилась на ветвях и сидела, как пугливая белка, весь день одна-одинешенька среди пустынного безмолвия леса. Пустынное безмолвие леса! Да, тут было и пустынно и безмолвно, только в воздухе кружились бабочки, не то играя, не то борясь между собой; муравьиные кучи кишмя кишели крохотными насекомыми; в воздухе плясали бесчисленные рои комаров, носились тучи жужжащих мух, божьих коровок, стрекоз и других крылатых созданий; дождевой червяк выползал из сырой почвы; кроты выбрасывали комья земли, — словом, тихо и пустынно здесь было лишь в том смысле, в каком принято говорить и понимать это. Никто из лесных обитателей не обращал на Хельгу внимания, кроме сорок, с криком летавших над вершиной дерева, где она сидела. Они даже перепрыгивали с ветки на ветку, подбегаясь поближе к ней, — такие они смелые и любопытные! Но довольно было ей метнуть на них взгляд, и они разлетались; так им и не удалось разгадать это странное явление, да и сама Хельга не могла разгадать себя!

Перед закатом солнца предчувствие приближавшегося превращения заставило Хельгу слезть с дерева; последний луч погас, и она опять сидела на земле в виде съезжившейся жабы с разорванной перепонкою между пальцами. Но глаза безобразного животного сияли такою красотой, какую вряд ли отличались даже глаза красавицы Хельги. В этих кротких, нежных

глазах светились глубоко чувствующая душа и человеческое сердце; ручьями лились из них слезы, облегчая переполненную горем душу.

На кургане лежал еще крест — последняя работа умершего христианина. Хельга взяла его, и ей сама собою пришла в голову мысль утвердить крест между камнями над курганом. При воспоминании о погребенном под ним слезы заструились еще сильнее, и Хельга, повинувшись какому-то внутреннему сердечному влечению, вздумала начертить знаки креста на земле вокруг всего кургана — вышла бы такая красивая ограда! Но едва она начертила обеими лапами первый же крест, перепонка слетела с них, как разорванная перчатка. Она омыла их в воде источника и удивленно посмотрела на свои белые тонкие руки, невольно сделала ими тот же знак в воздухе между собою и могилою, губы ее задрожали, и с языка слетело имя, которое она столько раз во время пути слышала от умершего: «Господи Иисусе Христе»!

Мгновенно оболочка жабы слетела с Хельги, и она опять стала молодой красавицей девушкой; но голова ее устало склонилась на грудь, все тело просило отдыха — она заснула.

Недолго, однако, спала она; в полночь она пробудилась: перед нею стояла убитая лошадь, полная жизни, вся окруженная сиянием; глаза ее метали пламя; из глубокой раны на шее тоже лился свет. Рядом с лошадью стоял и убитый христианин, «прекраснее самого Бальдура» — сказала бы жена викинга. Он тоже был весь окружен сиянием.

Кроткие глаза его смотрели испытуще-серьезно, как глаза праведного судьи, проникающего взглядом в самые сокровенные уголки души. Хельга задрожала, память ее пробудилась мгновенно, словно в день последнего суда. Все доброе, что выпало ей на долю, каждое ласковое слово, услышанное ею, — все мгновенно ожило в ее памяти, и она поняла, что в эти дни испытаний ее, дитя живой души и мертвой тины, поддерживала одна любовь. Она сознала, что повиновалась

при этом лишь голосу внутреннего настроения, а сама для себя не сделала ничего. Все было ей дано, все она совершила не сама собою, а руководимая чьей-то высшею волею. Сознывая все свое ничтожество, полная стыда, смиренно преклонилась она перед тем, кто читал в глубине ее сердца. В ту же минуту она почувствовала, как зажглась в ней, как бы от удара молнии, светлая, божественная искра, искра духа святого.

— Дочь тины! — сказал христианин. — Из тины, из земли ты взята, из земли же ты и восстанешь! Солнечный луч, что животворит твоё тело, сознательно стремится слиться со своим источником; но источник его не солнце, а сам бог! Ни одна душа в мире не погибает; но медленно течет вся жизнь земная и есть лишь единый миг вечности. Я явился к тебе из обители мертвых; некогда и ты совершишь тот же путь через глубокие долины в горные светлые селения, где обитают Милость и Совершенство. Я поведу тебя теперь, но не в Хедебю для восприятия крещения, — ты должна сначала прорвать пелену, стелющуюся над глубоким болотом, и освободить живой корень твоей жизни и колыбели, выполнить свое дело, прежде нежели удостоишься посвящения!

И, посадив ее на лошадь, он протянул ей золотую кадильницу, похожую на ту, что Хельга видела раньше в замке викинга; из кадильницы струился ароматный фимиам. Рана на лбу убитого христианина сияла, точно даидема. Он взял крест, возвышавшийся над курганом, и высоко поднял его перед собою; они понеслись по воздуху над шумящим лесом, над курганами, под которыми были погребены герои, верхом на своих добрых конях. И могучие тени поднялись, выехали и остановились на вершинах курганов; лунный свет играл на золотых обручах, красовавшихся на лбах героев; плащи их развевались по ветру. Дракон, страж сокровищ, поднял голову и смотрел воздушным путникам вслед. Карлики выглядывали на них из холмов, из борозд, проведенных плугом, мелькая голубыми, красными и зелеными

огоньками, — словно сотни искр перебежали по золе, оставшейся после сгоревшей бумаги.

Они пролетали над лесами, степями, озерами и трясинами, направляясь к Дикому болоту. Долетев до него, они принялись реять над ним: христианин высоко поднимал крест, блестящий, точно золотой, а из уст его лились священные песнопения; Хельга вторила ему, как дитя вторит песне матери, и кадила при этом золотую кадильницей. Из кадильницы струился такой сильный, чудодейственный фимиам, что осока и тростник зацвели, а со дна болота поднялись зеленые стебли, все, что только носило в себе зародыш жизни, пустило ростки и вышло на свет божий. На поверхности воды раскинулся роскошный цветочный ковер из кувшинок, а на нем покоилась в глубоком сне молодая женщина дивной красоты. Хельга подумала, что видит в зеркале вод свое собственное отражение, но это была ее мать, супруга болотного царя, египетская принцесса.

Христианин повелел спящей подняться на лошадь, и та опустилась под новою тяжестью, точно свободно висящий в воздухе саван, но христианин осенил ее крестным знаменем, и тень вновь окрепла. Все трое выехали на твердую почву.

Пропел петух во дворе замка викинга, и видения рассеялись в воздухе, как туман от дуновения ветра. Мать и дочь очутились лицом к лицу.

— Не себя ли я вижу в глубокой воде? — спросила мать.

— Не мое ли это отражение в водяном зеркале? — промолвила дочь.

Они приблизились друг к другу и крепко обнялись. Сердце матери забилося сильнее, и она поняла почему.

— Мое дитя, цветок моего сердца, мой лотос из глубины вод!

И она опять обняла дочь и заплакала; эти слезы были для Хельги новым крещением, возрождавшим ее к жизни и любви.

— Я прилетела на болото в лебедином оперении и

здесь сбросила его с себя! — начала свой рассказ мать. — Ступив на зыбкую почву, я погрузилась в болотную тину, которая сразу же сомкнулась над моею головой. Скоро я почувствовала приток свежей воды, какая-то неведомая сила увлекала меня все глубже и глубже; веки мои отяжелели, и я заснула... Во сне мне грезилось, что я опять внутри египетской пирамиды, но передо мной — колеблющийся ольховый пенек, который так испугал меня на поверхности болота. Я рассматривала трещины на его коре, и они вдруг засветились и стали иероглифами — передо мной очутилась мумия. Наружная оболочка ее вдруг распалась, и оттуда выступил древний царь, покоившийся тысячи лет, черный как смола, лоснящийся, как лесная улитка или как жирная, черная болотная грязь. Был ли передо мною сам болотный царь или мумия — я уже перестала понимать. Он обвил меня руками, и мне показалось, что я умираю. Очнувшись я, почувствовав на своей груди что-то теплое: на груди у меня сидела, трепеща крылышками, птичка, щебетала и пела. Потом она взлетела с моей груди кверху, к черному, тяжелому своду, но длинная зеленая лента привязывала ее ко мне. Я поняла ее тоскливое щебетанье: «На волю, на волю, к отцу!» Мне вспомнился мой отец, залитая солнцем родина, вся моя жизнь, моя любовь... И я развязала узел, отпустила птичку на волю, к отцу! С той минуты я уже не видела никаких снов и спала непробудно, пока сейчас меня не вызывали со дна болота эти звуки и аромат!

Где же разведалась, где была теперь зеленая лента, привязавшая птичку к сердцу матери? Видел ее лишь аист, лентой был ведь зеленый стебель, узлом — яркий цветок — колыбель малютки, которая теперь превратилась в юную красавицу девушку и опять покоилась на груди у матери.

А в то время, как они стояли обнявшись на берегу болота, над ними кружился аист. Он быстро слетал назад, в гнездо, за спрятанными там давным-давно оперениями и бросил их матери с дочерью. Они сей-

час же накинули их на себя и поднялись на воздух в виде белых лебедок.

— Теперь поговорим! — сказал аист. — Теперь мы пойдем друг друга, хотя клюв и не у всех птиц скроен одинаково!.. Хорошо, что вы явились как раз сегодня ночью: днем нас бы уж не было тут. И я, и жена, и птенцы — все улетаем поутру на юг! Я ведь старый знакомый ваш с нильских берегов! И жена моя тут же, со мною; сердце у нее добрее, чем язык! Она всегда говорила, что принцесса выпутается из беды! А я и птенцы наши перенесли сюда лебединые перья!.. Ну, очень рад! Ведь это просто счастье, что я еще здесь! На заре мы улетаем всей компанией! Мы полетим вперед, только не отставайте, и вы не собьетесь с дороги! Мы с птенцами будем, впрочем, присматривать за вами.

— И я принесу с собою на родину лотос! — сказала египетская принцесса. — Он летит рядом со мною в лебедином оперении! Цветок моего сердца со мною — вот как это все разрешилось! Домой теперь, домой!

Но Хельга сказала, что не может покинуть Данию, не повидавшись со своею приемной матерью, доброю женою викинга. Хельга припомнила всю ее доброту, каждое ее ласковое слово, каждую слезу, пролитую ею из-за приемной дочери, и в эту минуту девушке казалось даже, что она любит ту мать сильнее, чем эту.

— Да нам и надо слетать в замок викинга! — ответил аист. — Там ведь ждет нас жена с птенцами! Вот-то заворочают они глазами и затрещат! Жена — та, пожалуй, не много скажет! Она вообще скупа на слова, выражается кратко и вразумительно, а думает еще лучше! Сейчас я затрещу, чтобы предупредить их о нашем приближении!

И он затрещал, защелкал клювом. Скоро они подлетели к замку викинга.

В замке все было погружено в глубокий сон. Забылась сном и жена викинга, но только позднюю ночью: страх и беспокойство долго не давали ей ус-

нуть. Прошло ведь уже три дня, как Хельга исчезла вместе с пленным христианином; должно быть, это она помогла ему бежать: в конюшне недоставало именно ее лошади. Но как могло все это случиться? И жене викинга невольно припомнились рассказы о чудесах, которые творил сам белый Христос и веровавшие в него. Все эти мысли, бродившие в ее голове наяву, облеклись во сне в живые образы, и вот ей пригрезилось, что она по-прежнему сидит на постели, погруженная в думы о Хельге; все кругом тонет в сплошном мраке, надвигается буря. С обеих сторон — и со стороны Северного моря и со стороны Каттегата — слышится грозный шум прибоя. Чудовищная змея, обвивающая в глубине морской кольцом всю землю, бьется в судорогах. Приближается страшная ночь — рагнарок, как древние называли последнюю ночь, когда рухнет мир и погибнут самые боги. Вот слышится громкий звук рога и по радуге выезжают верхом на конях боги, закованные в светлые доспехи, выезжают на последнюю битву! Перед ними летят крылатые валькирии, а замыкается поезд рядами умерших героев. Небо залито северным сиянием, но мрак победит. Приближается ужасный час.

А рядом с испуганной женою викинга сидит на полу Хельга в образе безобразной жабы, дрожит от страха и жметесь к ней. Она берет жабу на колени и с любовью прижимает к себе, хоть она и безобразна. Вот воздух задрожал от ударов мечей и палиц, засветили стрелы — словно град посыпался с неба. Настал тот час, когда земля и небо должны были рухнуть, звезды упасть с неба, и все погибнуть в пламени Суртура.*

Но жена викинга знала, что после того возникнут новое небо и новая земля, и хлебная нива заволнуется там, где прежде катило свои волны по желтому песчаному дну сердитое море. Она знала, что воцарится новый неведомый бог, и к нему вознесется краткий, светлый Бальдур, освобожденный из царства

*Суртур — в скандинавской мифологии владыка тьмы.

теней. И вдруг она видит его перед собою! Она узнала его с первого взгляда — это был пленный христианин.

— Белый Христос! — воскликнула она и, произнося это имя, поцеловала в лоб свое безобразное дитя-жабу. В ту же минуту оболочка с жабы спала, и перед ней очутилась Хельга, прекрасная, как всегда! Но такая кроткая и с таким сияющим любовью взглядом! Хельга поцеловала руки жены викинга, как бы благодаря ее за все заботы и любовь, которыми она окружала свою приемную дочь в тяжелое время испытания, за все добрые мысли и чувства, которые она пробудила в ее душе, и за произнесенное ею сейчас имя белого Христа. Хельга повторила это имя и вдруг поднялась на воздух в виде лебедя: белые крылья распустились и зашумели, словно взлетала на воздух целая стая птиц.

Тут жена викинга проснулась. На дворе в самом деле слышалось хлопанье крыльев. Она знала, что настала пора обычного отлета аистов, и догадалась, что это они шумели крыльями. Ей захотелось еще раз взглянуть на них и попрощаться с ними. Она встала, подошла к отверстию, заменявшему окно, распахнула ставню и выглянула во двор. На крыше пристройки сидели рядышком сотни аистов, а над двором, над высокими деревьями, летали стаями другие; прямо же против окна, на краю колодца, где так часто сиживала, пугая свою приемную мать, красавица Хельга, сидели две лебедки, устремив свои умные глаза на жену викинга. Она вспомнила свой сон, который произвел на нее такое глубокое впечатление, что почти казался ей действительностью, вспомнила Хельгу в образе лебедя, вспомнила христианина, и сердце ее вдруг радостно забилося.

Лебедки захлопали крыльями и изогнули шеи, точно кланяясь ей, а она, как бы в ответ на это, протянула к ним руки и задумчиво улыбнулась им сквозь слезы.

Аисты, шумя крыльями и щелкая клювами, взвились в воздух, готовясь направить свой полет к югу.

— Мы не станем ждать этих лебедек! — сказала аистиха. — Коли хотят лететь с нами, пусть не мешают! Не оставаться же нам тут, пока не соберутся лететь кулики! А ведь лететь так, как мы, семьями, куда пристойнее, чем так, как летят зяблики или турухтаны: у тех мужья летят сами по себе, а жены сами по себе! Просто неприлично! А у лебедей-то, у лебедей-то что за полет?!

— Всяк летит по-своему! — ответил аист. — Лебеди летят косою линией, журавли — треугольником, а кулики — змеєю!

— Пожалуйста, не напоминай теперь о змеях! — заметила аистиха. — У птенцов может пробудиться аппетит, а чем их тут накормишь?

— Так вот они, высокие горы, о которых я слышала! — сказала Хельга, летевшая в образе лебедки.

— Нет, это плывут под нами гроззовые тучи! — возразила мать.

— А что это за белые облака в вышине? — спросила дочь.

— Это вечно снежные вершины гор — ответила мать, и они, перелетев Альпы, продолжали путь по направлению к Средиземному морю.

— Африка! Египет! — ликовала дочь нильских берегов, завидев с высоты желтую волнистую береговую полосу своей родины.

Завидели берег и аисты и ускорили полет.

— Вот уж запахло нильскою тиной и влажными лягушками! — сказала аистиха птенцам. — Ох, даже защекотало внутри! Да, вот теперь сами попробуете, каковы они на вкус, увидите марабу, ибисов и журавлей. Они все нашего же рода, только далеко не такие красивые. А важничают! Особенно ибисы — их избаловали египтяне; они делают из ибисов мумии, набивая их душистыми травами. А по мне, лучше быть набитой живыми лягушками! Вот вы узнаете, как это приятно! Лучше при жизни быть сытым, чем после смерти попасть в музей! Таково мое мнение, а оно самое верное!

— Вот и аисты прилетели! — сказали обитатели дворца на нильском берегу. В открытом покое на мягком ложе, покрытом шкурой леопарда, лежал сам царственный владыка, по-прежнему ни живой, ни мертвый, ожидая целебного лотоса из глубокого северного болота. Родственники и слуги окружали ложе.

И вдруг в покой влетели две прекрасные белые лебедки, прилетевшие вместе с аистами. Они сбросили с себя оперения, и все присутствовавшие увидели двух красавиц, похожих друг на друга, как две капли воды. Они приблизились к бледному, увядшему старцу и откинули назад свои длинные волосы. Хельга склонилась к деду, и в ту же минуту щеки его окрасились румянцем, глаза заблестали, жизнь вернулась в окоченевшее тело. Старец встал помолодевшим, здоровым, бодрым! Дочь и внучка взяли его за руки, точно для утреннего приветствия после длинного тяжелого сна.

Что за радость воцарилась во дворце! В гнезде аистов тоже радовались — главным образом, впрочем, хорошему корму и обилию лягушек. Ученые впопыхах записывали историю обеих принцесс и целебного цветка, принесшего с собою счастье и радость всей стране и всему царствующему дому, аисты же рассказывали ее своим птенцам, но, конечно, по-своему, и не прежде, чем все наелись досыта, — не то у них нашлось бы иное занятие!

— Теперь и тебе перепадет кое-что! — шепнула аистиха мужу. — Уж не без того!

— А что мне нужно? — сказал аист. — И что я такое сделал? Ничего!

— Ты сделал побольше других! Без тебя и наших птенцов принцессам вовек не видать бы Египта и не исцелить старика. Конечно, тебе перепадет за это! Тебя, наверно, удостоят степени доктора, и наши следующие птенцы уже родятся в этом звании, их птенцы — тоже и так далее! По мне, ты и теперь ни дать ни взять — египетский доктор!

А ученые и мудрецы продолжали развивать основ-

ную мысль, проходившую, как они говорили, красною нитью через все событие, и толковали ее на разные лады. «Любовь — родоначальница жизни» — это была основная мысль, а истолковывали ее так: «Египетская принцесса, как солнечный луч, проникла во владения болотного царя, и от их встречи произошел цветок...»

— Я не сумею как следует передать их речей! — сказал подслушавший эти разговоры аист, когда ему пришлось пересказать их в гнезде. — Они говорили так длинно и так мудрено, что их сейчас же наградили чинами и подарками; даже лейб-повар получил орден — должно быть, за суп!

— А ты что получил? — спросила аистиха. — Не следовало бы им забывать самое главное лицо, а самое главное лицо — это ты! Ученые-то только языком трепали! Но дойдет еще очередь и до тебя!

Позднею ночью, когда весь дворец, все его счастливые обитатели спали сладким сном, не спала во всем доме лишь одна живая душа. Это был не аист — он хоть и стоял возле гнезда на одной ноге, но спал на страже, — не спала Хельга. Она вышла на террасу и смотрела на чистое, ясное небо, усеянное большими блестящими звездами, казавшимися ей куда больше и ярче тех, что она привыкла видеть на севере. Но это были те же самые звезды! И Хельге вспомнились кроткие глаза жены викинга и слезы, пролитые ею над своею дочкой-жабой, которая теперь любовалась великолепным звездным небом на берегу Нила, вдыхая чудный весенний воздух. Она думала о том, как умела любить эта язычница, какими нежными заботами окружала она жалкое создание, скрывавшее в себе под человеческою оболочкой звериную натуру, а в звериной — внушавшее такое отвращение, что противно было на него и взглянуть, не то что дотронуться! Хельга смотрела на сияющие звезды и вспомнила блеск, исходивший от чела убитого христианина, когда они летели вместе над лесом и болотом. В ушах ее снова раздавались те звуки и слова, которые она слышала от него тогда, когда сидела по-

зади него на лошади: он говорил ей о великом источнике любви, высшей любви, обнимающей все поколения людские!..

Да, чего только не было ей дано, чего она не достигла! Дни и ночи думала Хельга о выпавшем на ее долю счастье, созерцала свою жизнь, которая вела ее чудесными путями все к высшей радости и блаженству, и так и застыла в этом созерцании, как ребенок, который быстро переносит взор от дарящего к подаркам. Она вся ушла в думы о своем настоящем счастье и о будущем, которое ожидало ее, должно было ожидать ее впереди, и совсем забыла о том, кто даровал ей это счастье. В ней кипела отвага молодости, глаза ее блистали от восторга. Но вот слух ее был привлечен страшным шумом на дворе. Она взглянула туда и увидела двух больших, сильных страусов, бегавших сломя голову кругом по двору. Хельга в первый раз видела этих огромных, тяжелых, неуклюжих птиц с точно обрубленными крыльями. Они бегали, встревоженные, испуганные, словно их кто обидел. Хельга спросила, что с ними случилось, и впервые услышала египетское предание о страусе.

Когда-то страусы славились красотой; крылья их были велики и сильны. Однажды вечером другие могучие лесные птицы сказали страусу: «Брат, завтра, бог даст, полетим к реке напиться!» И страус ответил: «Захочу и полечу!» На заре птицы полетели. Все выше и выше взвивались они, все ближе и ближе к солнцу, божьему оку. Страус летел один, впереди всех, горделиво, стремясь к самому источнику света и полагаясь лишь на свои силы, а не на подателя их; он говорил не «бог даст», а «захочу», и вот ангел возмездия сдернул с раскаленного солнечного диска тонкую пелену — в ту же минуту крылья страуса опалило, как огнем, и он, бессильный, уничтоженный, упал на землю. Никогда больше он и весь его род не могли подняться с земли! Испугавшись чего-нибудь, они мечутся как угорелые, описывая все один и тот же узкий круг, и слу-

жат нам, людям, живым напоминанием и предостережением.

Хельга задумчиво опустила голову, посмотрела на страусов, мечущихся не то от ужаса, не то от глупой радости при виде своей собственной тени на белой, освещенной луною, стене, и душою ее овладело серьезное настроение. Да, ей выпала на долю богатая счастьем жизнь, что же ждет ее впереди? Еще высшее счастье — «даст бог!»

Раннею весною, перед отлетом аистов на север, Хельга взяла золотое кольцо, начертила на нем свое имя и подозвала к себе своего знакомца-аиста. Когда тот приблизился, Хельга надела ему кольцо на шею, прося отнести его жене викинга. Кольцо скажет ей, что приемная дочь ее жива, счастлива и помнит о ней.

«Тяжеленько это будет нести! — подумал аист. — Но золото и честь не выбросишь на дорогу! «Аист приносит счастье», — скажут там на севере!..»

— Ты несешь золото, а я яйца! — сказала аистиха. — Но ты-то принесешь его только раз, а я несу яйца каждый год! Благодарности же не дождется ни один из нас! Вот что обидно!

— Довольно и собственного сознания, женушка! — сказал аист.

— Ну, его не повесишь себе на шею! — ответила аистиха. — Оно тебе ни корму, ни попутного ветра не даст!

И они улетели.

Маленький соловей, распевавший в тамариндовой роще, тоже собирался улететь на север; в былые времена Хельга часто слышала его возле Дикого болота. И она дала поручение и соловью: с тех пор, как она полетала в лебедином оперении, она могла объясняться на птичьем языке и часто разговаривала и с аистами и с ласточками, которые понимали ее. Соловей тоже понял ее: она просила его поселиться на Ютландском полуострове в буковом лесу, где возвышался курган из древесных ветвей и камней, и угово-

речь других певчих птичек ухаживать за могилой и, не умолкая, петь над нею свои песни.

Соловей полетел стрелой, полетело стрелой и время!

Осенью орел, сидевший на вершине пирамиды, увидел приближавшийся богатый караван; двигались нагруженные сокровищами верблюды, гарцевали на горячих арабских конях разодетые и вооруженные всадники. Серебристо-белые кони с красными раздувающимися ноздрями и густыми гривами, ниспадавшими до тонких стройных ног, горячились и фыркали. Знатные гости, в числе которых был и один арабийский принц, молодой и прекрасный, каким и подобает быть принцу, въехали во двор, могучего владыки, хозяина аистов, гнездо которых стояло теперь пустым. Аисты находились еще на севере, но скоро должны были вернуться.

Они вернулись в тот самый день, когда во дворце царила шумная радость, кипело веселье — праздновали свадьбу. Невестой была разодетая в шелк, сиявшая драгоценными украшениями Хельга; женихом — молодой арабийский принц. Они сидели рядом за свадебным столом, между матерью и дедом.

Но Хельга не смотрела на смуглое мужественное лицо жениха, обрамленное черною курчавою бородой, не смотрела и в его огненные черные глаза, не отрывавшиеся от ее лица. Она устремила взор на усеянный светлыми звездами небесный свод.

Вдруг в воздухе послышались шум и хлопанье крыльев — вернулись аисты. Старые знакомые Хельги были тут же, и как ни устали они оба с пути, как ни нуждались в отдыхе, сейчас же спустились на перила террасы, зная, что за праздник идет во дворце. Знали они также — эта весть долетела до них, едва они приблизились к границам страны, — что Хельга велела нарисовать их изображение на стене дворца: аисты были ведь тесно связаны с историей ее собственной жизни.

— Очень мило! — сказал аист.

— Очень и очень мило! — объявила аистиха. —

Меньшего уж нельзя было и ожидать.

Увидав аистов, Хельга встала и вышла к ним на террасу погладить их по спине. Старый аист наклонил голову, а молодые смотрели из гнезда и чувствовали себя польщенными.

Хельга опять подняла взор к небу и засмотрелась на блестящие звезды, сверкавшие все ярче и ярче. Вдруг она увидела, что между ними витает прозрачный, светлый, светлее самого воздуха образ. Вот он приблизился к Хельге, и она узнала убитого христианина. И он явился к ней в этот торжественный день, явился из небесных чертогов!

— Небесный блеск и красота превосходят все, что может представить себе смертный! — сказал он.

И Хельга стала просить его так кротко, так неотступно, как никогда еще никого и ни о чем не просила, взять ее туда, в небесную обитель, хоть на одну минуту, позволить ей бросить хоть один-единственный взгляд на небесное великолепие!

И он вознесся с нею в обитель блеска, света и гармонии. Дивные звуки и мысли не только звучали и светились вокруг Хельги в воздухе, но и внутри ее, в глубине ее души. Словами не передать, не рассказать того, что она чувствовала!

— Пора вернуться! Тебя ищут! — сказал он.

— Еще минутку! — молила она. — Еще один миг!

— Пора вернуться! Все гости уже разошлись!

— Еще одно мгновение! Последнее...

И вот Хельга опять очутилась на террасе, но... все огни и в саду и в дворцовых покоях были уже потушены, аистов не было, гостей и жениха — тоже; все словно ветер развеял за эти три кратких мгновения.

Хельгу охватил страх, и она прошла через огромную, пустынную залу в следующую. Там спали чужеземные воины! Она отворила боковую дверь, которая вела в ее собственный покой, и вдруг очутилась в саду, — все стало тут по-другому! Край неба алел, заималась заря.

В три минуты, проведенные ею на небе, протекла целая земная ночь!

Тут Хельга увидела аистов, подозвала их к себе, заговорила с ними на их языке, и аист, подняв голову, прислушался и приблизился к ней.

— Ты говоришь по-нашему! — сказал он. — Что тебе надо? Откуда ты, незнакомка?

— Да ведь это же я, Хельга! Ты не узнаешь меня? Три минуты тому назад я разговаривала с тобой тут, на террасе!

— Ты ошибаешься! — ответил аист. — Ты, верно, видела все это во сне!

— Нет, нет! — сказала она и стала напоминать ему о замке викинга, о Диком болоте, о полете сюда...

Аист заморгал глазами и сказал:

— А, это старинная история! Я слышал ее еще от моей пра-пра-прабабушки! Тут, в Египте, правда, была такая принцесса из Дании, но она исчезла в самый день своей свадьбы много-много лет тому назад! Ты сама можешь прочесть об этом на памятнике, что стоит в саду! Там же высечены лебедки и аисты, а на вершине памятника стоишь ты сама, изваянная из белого мрамора!

Так оно и было. Хельга увидела памятник, поняла все и пала на колени.

Взошло солнце, и как прежде с появлением его спадала с Хельги безобразная оболочка жабы и из нее выходила молодая красавица, так теперь из брэнной телесной оболочки, очищенной крещением света, вознесся к небу прекрасный образ, чище, прозрачнее воздуха; солнечный луч вернулся к отцу!

А тело распалось в прах; на том месте, где стояла коленапоклоненная Хельга, лежал теперь увядший лотос.

— Новый конец истории! — сказал аист. — И совсем неожиданный! Но ничего, мне он нравится!

— А что-то скажут о нем детки? — заметила аистиха.

— Да, это, конечно, важнее всего! — сказал аист.

МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС

В одной деревне жили два человека. Они были тезки, того и другого звали Клаусом, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы их различать, того у которого было четыре лошади, прозвали Большим Клаусом, а другого — Маленьким Клаусом. Послушаем-ка теперь, что с ними случи лось; это ведь было!

Всю неделю Маленький Клаус должен был пахать поле Большого Клауса, и притом на своей единственной лошадке. Зато Большой Клаус в свою очередь помогал ему раз в неделю — по воскресеньям. Большой Клаус давал Маленькому Клаусу своих четырех лошадей. Ух ты, как звонко щелкал кнутом Маленький Клаус над всей пятеркой! Словно все лошади были его собственными. Солнце сияло, колокола звонили к обеду, разряженные люди шли с молитвенниками подмышкой в церковь послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, а он ликуя, щелкал кнутом да покрикивал:

— Эх вы, лошадушки вы мои!

— Не смей так говорить! — сказал ему однажды Большой Клаус. — У тебя ведь только одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус, позабыв о том, что ему запретили так говорить, снова покрикивал:

— Ну вы, лошадушки вы мои!

— Перестань сейчас же! — приказал ему, наконец, Большой Клаус. — Если ты скажешь это еще хоть раз, я возьму да стукну твою лошадь по лбу. Ей тогда сразу конец придет!

— Не буду больше! — сказал Маленький Клаус. — Право же, не буду!

Но тут кто-то опять прошел мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет на целых пяти лошадях, снова щелкнул кнутом и закричал:

— Ну вы, лошадушки вы мои!

— Вот я тебе покажу твоих лошадушек! — обозлился Большой Клаус.

Взял топор — да как хватит лошадь Маленького Клауса обухом по лбу. Убил наповал.

— Эх, нет теперь у меня ни одной лошадки! — проговорил Маленький Клаус и заплакал.

Немного погодя он снял с лошади шкуру, высушил ее хорошенько на ветру и положил в мешок, потом взвалил мешок на спину и пошел в город продавать шкуру.

Идти пришлось очень далеко, через большой темный лес, а тут еще непогода разыгралась. Маленький Клаус заблудился, а когда выбрался на дорогу, уже совсем стемнело. До города было еще далеко, да и домой не близко; никак нельзя было добраться ни туда, ни сюда раньше, чем наступит ночь.

При дороге стоял большой крестьянский двор; ставни в доме были уже закрыты, но сквозь их щели проникал свет.

«Тут я, пожалуй, найду себе приют на ночь», — подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла дверь, но, узнав, чего он хочет, отказалась его впустить, объяснив, что мужа ее нет дома, а без него она не должна принимать гостей.

— Видно, придется переночевать на дворе! — сказал Маленький Клаус, когда хозяйка захлопнула дверь перед его носом.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом — сарайчик с плоской соломенной крышей.

— Вот там я и улягусь! — сказал Маленький Клаус, глядя на эту крышу. — Чудесная постель! Аист, надо надеяться, не слетит туда и не клюнет меня в ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома стоял живой аист в своем гнезде.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни в доме закрывали только нижнюю половину окон, и Маленький Клаус хорошо видел все, что делается в горнице.

В горнице был накрыт большой стол, а на нем — и вино, и жаркое, и отменная рыба; за столом сидели хозяйка и пономарь — больше никого.

Хозяйка наливала гостю вино, а он уплетал рыбу, — он был большой до нее охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» — подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой великолепный пирог он увидел! Вот так пир!

Но тут он услышал, что кто-то подъезжает к дому, — вернулся домой хозяйкин муж. Это был очень хороший человек, но водилась за ним одна слабость: он видеть не мог пономарей. Стоило крестьянину встретить пономаря, как он приходил в бешенство. Потому-то пономарь и выбрал время, когда его не было дома, чтобы зайти к его жене, а добрая женщина постаралась угостить гостя на славу. Оба они до смерти перепугались, когда хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, стоявший в углу. Пономарь послушался — он ведь знал, что бедняга-хозяин терпеть не может пономарей, — а хозяйка проворно убрала все угощение в печку: если бы ее муж увидел кушанье и вино, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

— Ах! — громко вздохнул Маленький Клаус, лежа на сене и глядя, как исчезает вкусная еда.

— Кто там? — спросил крестьянин и увидел Маленького Клауса. — Ты чего тут лежишь? Пойдем-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, что заблудился, припоздал, и попросился переночевать.

— Ну что ж, ночуй! — сказал крестьянин. — Только сперва нам с тобой надо подкрепиться.

Хозяйка встретила их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши.

Крестьянин проголодался и ел с большим аппетитом, а у Маленького Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, спрятанные в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, той самой, которую он нес продавать. Каша не лезла ему в горло, и вот он придавил мешок ногой; сухая шкура громко заскрипела.

— Т-сс! — сказал Маленький Клаус мешку, а сам опять наступил на него, и шкура заскрипела громче прежнего.

— Что там у тебя? — спросил хозяин.

— Да это все мой колдун! — сказал Маленький Клаус. — Говорит, что не стоит нам есть кашу, — он уже заколдовал для нас полную печку всяких вкусных кушаний: там и жаркое, и рыба, и пирог.

— Вот так штука! — воскликнул крестьянин, мигом открыл печку и увидел там разные блюда, одно другого лучше. Мы-то знаем, что их туда спрятала его жена, а он думал, что это все колдун заколдовал.

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила все блюда на стол, а муж с гостем принялись уплетать и жаркое, и рыбу, и пирог. Но вот Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура заскрипела.

— Что он сейчас сказал? — спросил крестьянин.

— Да вот, что заколдовал нам еще три бутылки вина; они тоже в печке, — ответил Маленький Клаус.

Пришлось хозяйке вытащить и вино. Крестьянин выпил малую толику и совсем развеселился. И вот ему до смерти захотелось иметь такого колдуна, как у Маленького Клауса.

— А может он вызвать черта? — спросил крестьянин. — Вот на кого я бы посмотрел: ведь мне сейчас весело!

— Да! — ответил Маленький Клаус. — Мой колдун может сделать все, что я захочу. Правда? — спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура заскрипела.

— Слышишь? Он отвечает: «Да». Только черт очень уж безобразный, не стоит на него смотреть!

— Ну, я его ни капельки не боюсь! А какой он на вид?

— Да вылитый пономарь!

— Тьфу! — плюнул крестьянин. — Вот мерзость! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но все равно, ведь я знаю, что это черт, и мне будет не так противно! К тому же я сейчас набрался храбрости, это очень кстати. Только пусть он не подходит слишком близко!

— А вот я сейчас скажу колдуну! — проговорил Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

— Ну что?

— Он велит тебе пойти и открыть вон тот сундук в углу — черт в нем спрятался. Только придерживай крышку, а то он выскочит.

— А ты помоги придержать! — сказал крестьянин и пошел к сундуку, в котором хозяйка спрятала пономаря.

Пономарь был ни жив ни мертв от страха. Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

— Тьфу! — закричал он и отскочил прочь. — Видел, видел! Точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Подобную неприятность необходимо было запить, и собутельники попиwali вино до поздней ночи.

— А колдуна этого ты мне продай! — сказал крестьянин. — Проси, сколько хочешь, хоть целую мерку денег!

— Нет, не могу! — отозвался Маленький Клаус. — Подумай, какую пользу я от него имею!

— Продай! Мне страсть как хочется его заполучить! — сказал крестьянин и принялся упрашивать Маленького Клауса.

— Ну, ладно, — проговорил, наконец, Маленький Клаус, — будь по-твоему. Ты со мной обошелся ласково, пустил меня переночевать, так бери себе моего колдуна за мерку денег; но смотри — насыпай по-полнее!

— Хорошо! — сказал крестьянин. — Только возьми уж кстати и сундук; я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почем знать, может черт все еще сидит там.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высушенной шкурой и получил за него полную мерку денег; а еще крестьянин дал ему впридачу большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

Маленький Клаус покатил тачку с деньгами и сундуком, в котором все еще сидел пономарь.

По ту сторону леса протекала большая и глубокая река, да такая быстрая, что трудно было бороться с ее течением. Через реку был перекинут большой новый мост. Маленький Клаус встал посередине моста и сказал как можно громче, чтобы пономарь услышал:

— К чему мне этот дурацкий сундук? Ну и тяжелый! Словно камнями набит. Замучаюсь я ним. Брошу-ка его в реку; приплывет он ко мне домой сам — ладно, а не приплывет — и не надо!

И вот Маленький Клаус взялся за сундук одной рукой и слегка приподнял его, точно собираясь столкнуть в воду.

— Постой! — закричал в сундуке пономарь, — Выпусти меня сначала!

— Ай! — крикнул Маленький Клаус, делая вид, что испугался. — Он все еще тут! В воду его скорее! Пусть потонет!

— Нет, нет! Это не черт, это я! — кричал пономарь. — Выпусти меня, я тебе целую мерку денег дам!

— Вот это дело другое — сказал Маленький Клаус и открыл сундук.

Пономарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к пономарю, и Маленький Клаус получил еще целую мерку денег. Теперь вся тачка была доверху набита деньгами.

— А лошадка-то мне недурной барыш принесла! — сказал себе Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол всю кучу денег. — Вот разозлится

Большой Клаус, когда узнает, как я разбогател по милости своей единственной лошади! Только не стану я всего рассказывать.

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить мерку, которой меряют зерно.

«На что она ему нужна?» — подумал Большой Клаус и вымазал дно мерки дегтем: авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив свою мерку, Большой Клаус увидел, что к ее дну прилипли три новеньких серебряных монетки.

— Вот так штука! — сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу.

— Откуда у тебя столько денег?

— Вчера вечером продал шкуру своей лошади.

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус.

Побежал домой, взял топор и прикончил всех своих четырех лошадей, потом снял с них шкуры и отправился в город продавать их.

— Шкуры! Шкуры! Кому нужны шкуры! — кричал он по улицам.

Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

— Мерку денег за штуку! — отвечал Большой Клаус.

— Да ты с ума сошел! — возмутились покупатели. — У нас столько денег не водится, чтобы их мерками мерить!

— Шкуры! Шкуры! Кому нужны шкуры! — кричал он опять и всем, кто спрашивал, почему у него шкуры, отвечал: — Мерку денег за штуку.

— Да он нас дурачить вздумал! — закричали сапожники и кожевники, схватили кто ремень, кто кожаный передник и принялись хлестать Большого Клауса.

— Шкуры! Шкуры! — передразнивали они его. — Вот мы тебе покажем шкуры! Дождешься, что кровью харкать будешь, красными поросятами плеваться! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Сроду его так не колотили.

— Ну, — проговорил он, добравшись до дому, — заплатится же мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса как раз умерла старушка бабушка; она, правда, была очень жадная и злая, но он все-таки ее жалел и на ночь уложил в свою теплую постель: авось оживет, думал. А сам уселся в углу, на стуле — так ему случалось спать и прежде.

Ночью дверь открылась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошел к ней — и хватить по лбу того, кто на ней лежал. Думал, что это Маленький Клаус лежит, а там была мертвая бабушка.

— Вот тебе! Не будешь больше меня дурачить! — сказал Большой Клаус и пошел домой.

— Ну и злодей! — воскликнул Маленький Клаус. — Это он меня уколошить хотел! Хорошо, что бабушка уже умерла, а то бы...

Тут он одел бабушку в праздничное платье, потом попросил у соседа лошадь и запряг ее в тележку, а старушку усадил на заднее сиденье так, чтобы она не свалилась. Сел в тележку сам и покатил по лесу. Когда солнышко встало, они подъехали к большому постоялому двору. Маленький Клаус остановился и пошел заказать себе чего-нибудь поесть.

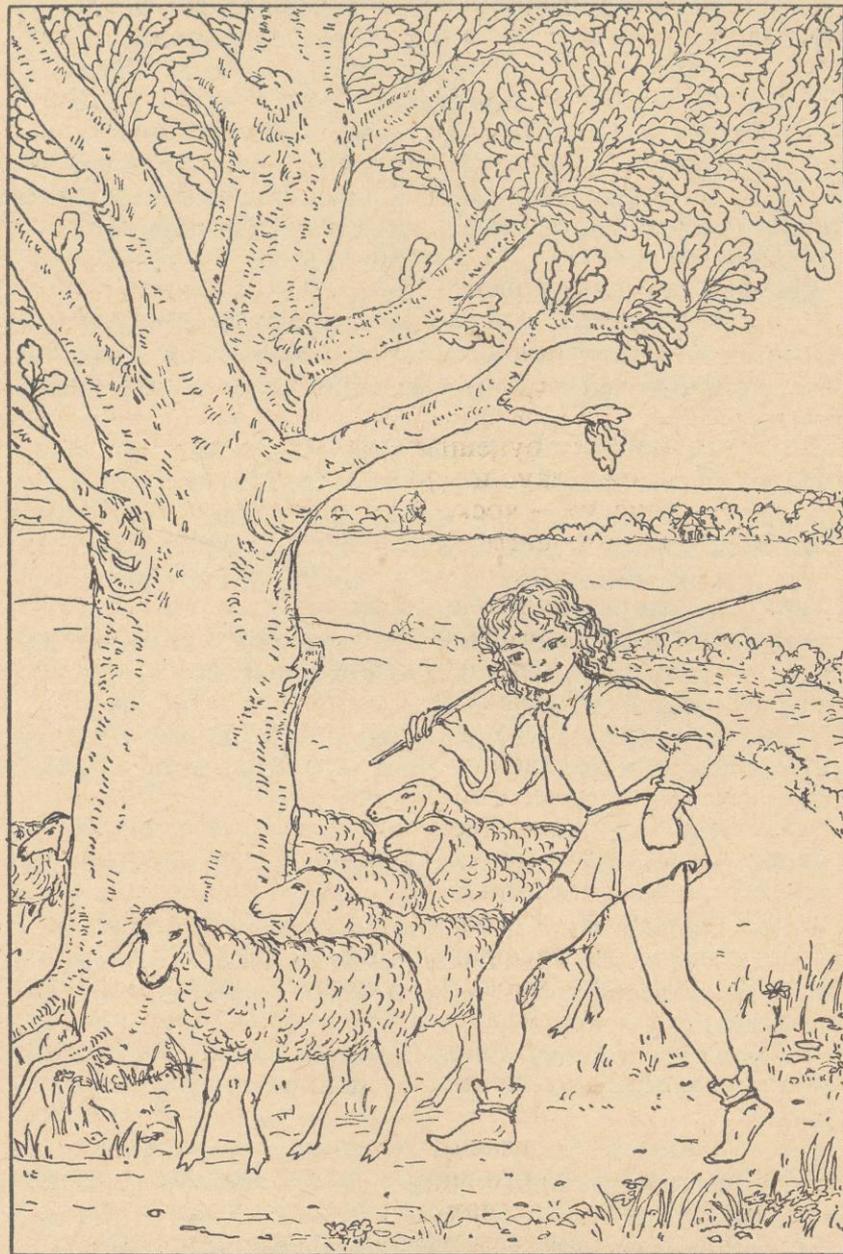
Хозяин постоялого двора был человек богатый и в общем не плохой, но слишком уж горячий, точно перцем и табаком начиненный.

— Здравствуй! — сказал он Маленькому Клаусу. — Что это ты нынче расфрантился спозаранку?

— Да вот, пришлось бабушку в город везти, — ответил Маленький Клаус, — она там, в тележке, осталась; ни за что не хочет вылезать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчик меду; только говорите погромче: глуховата она!

— Ладно! — согласился хозяин. Взял большой стакан меду и понес его мертвой бабушке; а та сидела в тележке прямая, как палка.

— Вот, прислал вам внучек стаканчик меду! —

проговорил хозяин, подойдя к тележке, но старуха не ответила ему ни слова, даже не пошевелинулась.

— Слышите? — закричал хозяин во весь голос. — Ваш внук посылает вам стакан меду!

Еще раз прокричал он то же самое и еще раз — не шелохнулась старуха. Тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо, так что мед потек у нее по носу, а сама она опрокинулась навзничь, — Маленький Клаус ведь не привязал ее, а только прислонил к спинке скамейки.

— Что ты наделал? — завопил Маленький Клаус и, выскочив из дома, схватил хозяина за шиворот. — Ты мою бабушку убил! Погляди, какая у нее дырка во лбу!

— Вот беда-то! — заохал хозяин, всплеснув руками. — И все из-за моей горячности! Маленький Клаус, друг, я тебе целую мерку денег дам, а бабушку твою похороню, как свою собственную, только ты про все, что было — молчок! Не то мне голову отрубят, а это не очень-то приятно!

И вот Маленький Клаус получил целую мерку денег, а хозяин похоронил его старую бабушку не хуже, чем свою собственную.

Маленький Клаус опять вернулся домой с целой кучей денег и сейчас же послал к Большому Клаусу мальчика за меркой.

— Как так? — удивился Большой Клаус. — Да неужто я его не убил? Надо посмотреть своими глазами.

И он сам понес мерку Маленькому Клаусу.

— Откуда это у тебя такая куча денег? — спросил он и даже глаза вытаращил, увидев, сколько у его соседа прибавилось денег.

— Убил-то ведь ты не меня, а мою бабушку, — ответил Маленький Клаус, — а я ее продал за мерку денег!

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус; побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, потом положил ее в тележку, отвез в город к аптекарю и предложил ему купить мертвое тело.

— Чье оно и где вы его взяли? — спросил аптекарь.

— Это моя бабушка! — ответил Большой Клаус. — Я убил ее, чтобы продать за мерку денег!

— Господи помилуй! — воскликнул аптекарь. — Да вы сами не знаете, что говорите! Берегитесь, за это с вас могут голову снять!

И аптекарь растолковал Большому Клаусу, каких дел он наделал, какой он дурной человек и как его за это накажут. Большой Клаус перепугался, опрометью выскочил из аптеки, сел в тележку, стегнул по лошадям и помчался домой. Аптекарь и все вокруг подумали, что он сумашедший, и потому не стали его ловить.

— Ну и заплатишься ты мне за это, ну и заплатишься, Маленький Клаус! — вскричал Большой Клаус, выехав на дорогу.

И как только добрался он до дому, взял огромный мешок, пошел к Маленькому Клаусу и сказал:

— Ты опять меня одурачил! Сперва я убил своих лошадей, а теперь и бабушку! И все это по твоей милости! Но уже больше тебе меня не надуть!

И вот он схватил Маленького Клауса и засунул его в мешок, а мешок завязал, вскинул себе на спину и крикнул:

— Пойду утоплю тебя!

До реки было не близко, и Большому Клаусу стало тяжело тащить Маленького Клауса. Дорога шла мимо церкви, из которой доносились звуки органа, да и молящиеся хорошо пели хором. Большой Клаус поставил мешок с Маленьким Клаусом у самых церковных дверей и подумал, что не худо бы зайти в церковь послушать псалом, а потом уж идти дальше. Маленький Клаус не мог ведь вылезти из мешка без чужой помощи, а весь народ был в церкви. И вот Большой Клаус вошел туда.

— Ох-ох! — вздыхал Маленький Клаус, ворочаясь в мешке; но как он ни старался развязать мешок — не мог. В это самое время проходил мимо старый, седой, как лунь, пастух, который гнал свое стадо, с

большим посохом в руках. Коровы и быки набежали на мешок с Маленьким Клаусом и повалили его.

— Ох-ох! — захохотал Маленький Клаус. — Какой я молодой, а уже должен отправиться в царство небесное!

— А я, несчастный, совсем одряхлел, но все никак не могу туда попасть! — сказал пастух.

— Развяжи мешок! — закричал Маленький Клаус. — Полезай на мое место — живо туда попадешь!

— С большим удовольствием! — сказал пастух и развязал мешок, а Маленький Клаус мигом выскочил на волю.

— Теперь ты будешь пасти скотину! — сказал старик и влез в мешок.

Маленький Клаус завязал его и погнал стадо.

Немного погодя из церкви вышел Большой Клаус и взвалил мешок себе на спину; тут ему сразу показалось, что мешок стал гораздо легче: ведь Маленький Клаус весил вдвое больше старика пастуха.

«Ишь как теперь легко стало! А все оттого, что я прослушал псалом!» — подумал Большой Клаус, а когда дошел до широкой и глубокой реки, бросил в нее мешок с пастухом и, полагая, что там сидит Маленький Клаус, крикнул:

— Ну вот, впредь не будешь меня дурачить!

Затем он отправился домой, но у перепутья встретил Маленького Клауса с целым стадом!

— Вот тебе раз! — воскликнул Большой Клаус. — Да разве я тебя не утопил?

— Утопил, конечно! — ответил Маленький Клаус. — Прошло уже с полчаса с тех пор, как ты меня в реку бросил.

— Так откуда же ты взял такое громадное стадо? — спросил Большой Клаус.

— А это водяное стадо! — ответил Маленький Клаус. — Расскажу тебе целую историю. Но сначала скажу спасибо за то, что ты меня утопил, — как видишь, я теперь разбогател! Правда, страшновато мне было в мешке. Ветер так и засвистел в ушах, когда ты бросил меня в холодную воду. Я сразу пошел ко

дну, но не ушибся: там на дне растет нежная, мягкая травка, — в нее-то я и упал. Мешок сейчас же развязался и, откуда ни возьмись, появилась девушка, да такая красotka! В белом, как снег, платье и зеленом венке на мокрых волосах. Она взяла меня за руку и сказала: «А, это ты, Маленький Клаус? Слушай: прежде всего бери этот скот, а в миле отсюда, на дороге, пасется другое стадо, побольше, — иди к нему, я дарю его тебе».

Тут я увидел, что для водяных жителей река все равно что дорога: они ездят и ходят по дну от самого озера и до верховьев реки. До чего хорошо! Какие цветы, какая свежая трава! А рыбки шмыгают мимо моих ушей — точь-в-точь как у нас здесь птички! Что за красавцы попадались мне навстречу и какие чудесные стада у изгородей и канав!

— Почему ты так скоро вернулся? — спросил Большой Клаус. — Если там так хорошо, меня оттуда нипочем не выманили бы!

— А я это неспроста сделал! — сказал Маленький Клаус. — Я тебе уже говорил, что водяная девушка велела мне отправиться за другим стадом, которое пасется при дороге, всего в одной миле от того места, где мы с нею встретились, — дорогой она называет реку, другой дороги у них нету; а река так петляет, что мне пришлось бы сделать здоровый крюк, пойдя по дну. Вот я и решился выбраться на сушу да шагать напрямик к тому месту, где ждет меня мое водяное стадо; так я сокращу путь почти на полмили.

— Экий счастливец! — сказал Большой Клаус. — А как ты думаешь, я тоже получу стадо, если спущусь на дно?

— Конечно! — ответил Маленький Клаус. — Только я не могу тащить тебя в мешке до реки, больно уж ты тяжелый. Хочешь, дойди до нее сам и влезь в мешок, а я с превеликой охотой сброшу тебя в воду!

— Спасибо! — проговорил Большой Клаус. — Но берегись: если я там не получу стада, я тебя изобью, так и знай!

— Ну, ну, не кипятись! — сказал Маленький Клаус; и они пошли к реке.

Скоту очень хотелось пить, и, едва заведя воду, все стадо бросилось к ней.

— Погляди, как они торопятся! — сказал Маленький Клаус. — Это им не терпится поскорее попасть домой, на дно!

— А ты сперва помоги мне, а не то я тебя избыю! — сказал Большой Клаус и влез в мешок, который лежал на спине у одного быка. — Да положи мне в мешок камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

— Пойдешь! — возразил Маленький Клаус, но все-таки положил в мешок большой камень, потом крепко завязал мешок и толкнул его в воду. Бултых! — и Большой Клаус пошел прямо ко дну.

— Ох! боюсь не найдет он там ни коров, ни быков! — сказал Маленький Клаус и погнал свое стадо домой.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил однажды принц. И пришло ему время жениться. Он хотел взять себе в жены непременно принцессу, да не какуюнибудь, а самую настоящую.

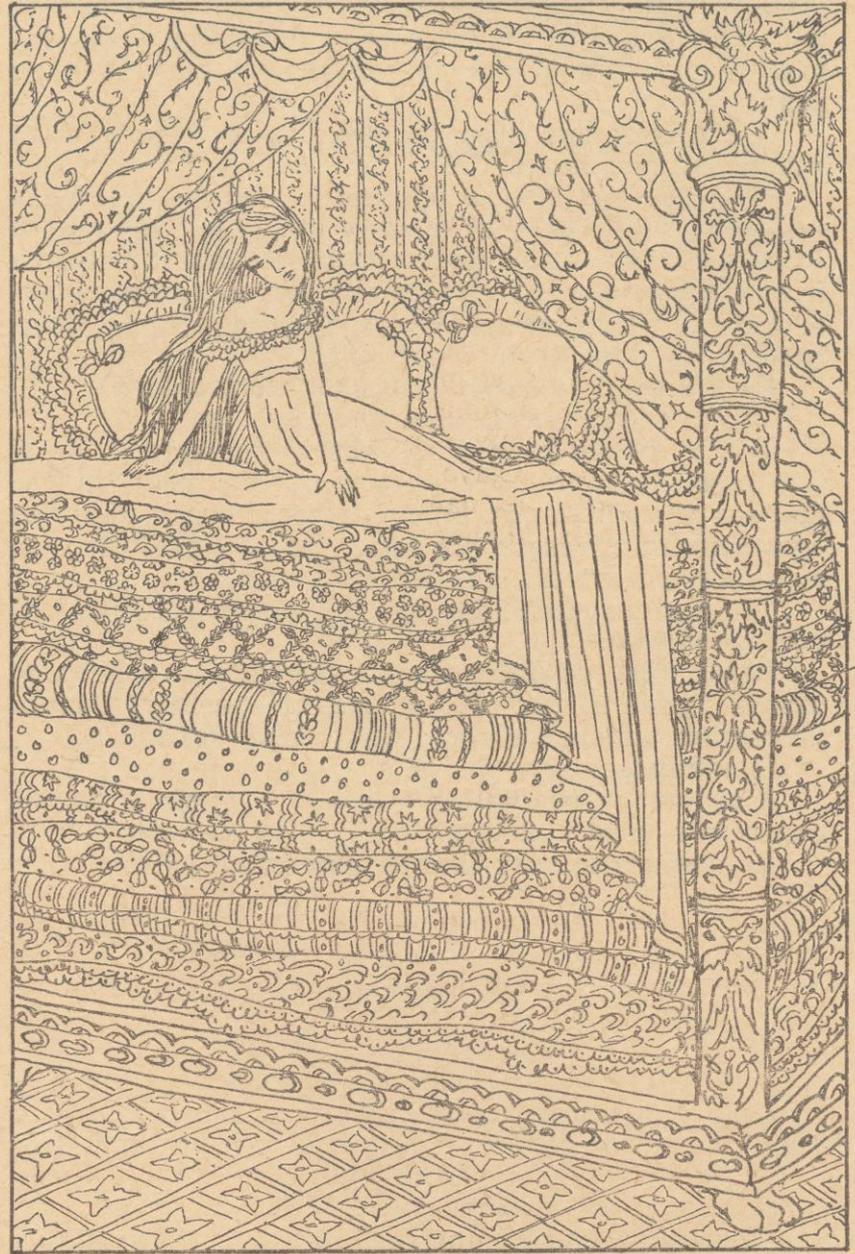
Он объехал весь свет, но так и не нашел себе невесты. Принцесс-то было много, да как узнать, настоящие они или нет?

Так и вернулся наш принц домой ни с чем и загоревал: уж очень ему хотелось жениться на настоящей принцессе.

Однажды вечером поднялась сильная буря. Засверкала молния, загредел гром, а дождь полил, как из ведра.

Вдруг кто-то постучал в ворота дворца, и старый король пошел открывать.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она

была похожа! Вода ручьями стекала с ее волос и с платья прямо на туфельки. Бедняжка была такая мокрая, как будто ее только что вытащили из реки.

И все-таки она уверяла, что она-то и есть самая настоящая принцесса.

«Ну, это мы сейчас проверим», подумала старая королева, но не сказала никому ни слова. Она пошла в спальню, сбросила с кровати все тюфяки и подушки и положила на голые доски горошину. А потом накрыла горошину двадцатью тюфяками да еще двадцатью перинами из гагачьего пуха.

На эту постель и уложили принцессу спать.

Утром ее спросили, хорошо ли она спала.

— Ах, очень плохо! — сказала принцесса. — Я всю ночь не могла сомкнуть глаз. Бог знает что за постель у меня была! Мне казалось, что я лежу на булыжниках, и теперь все тело у меня в синяках. Ах, я спала очень, очень плохо!

Тут все поверили, что она и в самом деле настоящая принцесса.

Ведь она почувствовала маленькую горошину сквозь двадцать тюфяков и двадцать перин! Только настоящая принцесса могла быть такой неженкой.

И принц женился на ней.

А горошину отправили в музей. Там она и до сих пор лежит, если только кто-нибудь не взял ее.

Да, вот какие дела бывают на свете!

СОДЕРЖАНИЕ

Дюймовочка	3
Огниво	15
Новый наряд короля.....	25
Стойкий оловянный солдатик	31
Дикие лебеди.....	37
Гадкий утенок	53
Соловей	64
Снежная королева.....	76
Бузинная матушка	106
Оле Лукояе.....	115
Калоши счастья	129
Дорожный товарищ.....	155
Русалочка	176
Дочь болотного царя.....	198
Маленький Клаус и Большой Клаус	237
Принцесса на горошине.....	250

Ганс Христиан
Андерсен

СКАЗКИ

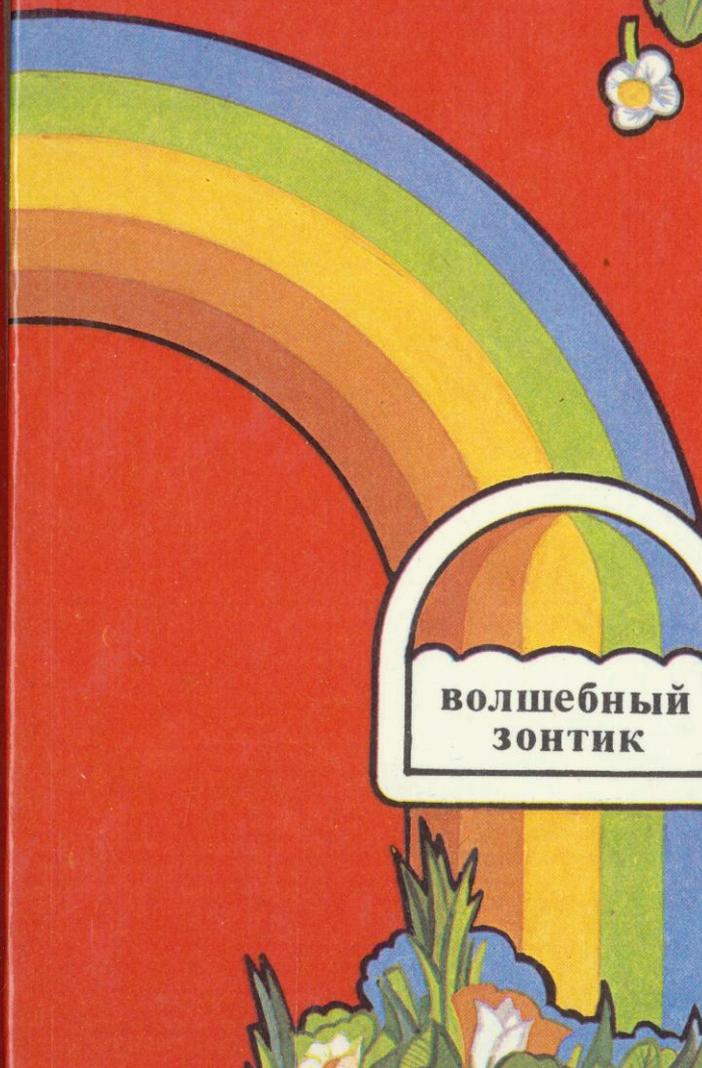
Подписано к печати 15.04.92. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр.
Шрифт Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,72.
Тираж 100 000 экз. Зак. № 8097. С 005.

ММП «Асцендент». Москва, Ленинский проспект, д. 36.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Минин-
формпечати Р Ф. 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

**ВОЛШЕБНЫЙ
ЗОНТИК**